

Жмурки с покойником

От автора

Эта нашумевшая история в конце восьмидесятых приключилась практически на моих глазах. Я был не только очевидцем, но и свидетелем по делу. Много лет спустя, когда я работал в газете «Известия», к нам в отдел расследований позвонил неизвестный и попросил меня выйти в вестибюль. Мужчина пояснил, что у него на руках такая информация, за которую удавится любой журналист. Заинтригованный, я спустился вниз и сразу его узнал. Это был бывший ульяновский следователь Ренат Шерафутдинов. Мы обнялись. Он спросил, помню ли я поездку кузоватовских мужиков в Америку? Я не смог удержаться от смеха.

— Очень хорошо! — обрадовался гость и достал из портфеля внушительную папку. — Мошенника мы поймали. Вот копия обвинительного заключения. Только сейчас, через двадцать два года в этом деле поставлена окончательная точка. Почитайте!

Я поднялся в отдел, развязал папку и открыл ее на первой попавшейся странице. В глаза сразу бросилось чье-то откровение под протокол: «Когда меня похоронили, то я с удивлением заметил, что меня перестали замечать люди и узнавать знакомые...»

«Ничего себе затравочка», — поежился я и решил читать материалы по порядку. Я провалился с первой же страницы. Как-никак в уголовном деле в качестве очевидца фигурировал и я. В тот день мне не суждено было написать заметку в номер. К концу рабочего дня я не выдержал и побежал к главному редактору. Тогда газету возглавлял Владимир Мамонтов. Он выслушал меня довольно внимательно и сказал, что история действительно занимательная, однако она не для солидного издания.

— К тому же дело двадцатилетней давности — читатель нас может не понять, — развел руками редактор.

Содержимое папки я потом неоднократно пересказывал коллегам. Вернее, пытался пересказать. Но у меня никогда не получалось до конца. Слушателей хватало ровно на пять минут. Потом начинались ухмылки, насмешки и саркастические вопросы, типа, а не в стенах ли «Кашенки» формировался столь блистательный материал?

Увы, ни внушительная папка с тремя томами дела, ни мое личное знакомство со следователем не могли подавить скепсис моих коллег. В конце концов, я оставил попытки протолкнуть этот материал в газету. Я решил написать художественный роман, а себя замаскировать под одного из персонажей.

Собирался я долго. Сюжет рвался наружу и не давал спокойно существовать. Наконец однажды меня так потянуло к компьютеру, что о каком-либо откладывании на завтра не могло быть и речи. Часы только что пробили полночь. Утром нужно было вставать на работу, однако сна — как ни бывало. Я протянул пальцы к клавиатуре, и они с готовностью нащелкали: «Эта история, согласно материалам дела, началась 24 июля 1987 года. В то утро в Управление сельского хозяйства Ульяновской области вошел неизвестный мужчина respectable вида...»

Часть первая

Овца по имени Таня

1

Итак, эта история, согласно материалам дела, началась 24 июля 1987 года. В то утро в Управление сельского хозяйства Ульяновской области вошел неизвестный мужчина respectable вида. Не обратив ни малейшего внимания на дежурившего в дверях милиционера, он уверенно направился на третий этаж. Несмотря на то, что начальник Управления был занят, неизвестному удалось беспрепятственно миновать еще один милицкий пост

на третьем этаже и «предбанник» приемной со строгой секретаршей. Солидно войдя в кабинет и грозно сверкнув очками, мужчина громко представился Станиславом Сергеевым, специальным корреспондентом газеты «Известия». Удостоверения гость не предъявил, а главе Управления не пришло в голову документально удостовериться в его личности. Большой начальник с готовностью отложил бумаги в сторону и гостеприимно улыбнулся:

— Слышал, слышал о вас. И читал, знаете... много читал. Очень хорошо пишете. Хлестко, в духе времени. Да вы присаживайтесь!

Взгляд начальника сделался блуждающим. Он немного помолчал, затем мягко поинтересовался:

— Что привело звезду отечественной журналистики в наши края?

Столичный гость строго кашлянул, тем самым, показав, что не принимает лести провинциального начальства и, деловито опустившись в кожаное кресло, произнес:

— Меня послали выяснить, как в Ульяновской области обстоят дела с семейными арендными подрядами?

Зрочки главы Сельскохозяйственного управления воровато забегали, поскольку никаким подвижек в этом направлении не было. Не было, потому что не имелось указаний сверху. Были только призывы. Но призывы не к управленцам, а непосредственно к самим семьям. «Мне конец, — мелькнуло в голове у начальника. — Кто-то накатал на меня свинью».

Глава аграриев недолго пребывал в растерянности. Ведь, как известно, долгая задумчивость чревата последствиями.

— Вы знаете, у нас прекрасно обстоят дела с семейными арендными подрядами, — бодро ответил он. — Наш показатель в этой части на шесть процентов выше, чем в соседней Пензенской области. Вам кофе, или чай?

— Если можно, мне хотелось бы увидеть конкретные хозяйства и конкретных фермеров, а не цифры, — строго произнес спецкор, игнорируя предложенные напитки.

— Об чем речь! Устроим! — задушевно развел руками начальник, мучительно соображая, какой же колхоз можно выдать за общество цивилизован-

ных кооператоров? — Вы сегодня отдохайте, а завтра мы вам покажем наши хозяйства.

— Нет, — покачал головой корреспондент. — Завтра я уже должен вылететь в Москву. — Только сегодня.

«Без ножа режет, — простонало внутри у агрария. — Где же ему сейчас найти семейных подрядчиков? Тем более что таковых в области никогда не существовало».

— Ну что же! Сейчас так сейчас! — обаятельно улыбнулся начальник. — Куда же вас направить? Э-ээ...

За это секундное «Э-ээ» в голове провертелось несколько вариантов: в том числе и вариант с исчезновением журналиста. «Ну, не долетел он до Ульяновска! С кем не бывает!»

— Э-ээ! Пошлю-ка я вас на юго-запад области, в Кузоватовский район. Там много фермерских хозяйств...

Последнее звучало анекдотично. Это был самый отсталый район Ульяновской области. У кого только язык повернулся назвать ту кузоватовскую глухомань районом. Мысль в этом направлении сработала исключительно потому, что до той дыры по причине бездорожья было добраться весьма не просто. А если пойдет дождь, то по пути вообще можно сгинуть. Но все это сладкие мечты! А фактически, погода стояла изумительная, на небе ни облачка, так что в худшем случае спецкор до центральной усадьбы Кузоватово доберется за какие-то два часа.

— Когда выезжаем? — деловито осведомился журналист, поднимаясь с кресла.

— Сейчас организую вам машину.

2

Это был тяжелый случай. Московский гость наотрез отказался от кофе, наотрез отказался поселиться в обкомовской гостинице, наотрез отказался от экскурсии по городу с последующей кормежкой в ресторане. Он сразу потребовал выехать в село.

«Серьезный молодой человек», — печально вздохнул верховный аграрий и предоставил свою персональную «Волгу». Однако водителю успел шепнуть, чтобы тот ехал окольными путями.

Не успела машина выехать со двора, бедняга тут же бросился к телефону. Селектор долго не соединял с деревней Коромысловка, что по соседству с Кузоватово. А когда соединил, чиновник нетерпеливо застонал. Трубку взял сам председатель.

— Слышь, Алексеич! Я к тебе направил столичного корреспондента. Он интересуется семейными подрядами...

— За что, Фролыч? — воскликнул председатель. — Что я тебе плохого сделал?

— Да цыц ты! Дай договорить! Знаю, что никаких семейных подрядов в твоём колхозе нет. Даю тебе два часа. Найди любую семейную пару. Да не одну, а штук пять. Пусти их на самые лучшие участки...

— Да ты мне пораньше бы позвонил, Фролыч! Мужики уж приняли.

— Цыц! — вышел из себя глава. — Что за привычка перебивать? Слушай внимательно! Сразу корреспондента на поле не веди. Он — пронира. Сначала в столовку. Устрой в честь него банкет. Хорошо подпой! А потом можно и на поле.

— А если я его так подпою, что он не захочет на поле?

— Это было бы идеально. Но боюсь, что он не пьёт.

Однако тут начальство ошиблось. И какой же репортер не падок до халявы, а тем более — столичный. «Волга» въехала в Коромысловку в два часа дня. Водитель очень постарался, чтобы дорога была как можно длиннее. Кроме того, по пути он ухитрился пару раз сломаться и трижды заправиться.

— Сколько же мы отмахали? — лениво поинтересовался журналист, который всю дорогу молчал.

— Двести километров, — с гордостью ответил водитель. — Это мы еще быстро. Сами видите, какие дороги.

— Как мы так умудрились, когда до Кузоватово по карте всего сто пять километров?

Водитель, сочтя вопрос корреспондента риторическим, скромно промолчал. Столичный гость вздохнул и задумчиво пробормотал:

— М-да! Велика и непредсказуема Ульяновская область.

Не успела машина остановиться у крыльца Правления колхоза, как на встречу с распростертыми объятиями выскочили председатель с парторгом. Журналист поморщился.

— Уже созвонились, — недовольно буркнул он и нехотя вылез из машины.

Ему сильно трянули кисть, похлопали по плечу, после чего поинтересовались:

— Как столица?

— Живет!

Мужики расхохотались остроумному ответу, затем председатель с трепетом в сердце предложил:

— Пообедаем?

Возникла неопределенная пауза, во время которой с главы деревни сошло семь потов. «Сейчас откажется и поминай, как звали». Но московский гость неожиданно кивнул:

— Можно.

Председатель с парторгом облегченно выдохнули и повели высокого гостя в колхозную столовую. Там уже были накрыты столы с самоварами и вокруг них нетерпеливо топтались колхозники. Сразу ударил в нос запах нафталина и тройного одеколona.

Журналист едва заметно усмехнулся и дал себя посадить в центр стола. Председатель примостился рядом. Все расселись, и слова взял парторг Семен Петрович Куроедов.

— Товарищи, — произнес он, налив из самовара водки. — Наш колхоз удостоен высокой чести. К нам из Москвы приехал известный московский журналист. Он хочет увидеть наши достижения в области семейных подрядов.

— Хочет — увидит! — пробасил кто-то из колхозников.

И это прозвучало как угроза. Затем все ринулись наполнять стаканы содержимым самоваров.

Московский гость снова усмехнулся и деловито опустошил подсунутую ему посудину. Председатель повеселел. «Дело в ажуре!» — подумал он и вскочил с места толкнуть речь.

Дальше пошло как по маслу. Журналист пил стакан за стаканом, не отставая от колхозников, и все более соловел. Каждый раз, когда он вспоминал об арендных подрядах, ему вкладывали в руку граненый инструмент, и вопрос временно терял актуальность. После первого, второго и шашлыка из баранины банкет начал принимать космические масштабы. В столовую стали заходить и колхозницы. При виде одной грудастой доярки глаза нализовавшегося гостя вспыхнули. Это не ушло от внимания Петра Алексеевича, председателя колхоза. К этому времени ему шепнули, что снова звонит Фролыч. Председатель подозвал доярку, посадил ее на свое место рядом с журналистом и побежал в Правление.

— Ну, что, Алексеич, как наш гость? — спросил Фролыч встревоженным голосом.

— Отлично! Дозревает! — заплетающимся языком ответил председатель.

— Поля смотрел?

— Еще нет! Сидим в столовой, гуляем! — хихикнул Петр Алексеевич. — Сегодня уже вряд ли пойдем на поле.

— А завтра?

— А завтра будем похмеляться.

— Молодец! — с чувством произнесло высокое начальство. — Я в долгу не останусь. Продолжай в том же духе!

Председатель и предположить не мог, какие гнусные мысли мелькнули в эту минуту у начальника Управления. «А хорошо бы, если бы у журналиста оказалось слабое сердце. А что, бывает! Умер от перепоя. Или вот бы они после банкета пошли купаться на пруд, и гость бы во время плавания подавился коровьей лепешкой».

Но все это мечты. А на практике столичный корреспондент находился в самом отсталом районе области, можно сказать, в самом центре гнойника. «Хмель пройдет, а гной останется, — созрел в голове афоризм. — А хорошо если бы он завтра утром не проснулся...»

Однако Петр Алексеевич не разделял опасений областного начальства. Когда он возвратился в столовую, то увидел, что все на мази. Доярка с хохотом отбивается от загребущих рук столичного корреспондента, а гульба шурует уже стихийно.

Петр Алексеевич вклинился между дояркой и журналистом, и разлил еще по стаканам.

— Эх, мужики! — произнес заплетающимся языком газетчик. — Эх, и нравитесь же вы мне.

Он залпом опустошил стакан и, сердечно обняв председателя с парторгом, растроганно продолжил. — Я вообще люблю общаться с народом.

— Да вы закусывайте, закусывайте! — подбодрила доярка.

Журналист бодро кивнул:

— А я здесь, мужики, не просто так! Я здесь с определенной целью.

Председатель с парторгом насторожились. Гул постепенно начал затихать. Гость, снизив голос до полусшепота, произнес:

— Я здесь не только с журналистским заданием. Мне заместитель министра сельского хозяйства поручил присмотреться в глубинке к толковым мужичкам. Чтобы отправить их на учебу в Америку.

Гул стих окончательно. В столовой воцарилась убийственная тишина. Все стали переглядываться, и у каждого в глазах читалось, что самые толковые мужики проживают именно здесь, в Коромысловке.

— Эх, если бы моя воля, я бы вас всех послал, — продолжал заплетающимся языком гость. — Проживание и учеба в Америке за счет государства. Нужно только на свои добраться до Москвы. Остальное все за счет министерства. Клево ведь!

Это было настолько клево, что мужики заговорили все разом.

— Пошли нас! Мы в долгу не останемся.

— А что? — икнул гость. — Может, и pošлю...

3

Говорят, что именно в тот вечер впервые и увидели эту злосчастную черную собаку. По слухам, на нее наткнулся сам председатель. Он якобы вышел на крыльцо отлить и споткнулся об нее. Но слухам верить нельзя. Да и что черной собаке делать в Коромысловке? А вот то, что на второй день собаку видели в центральной усадьбе Кузоватово, — такой факт могут подтвердить многие. Она появилась в полдень около клуба, прохилила мимо монумента неизвестному солдату, мимо столовой, магазина и направилась в сторону леса. Как раз в это время школьная уборщица баба Оксана выходила из магазина и испуганно воскликнула:

— Страсти господни! Это чья же такая псина?

— Где? — выскочила на крыльцо любопытная продавщица. — Ой, мама родная! Это какая-то не наша!

Странно, но именно в эту же самую минуту в ста пяти километрах от поселка двадцатидвухлетнему пареньку Леониду Берестову отчаянно захотелось взвыть. Он раскачивался в кресле перед осциллографом в застенках Ульяновского электронного завода «Искра» и, густо дымя паяльником, прилагал усилия, чтобы подавить в себе это странное собачье желание. «Как же так? Вот мерзавка! Такого парня оплевать!» — как помешанный бормотал он и как-то не по-мужски хлюпал носом.

Леонид имел за спиной срочную службу в ракетных войсках, два провала в МГУ на факультет журналистики и неизлечимую обиду, которую вчера нанесла ему одна легкомысленная брюнетка.

Он вглядывался в дисплей, в котором как в зеркале отражалась белобрысая растерянная физиономия, щупал бицепсы и грустно думал, что не хило было бы опять «упасть на штангу», как в армии.

А в это время за спиной появлялись первые симптомы колхозной лихорадки. Однако Берестова они не волновали, поскольку он отработал в колхозе в прошлом году. К тому же в данный момент дневная норма по настройке

калькуляторов была выполнена, а значит, придраться к нему не за что. Его приятель Илюха Креонов весело насвистывал и кромсал кусочками микросхемы, значит, настроение у Креончика было прекрасное, а, следовательно, язык у него — как японская молотилка, а это означает, что от колхоза они на пару с Креончиком как-нибудь отбрыкаются.

«Эх, Аллочка, Аллочка — невинный взгляд и губки бантиком», — вздыхал наш белобрысый герой, и дисплей от обиды чернел и врал на логарифмах.

Колхозная лихорадка напоминает золотую: также все бледнеют и сходят с ума. Также никто не верит в ближнего, в дальнего, в лучшую жизнь и в грядущее торжество справедливости. Тем более что вместо берега с золотым песком, непременно оказываешься на навозной куче с оригинальным совковым инструментом.

Креончик оглядывался назад, где багровые технологи рыскали по цеху в поисках добровольцев, и покатывался как людоед при виде мясорубки. О каких добровольцах может идти речь, когда горожане напуганы колхозом с детства. Колхоз для них — все равно, что знамение конца света. Но у Леонида никакого страха не было, потому что он уже имел счастье там побывать. И даже понравилось. Единственно, что омрачало суровую колхозную действительность — это мухи и прочая кровососущая летающая тварь. Но что такое мухи по сравнению с тем прозрением, которое внезапно открылось Лене после месячной колхозной ссылки. Только после нее до Берестова дошла ирония популярной в то лето песни «Яблоки на снегу». Это оказывается не о любви, а о бардаке, царившем в плодовопитомнических хозяйствах. И поделаться с этим Леня ничего не мог, потому что делать ничего не предлагали, а личную инициативу рассматривали как мелкое хулиганство.

Так что, вернувшись оттуда, ни славы, ни денег, ни бешено романтических впечатлений бедняга не привез. Зато привез великолепный оливковый фингал под правым глазом и собственное сатирическое стихотворение «Тяжело в деревне без нагана».

Разумеется, с фингалом ситуация была классическая. Конечно, их было восемь, а Леня — один. И конечно им здорово бы не поздоровилось, если бы они его догнали. А стихотворение родилось спонтанно при виде догнивающего коровника, разрушенного еще белочехами в 1918 году. Словом, сердце у Берестова сжалось, как лимон, и именно из него (подчеркиваю, из сердца, а не из пальца, как у профессионала) и вытекли те необычайно кислые строки.

Но неожиданно его легкомысленное творение разлетелось по заводу с непредсказуемой быстротой. Берестов сделался популярным буквально за один день. Разумеется, администрация не смогла простить ему славы и стала демонстративно не замечать автора. А когда в заводской многотиражке появился фельетон «Тяжело крановщикам без крана» в бухгалтерии стали забывать начислять Лене премию за перевыполнение плана.

Любопытную истину открыл для себя Берестов: оказывается быть поэтом в этой жизни втрое непростительнее, чем тунеядцем, или жуликом. Однако мы отвлеклись.

Итак, 25 июля в полдень Берестов не собирался ни в какой колхоз. Во всяком случае, добровольно. А принудить его не могли, так как в последнее время за ним не числилось нарушений. Но судьба так непредсказуема! Мысли молодого парня были настолько заняты Аллочкой, что он не заметил, как колхозная нервотрепка за спиной подозрительно утихла. Либо нашлись два добровольца, либо кому-то припомнили кузькину мать. Что произошло дальше, любой другой бы назвал случайностью, но Берестов расценил это, как перст судьбы.

Внезапно сзади из зловещей тишины выплыла местная нимфа Юлечка Самойлова. Она целомудренно хлопнула глазками и, стыдливо покраснев, спросила у Берестова стеснительным голосом:

— Леонид, хотите со мной в колхоз?

Креончик сбоку захихикал и деликатно уткнулся в платы, хотя никакой деликатностью Илюха не отличался. Берестов и на эту странность не обратил внимания и, каким-то идиотским образом потеряв бдительность, шаловливо промурлыкал:

— Неужели и тебя решили сослать, Юлечка? За что? Ты сегодня опоздала?

— Так поедите или нет? — топнула ножкой нимфа и залилась еще более целомудренной краской.

— Об чем речь! — расплылся в ослиной улыбке Леня, соображая, что если и такую телку решили запрячь в эту всеобщую навозную повозку, значит у проклятой администрации атрофированы последние чувства.

Как она себе представляет эту хрупкую эфемерную прелесть с божественной фигуркой и зеркальными коготочками в грубых мужских сапогах? Это все равно, что розу бросить в чайник вместо кипятильника.

— С тобой хоть на край света, — промурлыкал Леня, представив, как плачет Аллочка и рвет от обиды волосы.

— Я серьезно.

— Когда я шутил?

— Значит, едем?

— Хоть сейчас.

— В колхоз?

— Куда угодно.

Самойлова открыла ротик, чтобы пролепетать еще что-то бесконечно наивное, но сзади, словно гром среди ясного неба, раздался голос начальника цеха:

— Итак, вы договорились.

Микросхема рассыпалась у Лени в руках, и сердце ускользнуло куда-то в коленки. Берестов вскочил со стула красный и трепещущий, точно пионерский галстук, и униженно залепетал:

— Я пошутил, Александр Григорьевич! Я не могу! Я болею! У меня все признаки открытого туберкулеза легких с инсультом миокарды...

— Итак, вы договорились, — повторил начальник с железно-бетонным нажимом, и Берестов с тоской подумал, что чем дубиноподобнее индивидуум, тем больше он хапает власти.

— Не поеду! — разозлился Берестов. — Не имеете права! Я не упал каждый год ездить по колхозам!

Крик души не возымел эффекта, тем более что голос от волнения сделался петушиным. Получилось не солидно и не убедительно. Начальник молча развернулся и направился к себе, всем видом показав, что дело решено. За ним засеменяли технологи, давая саркастические ухмылки. Разумеется, Берестов собирался упасть, но исключительно на штангу, и исключительно ради Аллочки. «Эх, Аллочка, Аллочка! Жизнь так коварна...»

Напряжение за спиной мгновенно улетучилось и даже повеяло отеческим сочувствием со стороны большого конвейера.

— Пиши, если что, — похлопал по плечу Креончик. — А если будут барабашки — телеграфируй.

— Да пошел ты! — разозлился Леня. — В следующий раз, может, я над тобой посмеюсь.

4

И следующего раза пришлось ждать не более часа. После обеда к Леониду подошел начальник цеха и, едва удерживаясь от смеха, сообщил:

— Самойлова неожиданно собралась замуж, так что поедешь один.

— Что? — не поверил ушам Берестов, до которого, наконец, дошло, что его провели на мякине. — Не поеду! Ни за что. Можете увольнять по тридцать третьей статье! — Однако, встретившись с чугунолитейным взглядом начальника, Леня тут же добавил, менее свирепым тоном: — А если поеду, то только с Креончиком.

Креончик едва не слетел со стула. Он вскочил, покраснел, однако ничего возмутительного отпарировать не успел. Александр Григорьевич тут же громыхнул своим басом:

— Хорошо, Креонов. Если ты так горишь, я тебя тоже оформлю!

Начальник развернулся и пошел прочь, а к Креончику, наконец, вернулся дар речи.

— Я не горю, Александр Григорьевич! С чего вы взяли? — закричал он на весь цех.

С большого конвейера послышался смех. Спина Александра Григорьевича тоже пару раз дернулась. Креончик понял, что самое умное в данной ситуации не выглядеть смешным. Он гордо закусил нижнюю губу и с чувством выдохнул:

— Козел!

Берестов хитро подмигнул и расплылся в понимающей улыбке.

— Освежаешь в памяти деревенский словарь? Ну-ну! — после чего покровительственно похлопал его по плечу: — Не грусти! Жизнь такова, какова она есть. И если роза не предназначена для чайника, то только дурак может использовать ее вместо кипятильника.

Последнее тянуло на афоризм, но Креончик не оценил. Он скинул с плеча руку приятеля и послал его куда-то к хохлам. А сам обиженный ушел в сторону курилки. Впрочем, до курилки не дошел. Завернул на ОТК к Самойловой.

— Эх, Юлечка, — тяжело вздохнул Креончик, обняв ее за талию. — Все-таки решила замуж.

Красавица стыдливо кивнула и сняла с себя не санкционированную руку.

— Правильно! — еще более сокрушенно вздохнул Креонов. — Женщина без мужа — все равно, что корова без рогов.

Десять минут спустя на ту же талию легли руки Берестова:

— Как ты подло меня обманула. Скажи, все Юлии такие?

— Не знаю, — произнесла умирающим голосом девушка, отдирая от себя загребущие руки парниши.

— Все! — сокрушенно вздохнул Берестов. — Потому что Юлия — означает из рода Венеры. А Венера была известной мерзавкой. Юлий Цезарь тоже был из рода Венеры. Секешь? Но на Цезаря ты похожа мало, однако, — прищурился Берестов, — что-то венерическое в тебе есть.

Леня вернулся в цех и увидел, что Креончика все поздравляют, а некоторые даже завидуют тому, что он бесплатно надышится свежим воздухом.

Ему хлопали по плечу и с изумлением интересовались, неужели вправду он согласился поехать в деревню добровольно. Когда же выяснялось название этой деревни, все в замешательстве расходились по рабочим местам.

— Страсти господние! Это же средневековье! Четырнадцатый век. Там еще колдуны и оборотни...

Креончик полдня пребывал в мрачном настроении. Не работал. Сдержанно принимал поздравления, как Цезарь после Рубикона, и принципиально не разговаривал с Берестовым. Однако в курилке все-таки дал волю чувствам:

— Когда это кончится? — всплеснул руками Креончик. — Уже два года перестройки, а нас по-прежнему гоняют по колхозам.

Илья бы очень удивился, если бы узнал, что начальник цеха после телефонного звонка из обкома слово в слово сказал своему заместителю ту же самую фразу:

— Когда это кончится? Уже два года перестройки, а нас по-прежнему гоняют по колхозам. Когда они, наконец, научатся обходиться без шефов. Конец месяца, нужно давать план.

— Так вроде не посевная? Зачем им люди? — удивился заместитель.

— Для прополки моркови.

— А что, колхозники сами не справляются?

— А колхозников отправляют на учебу в Америку.

— Ха! Ну и шутки у вас, Александр Григорьевич! — закатился на стуле заместитель.

5

Однако начальнику было не до шуток. От цеха нужно было срочно выделить двух работников на общественных началах. Теоретически администрация не имела права к принуждению, а практически, еще не родился такой дурак, который добровольно покатит разгрести навоз.

— С ума они там походили что ли? — пробормотал в сердцах Александр Григорьевич. — Какая к черту Америка?

И действительно, то, что в эту минуту происходило в Коромысловке, напоминала сумасшествие. Бабы, собрав мужиков в дорогу, рыдали у них на груди, а те с американской брезгливостью воротили от деревенщин носы. А на площади уже ждал автобус.

Просто фантастика! Московский журналист не обманул! После вчерашнего обещания всех послать, он в последний раз цапнул доярку за грудь и культурно отрубился. Все ожидали, что наутро он не вспомнит ни черта из того, что нес на манер Хлестакова. Однако, проснувшись, москвич деловито опохмелился и потребовал правительственный телефон.

Председатель с парторгом испуганно переглянулись.

— У нас нет правительственного, — пролепетали они в один голос.

— Плохо! — поправил очки журналист. — Давайте какой есть. Мне нужно немедленно позвонить Николаичу, заместителю министра.

Присутствующие при этом мужики вздрогнули и робко сопроводили гостя до Правления, где был телефон, единственный во всей деревне. Журналист сразу начал набирать номер. До Министерства он дозвонился только с седьмой попытки. Коротко и вразумительно объяснил ситуацию и, выслушав ответ, расплылся в интеллигентной улыбке.

— Николаич дал добро. Есть шестьдесят вакансий для учебы в штате Невада. Составляйте список!

С минуту стояла тишина. Мужики не верили ушам. Затем заговорили все разом. Из всеобщего гула выяснилось, что в Коромысловке тридцать восемь мужиков, и они все должны войти в список. В Кузоватово — семьдесят пять, а в Баевке — двадцать восемь. В Налейка — двадцать пять, но они почти все приезжие.

— Приезжих не надо! — поморщился гость. — Пополните список кузоватовскими, но только достойными, за которых не было бы стыдно за океаном.

— Федьку, Федьку Сапожникова, — загалдели мужики. — Он один может выпить ящик!

— И Лешку Селедкина! Он как напьется, может башкой разбить кирпич!

— То, что надо! — одобрил журналист.

Через полчаса список из шестидесяти человек был составлен, и колхозный грузовик рванул в Кузоватово. Журналист дал на сборы четыре часа. Председатель заказал в районе автобус.

Небывалая горячка охватила колхозников. Во всех домах пекли пироги, жарили кур, коптили свиней и заталкивали в сумки связки с сушеной рыбой. Когда на площади появился первый колхозник, готовый к отправке за рубеж, журналист от изумления потерял дар речи.

Он был с двумя чемоданами, рюкзаком и огромным полосатым мешком через плечо, который, сторбившись, волокла жена.

— Деньги хорошо спрятал? — шмыгнула она носом.

— В трусы! — коротко ответил отъезжающий.

К половине четвертого подъехали кузоватовские мужики. Они все, как один, были при галстуках и благоухали одеколоном. Их лица были серьезными, а изуверский объем багажа свидетельствовал о серьезных намерениях за океаном.

Ровно в четыре раздалась команда загружаться в автобус. Перед этим журналист лично созвонился с начальником железнодорожного вокзала, и тот, сразу въехав в ситуацию, пообещал изыскать шестьдесят билетов на фирменный поезд до Москвы. Председатель созвонился с Фролычем, и тот пообещал пополнить опустевший строй колхозников городскими шефами.

В половине пятого автобус под дружное рыдание женской половины деревни выехал из Коромысловки. Одновременно от электронного завода «Искра» отъехал заводской автобус с шефами. Когда он тронулся, Берестов радостно воскликнул:

— Плюнь на обиды, Креонарий! Периферия — это прекрасно. Как сказал один Юлий из Галии: «Лучше быть первым парнем на деревне, чем вторым секретарем в райцентре...»

Непонятно, почему в ту минуту Берестова охватило такое бурное веселье. Вероятно, от молодости, а может и от дурости, что, в сущности, одно и то же.

Ехали прекрасно. Креончик уже не дулся, а если дулся, то не помнил на что. Кроме Берестова с Креоновым из ребят было еще трое: Виктор Малахаев — солнце заводской поэзии, Толик из гальванического цеха — известный гитарист и сочинитель песен на чужие стихи, и Шурик-Австралия из упаковочного цеха. Зато девчонок двадцать восемь душ. И все, как одна, уставились на Толика. А Толик — на свою гитару.

Толик жить не может без гитары. Он таскает ее повсюду, где только есть возможность ее протащить. Даже через проходную, где безнаказанно не проскользывает ни одна мышь. Даже в этой невыносимой гальванике, где уши свертываются в трубочку, а нос непроизвольно изгибается в крючок. И там, стоит мастеру на минуту отлучиться, у Толика мигом в руках оказывался далеко не гальванический инструмент. Не удивительно, если и среди ночи Толик встает побренькать, если, конечно, есть необходимость вставать. Если, конечно, он не засыпает прямо с гитарой в руках.

Вот и сейчас, не успев расположиться на заднем сиденье, первое, что сделал Толик, расчехлил свою гитару и, закатив глаза, затянул про импортное пиво в склянке темного стекла.

Девчонки подхватили. Пацаны тоже. Даже Креончик, не имевший ни слуха, ни голоса, также вставил что-то веское в припеве о том, что каждый дышит тем, чем дышит. Словом, ничто не омрачало веселого настроения Берестова, кроме эфемерного образа Алочки, которая нет-нет, да возникнет из придорожной пыли. Однако чем дальше уносился автобус за городскую черту, тем бледней становился ее божественный образ. А после того, как на полпути им встретился автобус, набитый серьезными мужиками в галстуках, ее образ вообще перестал что-то значить. На всякий случай Берестов послал ей мысленный поцелуй, все остальное — послал к черту, и Алочка растворилась окончательно в пыли неасфальтированной дороги.

Именно с этой минуты перед глазами начал рисоваться другой, не менее соблазнительный образ Танечки Цветковой, за которую в прошлом году Лёня получил оливковый фингал от деревенских мизантропов. Ну да черт, с ними, с мизантропами! Придет время, он с ними рассчитается, ни в этом мире, так в царстве Божьем, в которое они, скорее всего, не попадут.

Компания Берестову определенно нравилась. Во-первых, Креончик. Он хоть и с «приветом», но с ним не соскучишься. Во-вторых, Малахаев с Толчановым — ребята творческие, не от мира сего. Кстати, были в прошлом году в колхозе. И Шурик-Австралия был. Он единственный из пацанов женатый. Кстати, заклевал всех своей Австралией.

Девчонки тоже были все знакомые. Но имелись и новенькие. Сразу бросалась в глаза длинноногая Светлана с русой косой и ангельским взглядом. На всякий случай Берестов решил положить на нее глаз. Однако не так просто положить глаз, когда глаза разбегаются. К тому же, на заднем сиденье дико трясло, и впереди разбегались разухабистые дороги и бежали навстречу столбы, и наш герой столбенел от мысли о тех восьми бугаях, которые в прошлом году никак не советовали ухаживать за Танечкой. Но Берестов не любил ничьих советов и не терял присутствие духа ни в каких ситуациях.

Через пару часов автобус прибыл на место в центральную усадьбу прямо на площадь.

Шефы не могли согласиться, что Кузоватово — средневековье, четырнадцатый век. В первую очередь, деревня в корне отличалась от средневековой своей безвкусицей и отвратительной архитектурой, если деревенские строения вообще можно назвать архитектурой. Скучные сооружения вокруг площади наводили такую загробную тоску, что невольно возникала мысль, не из загробного ли мира и выкопали отечественных архитекторов?

Самым внушительным и головным сооружением архитектурного ансамбля являлся клуб, напоминающий увеличенную крестьянскую избу. Перед ним — железобетонный монумент неизвестному солдату. По краям деревянное Правление колхоза и столовая с огромным крыльцом, на котором вечно курили механизаторы. Следом подряд шли два магазина «Ромашка» (две пер-

вые буквы оторваны) и «Урожай» (оторвана первая буква). За магазинами в никогда не просыхающей луже стоял бычок. Видимо, лужа была его постоянным местом. А сам бычок являлся архитектурным дополнением к ансамблю. Через поле виднелась двухэтажная школа-восьмилетка, три типичных двухэтажных дома, сотня дворов и полуразрушенная деревянная гостиница. На другом конце села располагались мастерские и витаминные агрегаты. За мастерскими, далеко через поле у самого леса стоял заколоченный дом, который назывался «домом с мертвыми душами».

— И в нем действительно обитают мертвые души? — вяло поинтересовался Креончик, меланхолично оглядывая окрестности.

— Ты не поверишь, но это факт! — с готовностью отозвался Берестов, почувствовав, что его прервавшееся молчание означает конец обиде. — Я лично видел! Клянусь!

Креончик поморщился и отвернулся, ни на толику не поверив клятвенарушителю. Несмотря на нашествие в тот год несметных полчищ барабашек и домовушек, Креончик отказывался верить в жизнь вне «материалистической подоплеки».

Вот, собственно, и вся деревня, в которой предстояло дерзать только что пребывшим шефам.

Едва автобус затормозил, на крыльцо Правления высыпала толпа встречающих, состоящих в основном из невероятно грудастых женщин. По такому количеству управленцев можно было судить об успехах колхоза «Светлый путь». Несмотря на светлое название, лица у всех были мрачные. Кузоватовские были обижены тем, что из Коромысловки в штат Невада отправили всех мужиков до единого, а из Кузоватова — только двадцать два человека.

— Ну, подождите, коромысловские! — бормотал сквозь зубы председатель Эльдар Заречный. — Мы вам еще покажем Коромыслову мать.

— Как отправлять в Америку, так коромысловских, — вторил парторг, — а как селить шефов, так у нас. Ничего, мы их так поселим, что они еще долго будут помнить.

Однако ничего не поделаешь. Обиду пришлось проглотить. Тем более что шефы ни в чем не виноваты. Парторг Петр Иванович — круглый, румяный, язык, как пулеметная лента. Он первый натянул на себя улыбку при виде прибывших. А когда двери автобуса отворились и стали выходить девчонки, его глаза сделались масляными. Он коlobком скатился с крыльца и кинулся к девчонкам подавать руку. Председатель с секретаршей переглянулись.

— Иж чё творит! Чистый салтан! — хихикнула секретарша.

Девушки охотно подавали руки парторгу, а он, жеманно хихикая, каждой представлялся персонально:

— Петр Иванович, парторг.

Ребятам он представился менее жизнерадостно, а, узрев Берестова, его лицо искривилось, как при виде лимона. Он вытаращил глаза и попятился. Запрыгнув на крыльцо, парторг принялся с ужасом что-то нашептывать председателю на ухо. В результате нашептывания лицо Эльдара Александровича вытянулось, словно в комнате смеха, и Берестов понял, что неприятности из-за его стихотворения «Тяжело в деревне без нагана» еще не скоро кончатся.

Председатель взял себя в руки, солидно кашлянул и обратился к прибывшим с речью:

— Дорогие товарищи шефы, мы рады приветствовать вас на нашей родимой земле. Если вы прибыли с добрыми намерениями, то и мы к вам — всей душой. Но если вы намерены смеяться над нашей родиной, — тут председатель метнул строгий взгляд на Берестова, — и писать пакости злопыхательного толка, то таким нет места в наших рядах.

На этих словах он запнулся и начал рыться в карманах. Видимо, речь была подготовлена заранее и совсем другого содержания. Но его подчиненные не правильно истолковали паузу, и секунду спустя из окна грянула музыка в стиле хард-рок.

Петр Иванович коlobком скатился с крыльца и, весело щебеча с девчонками, повел компанию через поле в пустую школу.

Шефов провожали взглядом все жители деревни, высыпавшие на улицу по случаю их приезда. Всех ближе к ним приблизились женщины. Мужчины

сгруппировались на крыльце столовой. Подростки угрюмо наблюдали изда- лека, и только дети вприпрыжку бежали за шефами до школы.

Единственной, кого не было среди встречающих, — это Танечки Цветко- вой. Хотя нет! Еще одна семья не вышла встречать гостей. Это семья Куд- рявцевых.

7

Сорокатрехлетняя Елена Ильинична Кудрявцева сидела на диване и зябко куталась в шаль. Несмотря на то, что на улице стояла жара, ее поминутно бросало в дрожь. Окна избы были занавешены, дверь закрыта на крючок, а сама она, не мигая, смотрела, в одну точку. Рядом с ней находились семна- дцатилетняя дочь Ирина и пятнадцатилетний сын Сережа.

— Мама, ну, прекрати, — плаксиво упрашивала дочь, капая на сахар ва- лерьянку. — Сколько можно страдать из-за такой ерунды?

— Из-за ерунды? — выдохнула женщина, переведя шальной взгляд на дочь. — Ты это называешь ерундой?

— Ну, мама, ну перестань! — прогнусавил сын, уткнувшись ей в плечо. — И так страшно!

По телу женщины прокатилась дрожь. Она обняла своих детей и шмыгну- ла носом.

— Ой, боюсь. Как я боюсь! Если б вы знали?

— Мы знаем, мама, — обречено шмыгнул носом сын.

— Прекрати нагонять страху! — возмущенно потребовала дочь.

Взгляд женщины упал на кошелек, который лежал на столе, и который яв- лялся причиной ее ужаса.

— Это нечистые деньги. От них надо избавиться, — прошептала Елена Ильинична.

— Значит, избавиться? А нам, значит, лапу сосать? — хмыкнула дочь. — Сообразишь же ты, мать! А может, это нам Бог посылает? Из жалости!

— Глупенькая, — судорожно вздохнула женщина, еще сильнее прижав голову дочери к груди. — Жизни не знаешь. Бог из жалости посылает только детей. А деньги зарабатываются потом и кровью.

Елене Ильиничне было от чего прийти в ужас. После ужасной смерти мужа денег стало катастрофически не хватать. Каким все-таки не был Антон безалаберным, а хозяйство держалось на нем. После его смерти все стало разваливаться на глазах: крыша протекла, завалинка рассыпалась, проводка перегорела, а на голову начала ошметками валиться штукатурка. Хорошо, что председатель Кузоватово предложил переехать в его деревню. Однако и в новом доме, в который переехала семья Кудрявцевых, в прошлое лето остро встал вопрос с перекрытием крыши и заливкой фундамента. Также нужно было перекладывать печь и укреплять полы, которые со дня на день могли провалиться в подпол. Только где взять денег? Колхозных грошей едва хватала на еду. На одежду детям уже приходилось выкраивать. Так дойдя до предела, Елена однажды с плачем бросилась на колени перед иконой и взмолилась, чтобы Господь на небесах обратил внимание на ее отчаянное положение.

И буквально на следующий день случилось удивительное. Отправившись утром на работу, Екатерина Ильинична внезапно наткнулась на кошелек. Он лежал сразу перед калиткой, хоть и в траве, однако не заметить его было невозможно. Изумленная женщина подняла его и открыла. Бог ты мой! Он был туго набит деньгами.

Ильинична покрутила головой по сторонам. Никого. Да и кто мог быть на окраине деревни в половине пятого утра. У несчастной женщины и мысли не было присвоить эти деньги. Если она и пересчитала их, то из чистого любопытства, а еще из-за того, чтобы найти хозяина. В кошельке лежала невероятная сумма: восемьсот пятьдесят рублей. «Да в деревне и нет ни у кого таких денег», — с удивлением подумали Ильинична, и, сунув кошелек в карман, направилась на ферму.

— Бабаньки, я неподалеку от своего дома нашла кошелек! — произнесла вместо приветствия Ильинична. — Признавайтесь, кто потерял.

— Я, — в один голос крикнули бабанышки. — А сколько там было денег?

— А угадайте!

— Тридцать рублей! — закричала самая толстая доярка, чьему вымени позавидовала бы любая корова.

— Куда загибаешь? — перебила другая. — Двенадцать рублей сорок восемь копеек. Кошелек замшевый. Защелки металлические.

— Да ну тебя, Матрена! Ты этот кошелек потеряла три года назад, — запшикали со всех сторон.

— Имей совесть, подруга! Дай другим угадать.

Однако никто не угадал. Никто даже приблизительно не назвал суммы, которая лежала в кошельке. Ильинична поняла, что из фермерских никто не терял кошелек. Никто не терял его и из механизаторов, хотя все в один голос уверяли, что кошелек потерян именно ими.

— Вот покажи, Ильинишна!

— Не покажу. Вы сами должны знать.

— Как же мы можем знать? А может, это и не кошелек вовсе, а портмоне? Тогда, выходит, что ты нас вводишь в заблуждение?

«А ведь точно, — подумала Елена Ильинична. — Это скорее, портмоне. Тогда его потерял кто-то из администрации».

Но, как выяснилось, из административных работников также никто не терял кошелек. Хотя нет. Конечно, теряли! Причем и портмоне и кошельки одновременно, однако данный кошелек, или портмоне (пес его знает, в чем разница?) не терял никто.

Что оставалось бедной женщине? Пустить эти деньги на хозяйственные нужды. Это получилось само собой. Елена Ильинична ни в коем случае не хотела присваивать чужие деньги. Она намеривалась отдать их потерявшему по первому требованию, если он опишет кошелек и назовет точную сумму, или хотя бы близкую к точной. Однако таковой не объявлялся, и не было никаких предпосылок, что объявится.

Когда слишком прижало с крышей, Елена Ильинична решила взять из кошелька сто шестьдесят рублей на ее починку. Но только займы. После того,

как крыша была приведена в порядок, начала превращаться в труху завалинка. Пришлось взять займы и на завалинку. А что делать? Не лежать же деньгам без движения? Это приводит к их удешевлению. Так, кажется, пишут в газетах. Хотя этот процесс не совсем понятен для рядовой доярки. Не об этом сейчас разговор. Словом, таким образом, в течение полугода были потрачены все деньги из найденного кошелька. С одной стороны, Елена Ильинична приходила в ужас от мысли, что объявится хозяин и нужно будет наскрести эту сумму, а с другой стороны — хозяйка в глубине души радовалась, что теперь у нее с домом и с хозяйством — чин чинарем.

Однако видимо Господу не угодно, чтобы люди жили в радости слишком долго. Не прошло и трех месяцев, навалились новые заботы. В Ташкенте умер отец, наотрез отказавшийся переезжать в Россию.

— Я русский! С какой стати я должен возвращаться на родину в качестве беженца! — заявил он своей дочери с зятем, собравшимся бежать на историческую родину. — Я тут провел полжизни. Здесь моя родина!

— Так ведь убьют же ни за что! — взмолилась дочь.

— Убьют, значит, такова моя судьба, — вздохнул шестидесятитрехлетний отец, и остался в Ташкенте, заявив, что здесь могила его жены.

Как стало известно потом Елене Ильиничне, его вынудили переехать из трехкомнатной квартиры в центре Ташкента в какую-то коммунальную дыру на окраину города. А ведь Ташкент после землетрясения отстраивал весь Советский интернационал. Ильинична знала, что отец очень нуждался, что его травили и унижали, ему грозили, однако и тогда он не покинул Ташкента. И вот теперь отец скончался.

Елена Ильинична от этого известия пришла в ужас. Не потому, что скоропостижная кончина родителя стала неожиданностью (он был больной, и этого следовало ожидать), а потому что не было ни копейки, чтобы вылететь в Ташкент. Попытки занять двести рублей у односельчан не привели к успеху. Отказали в займе и в кассе взаимопомощи колхоза, сославшись на то, что денег нет. Отказали и городские шефы, заявив, что заводу нужно выходить на самоокупаемость, и на счету предприятия нет ни копейки.

Елена Ильинична всю ночь проплакала на пару с дочерью, но так и не нашла выхода. А когда утром в половине пятого она толкнула калитку, чтобы с красными глазами отправиться на ферму, то от неожиданности вскрикнула. Прямо на тропинке почти на том же самом месте, что и в первый раз, лежал точно такой же кошелек.

Около двух минут женщина, не моргая, смотрела на него и не верила собственным глазам. Затем почесала лоб, перекрестилась и подняла его. Он был довольно тугим. Первой мыслью было, что пошутили соседи, набив кошелек бумагой. Однако такая шутка было бы жестокой, тем более в такой момент. Ильинична открыла кошелек и ахнула. Семь сторублевков по сто, и четыре по пятьдесят. Бог ты мой! Да кто же так запросто может носить с собой такие деньги, а тем более — потерять.

И снова, как в прошлый раз Ильинична ходила по селу и выпытывала, кто потерял кошелек неподалеку от ее дома. На этот раз не оказалось ни одного претендента. Все угрюмо отворачивались и прятали глаза, полагая, что бедняжка спятила, поскольку за день до этого со слезами на глазах умоляла дать займы двести рублей.

На этот раз вдова с двумя детьми долго не раздумывала. Она привезла тело отца на родину, а заодно и прах матери, умершей десять лет назад. Их похоронили в одной могиле на Кузоватовском кладбище. От похорон и от поминок оставалась еще внушительная сумма. Но она как-то незаметно вся ушла, и Ильинична предпочитала больше не вспоминать про хозяина кошелька, хотя про себя решила, что берет эти деньги займы. Но такую сумму ей никогда уже не отдать, осознавала женщина, и втайне радовалось, что хозяин кошелька не находился.

Два дня назад сыну пришел вызов из Астраханской мореходки. Оказывается, он втайне от матери послал туда документы, и его пригласили на приемные экзамены.

— Боже ты мой! — воскликнула Ильинична, услышав эту весть. — На какие шиши я тебя отправлю? Ты же знаешь, у нас ни копейки.

— Что же, мне теперь не учиться? — насупился сын. — Значит, я всю жизнь обречен крутить коровам хвосты? Тогда скажи, зачем ты требовала, чтобы я учился без троек?

— А от меня зачем требовала, чтобы я закончила школу с золотой медалью, — подхватила дочь. — Значит, и я обречена здесь сидеть по гроб жизни только потому, что у тебя нет денег отправить меня в Москву.

Вот тут-то и выяснилось, что дочь тоже тайком отправила документы в столичный Университет дружбы народов, и со дня на день ей должен прийти вызов.

Елена Ильинична всю ночь проплакала над своей жалкой судьбой, жалея, что справила слишком пышные поминки по отцу. Можно было и поэкономнее. Тогда бы и детям что-нибудь перепало. Эти слезы о беспросветной нищенской судьбе пришлись как раз на ту ночь, когда коромысловские мужики засыпали с надеждой увидеть штат Невада. Кому Америка, а кому бы жалкую сумму, равную железнодорожному билету до Астрахани. Елена Ильинична как всегда отправилась на ферму в половине пятого утра. Она толкнула калитку с твердым намерением расшибиться в лепешку, но найти эти несчастные деньги детям. Не повторять же им несчастную судьбу родителей.

— Господи, помоги мне найти деньги для детей... — прошептала женщина, выйдя за ворота.

И вдруг осеклась на полуслове. Под ногами лежал кошелек. Причем, точно такой же, как два предыдущих.

Первой мыслью было, что это выронил Алешка. Дело в том, что сын один из этих кошельков начал носить в кармане. Не столько для денег, сколько для форса, поскольку денег все равно не было. Ильинична подняла находку, и сердце обмерло. Он был туго набит. Дрожащими пальцами женщина открыла кошелек, и в глазах померкло. В нем лежало ни меньше десятка сотенных купюр. Ни на какую ферму Ильинична в то утро не пошла, а вернулась домой и разбудила дочь.

У входа в школу на перевернутой бочке из-под извести сидела уборщица в синем халате и уплетала из кастрюльки рисовую кашу. Это было бабка Оксана. Ее Берестов помнил по прошлому году. Она с таким аппетитом поедала рис, что в тридцатые годы ее бы (как пить) приняли за китайскую лазутчицу. Не переставая жевать, она лукаво всем кивала и с не меньшим лукавством осведомляла, что для девочек приготовлена общая комната в правом крыле, а для мальчиков — в левом. Узнав Берестова, уборщица коварно рассмеялась, будто ведьма, знавшая о нем интимную тайну, однако ничего коварного добавить не успела, поскольку в ту минуту из ее беззубого рта посыпался рис.

«И что тебя не репрессировали в тридцать седьмом?» — с раздражением подумал Берестов, однако тут же устыдился своим мыслям и подумал, что у нее будет всех удобней расспросить про Танечку Цветкову.

— Где Таня, спрашиваешь? — рассмеялась старуха смехом Сатаны. — А пес его знает, где? С утра она была на ферме, а где сейчас — одному Богу известно.

Ответа было достаточно, чтобы у Берестова сладко засосало под ложечкой. Главное, что Таня в деревне, а где в данный момент — не имеет значения. Деревня — есть деревня, а это значит, что слухи о его приезде молниеносно долетят не только до Тани, но и до самого Господа-Бога, и он сделает все возможное, чтобы они сегодня встретились.

Парень решил не торопить события. Пройдя вместе с товарищами в левое крыло, он обречено плюхнулся на первую попавшуюся койку у окна, на которой, видимо, и предстояло отбывать колхозный срок, полученный ни за что. Креончик, затолкав чемодан под шкаф, плюхнулся на соседнюю койку, предчувствуя тоску и скуку. Ребята, побросав свои сумки на пол, также в обуви (а Толик вдобавок с гитарой) завалились на заправленные кровати и затихли в ожидании ужина.

Стало почему-то грустно. К тому же Толик заныл про сумерки природы. От этого все поголовно закурили. Табачный дым без всякой природы нагнал

такие сумерки в настроение ребят, что всем захотелось всплакнуть, а Берестову — немедленно увидеть Таню. «Теперь понятно, почему народ так не хотел колхозов, — пришла внезапная мысль. — Потому что в них тоска смертная...»

— Лень, ты серьезно сказал, что в том доме у леса обитают мертвые души, — подал голос Креончик.

— Серьезнее некуда, — ответил Лень. — Я собственными глазами видел. Скажу больше: тот заколоченный дом у леса назвал «домом с мертвыми душами» лично я.

— Все ясно, — скептически вздохнул Креончик и отвернулся к стене. — По науке это называется: ухайдохался на навозе.

Однако это не так. Ничего Берестов не ухайдохался на навозе. В тот день он вообще не нюхал навоза, поскольку не выходил на работу. Весь рабочий день шеф пролежал на койке, симулируя гипертоническое обострение на почве аллергии на мух. А вечером они встретились с Таней.

Это было на окраине села. Они подошли друг к другу, романтично взяли за руки и, ни слова не произнеся, побрели по полю в сторону того самого заколоченного дома у леса. Над головой висели звезды, под ногами шуршала трава. Воздух дрожал, разливал очарование и оглушал тишиной округность. А за спиной спала деревня. Словом, природа была — сама безмятежность. Ничто, как говорится, не предвещало подвоха.

Единственным, чем терзался Берестов, — куда в данный момент вести Танечку: в лес, или в этот заколоченный дом? До этого вечера она была, словно неприступная крепость: позволяла целовать себя только в щечку. Однако на свете нет ничего неприступного, а тем более девушки. Мужской напор и настойчивость — вот что спасет мир от вымирания.

Сегодняшний вечер обещал гораздо большее, чем короткий поцелуй в щечку. Он обещал такое, от чего у Лени захватывал дух. Об этом свидетельствовали и стыдливо опущенные ресницы Танечки, и ее горячая ладонь, через которую прощупывался пульс, и волнующая дрожь ее плеч, которая накатывала ни с того, ни с сего.

Леня тоже временами впадал в дрожь. Но то была дрожь нетерпения. Его губы и руки только и ждали момента, чтобы начать гулять по Танечкиным прелестям.

«Едрит твою за ногу в качель, — с досадой кусал губы Берестов, ворочаясь на проваленной кровати, — все-таки тогда ее нужно было вести в лес. А все нетерпение, нетерпение! Сказано же было Цицероном: кто нетерпелив, тому неподвластно великое!»

Когда пара подошла к этому мрачному дому с закрытыми ставнями и заколоченной дверью, уже было невозможно. Пора было начинать атаку. Леня приблизился губами к ее ушку и произнес сдавленным голосом, стараясь придать ему мрачность:

— Я слышал, что в этом доме ночами кто-то стонет.

Сказанное не только не тянуло на какой-нибудь элемент остроумия, но и отдавала откровенной тупорыльностью, несмотря на то, что при луне эта хибара действительно выглядела мрачнее некуда. Однако — это сработало. Точнее сказать, Танечка сделала вид, что сработало. Она отстранилась и очень серьезно произнесла:

— Это стонут мертвые души дяди Гриши и дяди Антона. Их расчленил Федька дурачок, и чуть не съел. Если бы не милиция, он бы точно их съел.

Берестов рассмеялся Таниному остроумию, но Таня и не думала шутить. Она строго взглянула на спутника и добавила:

— Ничего смешного. Дядя Антон, между прочим, отец моей лучшей подруги. Вполне приличный дядечка. Это дядя Гриша был алкашом. Его не жалко.

— Даже так? — смутился Берестов. — Он что же, ваш Федька дурачок, был людоедом?

— Если бы, — вздохнула Таня. — Он был милейшим человеком. За всю жизнь мухи не обидел. Жил один. Никого не трогал. Самостоятельно вел хозяйство. Это его дом. Непонятно, что на него нашло? Хотя, может быть, и понятно. В последнее время его одолели алкаши. Как распить бутылку, так к нему. Ему тоже наливали. А до них он ни капли не потреблял.

— Ну и страсти, тут у вас, — еще больше удивился Берестов. — А где он сейчас? Сидит?

— Кто же больного посадит, — улыбнулась Таня. — Он в больнице, в Казани.

Вот тут самое разумное — изобразить ужас и утащить Таню прочь от этого места. Но Берестова взяло любопытство.

— Подойдем, посмотрим, — предложил он. — Может, правда, услышим их стоны.

Таня, почему-то не противилась, и совсем не боялась. И от этого брала досада. Она без всякого трепета проследовала с Леной через двор и поднялась на крыльцо. И о чудо: дверь оказалась без замка. Заколоченные крест-накрест доски были не более чем муляжом и нисколько не препятствовали проникновению в дом. Сердце Берестова наполнилось ликованием. В доме наверняка темнота, хоть глаза выколи. А ничто так не глушит смущение и стыд, как невозможность поглядеть друг другу в глаза.

Берестов выпустил Танину руку и вцепился в доски. Каждая из них крепилась всего на одном гвозде. Он их снял без всякого усилия, после чего нащупал ручку двери.

Дверь была тяжелой и скрипучей. Леня нарочно открывал ее медленно, чтобы придать торжественность моменту, а заодно нагнать на Таню страху. Чем страшнее будет ей, тем крепче она прижмется к его плечу грудью. Однако Таня не поняла, что ей следует трястись от страха и прижиматься к спутнику грудью. От этого Берестов ощутил новый прилив досады. В завершении он выпустил в темноте ее руку. Когда Леня снова поймал ее, рука была уже не столь пылающая, как перед этим.

— Идем, — прошептал Леня страстно.

Таня заколебалась, но упираться не стала. В ту минуту, когда пара переступила порог дома, у Берестова мелькнула странная мысль, что не будь здесь Тани, то он, вероятно, не отважился бы заглянуть сюда, настолько этот мир из духоты и мрака был жутким. Мысль была странной, потому что по-

сторонней. Когда рядом девушка, которую вожделеешь, и которую уже держишь за руку, любые посторонние мысли тянут на патологию.

В кромешной темноте они прошли сени и вошли в избу. На пороге Леня осторожно подтянул к себе Танечку и уловил, что она еще колеблется. Более того, слегка упирается. Но возможно это из девичьего приличия. Тогда Берестов неожиданно хлопнул в ладоши и, что было глотки, закричал:

— Эй, кто здесь стонет, выходи!

Расчет был простой. Таня испугается и инстинктивно прижмется к нему, а испуганная девушка в объятиях — это считай все условности, препятствующие сближению тел, устранены. Расчет был верный. Таня действительно вздрогнула и с визгом кинулась на шею. Леня незамедлительно обнял ее за талию, и его правая руку незаметно поползла к бедрам. Но тут (о дьявольщина!) в глубине дома кто-то завозился. Затем в темноте раздались глухие хлопки, сначала не столь быстрые, затем — барабанной дробью. И вдруг похолодевшая пара с ужасом почувствовала, что эти хлопки приближаются. Берестов инстинктивно пригнул голову, и нечто черное и ужасное пролетело над ними и выпорхнуло в открытую дверь. Таня взвизгнула, и через секунду юноша с девушкой, не помня, как оказались снаружи, уже неслись по огромному лунному полю. Через некоторое время они опомнились и стали хохотать, хотя коленки от страха еще продолжали подгибаться.

— Ой, что это было? — задыхалась Танечка. — Мое сердце сейчас разорвется!

— Кажется, голубь, — отвечал Берестов сквозь колокольный набат в висках. — А может, летучая мышь. Фиг его знает, кто? Не разглядел.

Словом, с любовью в тот вечер получился облом. Однако именно после этого по селу расползлись слухи, что в бывшем доме Федьки дурачка обитают мертвые души. И именно эти слухи, словно магнитом, начали притягивать сюда влюбленные парочки.

Внезапно в распахнутом окне левого крыла, откуда выплывали облака табачного дыма, показалась рыжая голова. Она по-хозяйски осмотрела лежащих на кроватях пацанов и с английской многозначительностью произнесла:

— Ну, вы даете, мужшины!

— Еще как даем! — радостно воскликнул Малахаев, узнав в этом подсолнухе местного Пашку — первого друга ссыльных шефов. — Залазь, кнут! А я гляжу, морда знакомая!

Оживление Малахаева можно объяснить. Он каким-то собачьим чутьем уловил, что дело пахнет халявным самогоном. Пашка считался самым культурным в центральной усадьбе. Односельчане его так и звали «культурщина», поскольку он два раза заказывал по радио симфонические центрифуги Моцарта и Телемана в исполнении авторов. И самое удивительное, что их исполняли. Вот почему он тяготел к городским, а не к своим деревенским собратьям.

Пашка влез в окно и сдержанно поздоровался с каждым за руку. Только при виде Берестова он встrepенулся, но появившуюся на физиономии улыбку тут же подавил, как английский джентльмен при виде русского джентльмена.

— Отлично сочиняешь! — похвалил первый друг ссыльных. — Твое стихотворение у нас все переписали. А некоторые даже выучили наизусть. Особенно трогают строки:

Натянулся нерв мой, как струна,
Прояснился взгляд, как у барана.
Тяжело в России без вина,
Трижды тяжелее без нагана.

Пашка прочел с чувством и этим до слез тронул Берестова. Пацаны на койках тоже похвалили стихотворение и даже резюмировали, что это самые правдивые слова, сказанные о Родине за последние сто лет. Единственно, кто не был искренним, это Малахаев. Он хоть и поддержал товарищей во мнение, что стихотворение Берестова самобытный шедевр, однако внутренне не

согласился и даже возмутился поэтическому порыву коллеги, поскольку до этого Леня ни ухом ни рылом не проявлял себя на поэтическом фронте. Словом, он люто завидовал Берестову, но старался это держать внутри.

А Пашку, между тем, понесло на гуманоидов. Он почему-то считал эту тему самой насущной в культурной и образованной среде. Слушать его было занятно. Отнюдь, не из-за той ахинеи, которую он нес, а из-за того, как он говорил. А говорил он тяжело, запинаясь, точно школьник на уроке, плохо знающий предмет. Чуть ли ни после каждого слова образовывались огромные паузы. Было заметно, что вместо пауз должны были присутствовать кое-какие оборотцы из «латыни». Однако, работая над своей культурой, Пашка навсегда отказался от фразеологий из мертвого языка, который, между нами говоря, был живее всех ныне здравствующих языков. Орлы слушали, затаив дыхание, ловя момент, когда у Пашки все-таки что-то проскользнет из живой речи. Но увы, не дождалось! Пашкиной силы воли можно было только позавидовать.

Запутавшись в гуманоидах, рыжий гость отправился в правое крыло к девушкам, наивно полагая, что прошлогодние знакомые встретят его с очаровательными улыбками. Однако тут он ошибся. Ровно через минуту правое крыло огласили здоровые девичьи вопли, и вслед за ними появился Пашка. Он был растерянным и взъерошенным. Пока бедняга собирался рассказать, кого он так фнапугал своим явлением, в комнату влетела Луиза, перезревшая девица лет тридцати, которая была за старшую. Дрожа всем телом и брызжа слюной, она завопила:

— Ты куда прешься? Нет, ты соображаешь куда прешься, олух! Там же девочки! Это у вас в деревне правила такие, переться не стуча?

Пашка виновато зашевелил губами, пытаясь что-то объяснить, но объяснения Луизу не интересовали.

— Тебя культуре учили? Учили, я спрашиваю? Ну что молчишь, как идиот? Я с кем разговариваю?

Но лучше бы Луиза не трогала Пашкину культуру. Он сжался, как котенок перед пастью бульдога, и залепетал что-то типа извинений. Однако выслу-

шивание сельского лепета не входило в Луизины планы. О скандальном нраве Луизе, работавшей в ОТК, знал весь завод, и никто не рисковал с ней связываться. В одну минуту на Пашкину голову вылился такой поток высокоотборной брани, что у бедняги задержались обе щеки. Столько урбанистической культуры сразу Пашка не ожидал. Однако это было только началом. Чутко уловив это, гость дождался паузы, во время которой Луиза формировала в голове новую высокоинтеллектуальную лавину, и с резвостью горного барана выпрыгнул в окно. Луиза остолбенела от такой наглости. Ярости в ней накопилось столько, что глаза выкатывались из орбит. Она подошла к окну и частично отлаялась в палисадник, но облегчения от этого не получила. В следующую минуту она резко развернулась на каблуках, обвела злыми глазами комнату и остановилась на Толике.

— Ты чего растренькался? Чего растренькался, я спрашиваю. Больше делать нечего? А вы чего разлеглись? Разве не знаете, что скоро ужин? Ну и скоты!

Луиза хлопнула дверью, и Малахаев покрутил у виска.

— Почему все старые девы такие злые? — задал он риторический вопрос.

— Потому что их не хотят, — ответил Шурик. — Если бы тебя не хотели, и ты был злым.

— На что ты намекаешь, Австралия, — возмутился Малахаев. — Кто это меня хочет?

— Все хотят, — невозмутимо ответил Шурик. — Но больше всего себя ты хочешь сам. По Фрейду, все кто пишет стихи, втайне желают, чтобы их хотели.

Дружный хохот раздался с коек. Затем Шурик сказал, что пошутил, и после этого снова наступила тишина. А через полчаса позвали на ужин. «Наверняка я увижу Таню по пути», — подумал Берестов, и сладкая истома овладела им.

Но по пути он не встретил Таню. А после ужина все отправились в клуб, где уже завели на магнитофоне заливчатский закордонный рок из разряда «хард-отползай».

У дверей клуба Берестова внезапно окружили и незаметно оттеснили от остальных те самые восемь жеребцов, которые в прошлом году намеривались сотворить из него котлету. Однако окружили они несчастного Леню отнюдь не с враждебными намерениями, а напротив — снисходительно похлопав по плечу, жеребцы выразили восхищение за его бесценное сатирическое стихотворение «Тяжело в деревне без нагана». Также они просили не обижаться за прошлогодний фонарь, который засветили ему чисто по недоразумению, не подозревая, что он откаблучивает в таком духе.

Берестов всех великодушно простил и впервые подумал, что поэтом в этом мире быть не так уж и плохо. Но все равно не мед, судя по издерганному облику Малахаева. Благодаря поэтическому дару, его, высококвалифицированного регулировщика, бессовестно используют на всех такелажных работах. При этом обязательно с ехидной усмешкой добавляют: «Это тебе не стихи писать». Однако за мимолетные минуты славы можно вытерпеть все. И Берестов, находясь в самом ее зените, внезапно сквозь толпу дергающихся в хард-танце увидел Таню.

Она единственная не дергалась. Скромно стояла у стены, светло улыбалась и в упор смотрела на Берестова. Ее черные волосы были выпущены из-под заколки, глаза горели, губы рдели, на щеках красовались озорные ямочки, и на лице светилось то, что выгодно отличала ее от всех на свете мисс-королев, — так называемая изюминка. Сердце Берестова замерло, затем с намеком отбило нечто вроде победного марша, и он вразвалочку направился к ней.

Потом они беспрепятственно вышли из клуба, не возмутив при этом ни одного гогочущего жеребца, и побрели по шершавой деревенской площади мимо магазинов «Машка, рожай», мимо набычившегося в луже бычка, который, судя по взгляду, не одобрил их появление, мимо почты, столовой с вы-

соким крыльцом, мимо полуразрушенной гостиницы и далее по тропинке куда-то за деревню.

Приблизительно через минуту вслед за ними выпорхнула еще одна пара: Креончик с Таниной подружкой Ириной. Креончик на ходу разоблачал нашумевшие явления домовушек и барабашек, и Ирина заливалась скромным девичьим хохотом, сотрясавшим окрестность.

Пары миновали центр села, центральные огороды; они вышли в поле и побрели в сторону леса, где невозмутимо дремал на отшибе дом Федьки дурачка. Вечер был великолепный, звезд — завались, воздух — дыши — не хочу. От леса веяло свежестью, от неба — вечностью, от Тани — очарованием, и только от Креончика исходил сквозняк «материалистической подоплеки». Он продолжал доказывать, что чудес на свете нет, и мода на потустороннее — это временное явление, которое скоро пройдет. А Ирина продолжала заливаться восторженным деревенским щебетом, как канарейка при виде попугая.

— Барабашек нет! — с жаром восклицал Креончик. — А есть магнитные силы земли. Они пытаются достучаться до человека, чтобы пробудить в нем совесть. Потому что Земле грозит экологическая гибель.

И Ирина хохотала над наивностью магнитных сил, не допуская и в мыслях, что у человека может пробудиться совесть.

— Будь я проклят, если собственными ушами не слышал их магнитного стука, — еще пуще распалялся Креончик.

— Ой, как страшно! — сделала большие глаза Ирина и мягко прижалась к завравшемуся материалисту.

Но Креончик не понял порыва юной девы. Вместо того, чтобы покровительственно обнять подружку и успокоить чисто по-человечески, он отстранился от ее упругой груди и продолжал свои блестящие рассуждения.

— Тут бояться нечего! Факты сверхъестественного, конечно, имеются. Но чтобы живой человек от этого пострадал, такого не бывало.

«Такого не бывало, — вздохнула про себя Ирина, — когда девушку успокаивают одной голой логикой, как будто нет для этого рук. Да еще почему-то отстраняются. Это, наконец, невежливо...»

После этой мысли Ирина непроизвольно начала проникаться ненавистью к проклятым «материалистическим подоплекам». Самое обидное, что Креончик ей не очень-то и нравился. Ей больше понравился гитарист Толик. Но что тут поделаешь, когда у Танькиного кадра лучший друг Креончик. Как лучшая подруга она была обязана закадриться с ним, чтобы не нарушить гармонии. Ирина сделала повторную попытку прижаться грудью к Креончику, но тут с ужасом заметила, куда они следуют.

— Эй, а мы куда идем? — крикнула она впереди идущей паре.

— К дому с мертвыми душами, — ответил Берестов.

— А, может, пойдём обратно?

— Зачем? — удивился Берестов и тут же получил от Тани локотком в живот.

— Дурак, — прошептала она. — Этого Иринкиного отца чуть не съели в этом доме.

— Да? — смутился Леня. — А чего раньше не сказала?

Он повернулся и крикнул задней паре.

— Ну, если вы хотите, идите обратно. А мы здесь погуляем.

Однако Креончик и с Ириной обратно не повернули. А последовали за первой парой. Прежде всего, потому, что Креончика распирало от любопытства. Ирину же распирало от страха, но она шла за компанию. Честно говоря, после смерти отца, девушка сторонилась этого места. И сейчас шла против своей воли.

Чем ближе они подходили к дому, тем мрачнее становилась Ирина. Креончик же напротив, становился все более возбужденным. Неужели вправду ему собственными глазами посчастливилось увидеть привидение. В глубине души он в это не верил. Когда они подошли к калитке, Креончик сострил:

— Жаль, что нет фонарика. А то на ощупь трудно определять нечисть.

— Прекрати! — воскликнула Таня и кинула тревожный взгляд на подругу.

Леня подумал, что следует шепнуть Креончику, чтобы он был поделикатнее, и поэтому поплелся за ним через двор. Заходить в этот дом у него намерений не было. За парнями хвостом проследовали девчонки. Креончик нетерпеливо поднялся на крыльцо и тронул дверь.

— Ба, да здесь открыто! — удивился он. — Заглянем? Может, правда, увидим приведение.

— Да ну его к черту! — поморщился Берестов. — Пойдем отсюда.

— Боишься? — нервно засмеялся Креончик, с любопытством открывая дверь.

— Причем здесь боишься, — поморщился Леня. — Просто мне противно сюда заходить.

— И правда, чего мы здесь не видели, — вмешалась Таня, с тревогой поглядывая на подругу, которая хоть и пряталась за спиной Лени, однако с интересом всматривалась в темноту сеней.

Неизвестно, чем бы закончилось препирательство, если бы со стороны села не раздались голоса. По всей видимости, к этому дому приближалась еще какая-то пара.

— Напугаем! — прошептал Креончик.

И страх у всех сняло как рукой. Ребята нырнули в темные сени, прикрылись дверью и затаились. Голоса приближались. По мужскому отрывистому баритону с антилатинскими паузами можно было определить Пашку, подруга же его все больше отмалчивалась и только иногда скептически хмыкала. По этим хмыканьям определить кого-либо было сложно. Наконец, когда пара, вошла во двор, женский голос надменно произнес:

— Это и есть ваш знаменитый дом ужасов?

Голос был до чертиков знаком. Уж не Луиза ли это? «Точно ее голос! — сверкнуло в голове у Берестова. — Ха! Пашка закадрил Луизу? Просто очевидное невероятное».

Если у всех остальных подобное сочетание вызвало улыбку, у Лени наоборот — вселенскую тоску. Причем тоску такую, что зароились потусторонние мысли о смысле жизни. «Нет ничего постоянного в жизни, а женщи-

ны вообще сплошное недоразумение», — сказал кто-то внутри с сокрушенным вздохом. И Леня вспомнил про Аллочку. «Может, сейчас его Аллочка гуляет со своим ненавистным Валериком», — подумал Леня, и сердце его сжалось от тоски по губкам бантиком. Именно в эту минуту он непроизвольно выпустил Танину руку и почему-то испугался.

Берестов сделал шаг, но Тани не обнаружил. Он сделал еще два шага, и удивился тому, что сени настолько просторные, что Таня успела куда-то запропасться. Он вытянул вперед руки, уперся в бревенчатую стену, обшарил вокруг и вдруг наткнулся на что-то лохматое, живое и огромное. От неожиданности Берестов так завопил, что вздрогнули стены. Закричали и Таня с Ириной. Закричали, естественно, от страха. Креончик тоже закричал, но не от страха, а оттого, что подумал: наступил момент пугать. Через секунду все четверо выскочили из дома, едва не сбив с ног обалдевшую пару. Пашка потерял дар речи, а Луиза повалилась в обморок.

Смертельная тишина держалась не меньше трех минут. Пашка недоверчиво вглядывался в представших перед ним идиотов и дрожащими руками придерживал сползавшую наземь Луизу. Наконец он опомнился и произнес:

— Ну, вы даете, мужшины.

Однако «мужшины» и сами не поняли, чего они дали. Берестов был напуган тем, что произошло в доме, Креончик тем, что Луиза не подавала признаков жизни, девчонки были напуганы сами не зная чем. Наконец, после хорошо выдержанной паузы, Луиза медленно подняла голову, прошептала: «дебилы», и снова отключилась. Следом свое веское слово сказал Пашка:

— Так напужать до смерти можно!

— Да я сам напугался до смерти! — стукнул себя в грудь Берестов. — Там в сенях то ли овца, то ли собака.

Креончик издал скептический смешок, а Пашка покачал головой, мол, не до шуток, мужики.

— Не верите? — удивился Берестов. — Да будь я проклят! Загляните сами!

— И заглянем! — угрожающе произнес Пашка.

После этих слов, Луиза начала оживать. Она медленно поднялась, тяжело вздохнула и сняла с себя Пашкины руки, которые непроизвольно оказались под кофточкой. И поскольку ее молчание было куда ужаснее всего этого дома с овцой, или собакой внутри, то решили осмотреть коварные внутренности.

Пашка достал из кармана газету, скрутил в виде факела и поджег. С этим факелом вошли в сени, которые оказались пустыми и тесными, и Берестов удивился тому, что он в них так долго плутал. Затем зашли в самую избу, где посередине стоял огромный стол, у окна сундук, а в глубине накрытый покрывалом диван. За занавеской была кухня с печкой. На кухне стоял еще один стол, более массивный. Именно на этом столе и отрубил своим собутыльникам головы Федька дурачек, когда те заснули.

Видимо, эта мысль пришла в голову не только Берестову. Ирина, при виде стола на кухне внезапно всхлипнула и кинулась из дома вон. Факел из газеты к этому времени уже догорал. Все, что нужно, увидели. Точнее, не увидели ничего страшного: ни привидения, ни овцы, ни собаки.

— Да тут привидениям и разместиться негде, — разочарованно произнес Креончик.

— Совершенно негде, — согласился Пашка.

А к Луизе наконец вернулся дар речи. Прокашлявшись, она прошипела подколотной змеей:

— Ну и придурки вы все тут!

11

Следует упомянуть, что факт с расчленением двух местных жителей Федькой дурачком действительно (как любит выражаться милицейское начальство) имел место быть, хотя многие считают это кузоватовской легендой. К уголовному делу приложен рапорт местного участкового Алексей Макарова от 28 августа 1985 года, который участвовал в задержании двадцатисемилетнего инвалида Федора Баранова, имевшего ярко выраженный синдром Дауна. В протоколе четко изложено, что вечером упомянутого дня, до-

мой к участковому нагрянул наряд патрульно-постовой службы, который возглавлял лейтенант милиции Сергей Мартьянов.

— Петрович, центральная усадьба Кузоватово — твой участок? — взволнованно спросил Мартьянов, влетев в дом к Макарову.

— Вообще-то, не совсем, — поморщился участковый. — Мне временно поручено присматривать за поселком, пока не найдут нового участкового...

— Тогда собирайся! — нетерпеливо перебил лейтенант. — И побыстрее! Время не ждет!

— А что случилось? — поднял брови Алексей Петрович, метнув тоскливый взгляд на жену с дымящимся половником. — Я вообще-то только что с дежурства.

— По дороге расскажу.

И по дороге лейтенант рассказал, что полтора часа назад в отдел позвонила некая гражданка Кулибина и сообщила, что сосед Федька, что живет через поле, ну, который с «приветом», запалил в печи что-то подозрительное. Дым из трубы валит черный, запах приторно-сладковатый, какой бывает в крематории.

— В крематории? — вздрогнул Макаров.

— Именно в крематории, — подтвердил лейтенант. — Чуешь, чем дело пахнет?

— Чую, — сдвинул брови участковый. — Ты говоришь, позвонили полтора часа назад, а почему едете только сейчас?

— Бензина не было. Стояли на дороге — стреляли. Вот так! Ты мне скажи, что это за Федька, который с «приветом»?

— Ну есть, такой дурачок в Кузоватово. Он с детства мешком напуганный. Когда умерла его мать, Федьку поместили в Карамзинку. А потом выпустили. Сейчас он живет один. Самостоятельно ведет хозяйство. Никакой агрессии за ним не наблюдается.

— Не наблюдается, говоришь? Ну-ну!

Через двадцать минут машина прибыла в центральную усадьбу. Она сбавила ход, потушила фары и направилась на окраину села к дому дурачка.

Свет в доме горел. Как только машина притормозила неподалеку от ворот, из темноты выскочила пожилая женщина в пуховой шали.

— Ой, наконец-то! — воскликнула она, прильнув к окошку. — Из дома никто не выходил. Я следила. А окна они занавесили.

— Кто они? — подозрительно скривился лейтенант.

— Как кто? Собутыльники Федькины: Анохин Гришка и Кудрявцев Антон.

Лейтенант принялся. Не пахло никакой гарью, и все вокруг было тихо и мирно. Он нахмурился и вылез из машины.

— Сейчас выясним, — пробормотал командир. — Собаки нет?

— Нет! — сделала страшные глаза женщина. — Но все равно будьте осторожны. Он не любит, когда с ним говорят грубо.

«А кто любит?» — угрюмо подумал лейтенант и, пнув ногой калитку, шагнул во двор. За ним проследовали остальные. Три милиционера и участковый поднялись на крыльцо и вежливо постучали в дверь. Двое, на всякий случай, встали по бокам, а участковый положил руку на кобуру. С минуту царил тишина. После чего послышался скрип открываемой двери в сенях и крадущиеся шаги. Затем все утихло.

— Ну! — не вытерпел участковый. — Подай хоть голос, Федька!

— А это кто? — раздался за дверью детский шепот.

— Конь в пальто! — рыкнул Макаров. — Открывай!

— Кто? — испуганно переспросил голос.

— Дед Пихто и Агния Барто! Открывай, ё-моё!

Дверь отворилась, и перед блюстителями предстал жирный, румяный детина с полуоткрытым ртом и реденькой бороденкой. В его глазах был испуг нашкодившего ребенка.

— Что, Федя, не узнал? — ласково улыбнулся участковый. — Ну, давай, приглашай в гости!

Детина перевел взгляд на Макарова и расплылся в приветливой улыбке. Он сделал пригласительный кивок и, не спеша, повел гостей в горницу. В доме было чисто. Аккуратно заправленный диван со взбитыми подушками,

выскобленный до блеска деревянный стол, на полу — полотняные дорожки. Но духота стояла ужасная, и запах был специфический. Оперативники хотели пройти на кухню, но хозяин преградил дорогу и насупился.

В кухне топилась печь. Около нее лежали дрова, а рядом стояло цинковое ведро, покрытое клеенкой. На плите кипела огромная кастрюля с похлебкой и издавала сильный мясной аромат. К печи был прислонен мокрый топор. На разделочном столе сушилась разобранная мясорубка. Макаров подмигнул оперативникам и продвинулся вперед.

— Как поживаешь, Федя? Не голодаешь, — произнес он с добродушной улыбкой.

Хозяин отрицательно покачал головой. Его взгляд по-прежнему оставался недоверчивым.

— Пенсии хватает?

— Что вы, дядя Алексей! — всплеснул руками дурачок. — Только на хлеб и чай.

— Ну, наверное, мясо тебе приносит баба Оксана, — хитро подмигнул Макаров.

— Давно уже не приносит, — скривил губы хозяин и шмыгнул носом.

— Просто беда! — сочувственно покачал головой участковый. — Что же теперь, голодать будешь?

Лицо дурачка просияло и сделалось лукавым. Он хитро покосился на занавешенные окна и прошептал:

— Не буду, дядя Алексей. У меня мяса заготовлено на всю зиму.

— Да ну! — воскликнул лейтенант, включившись в игру. — Врешь, наверное!

Лицо хозяина сделалось обиженным. Он подошел к холодильнику и распахнул дверь. Сочный запах мяса, пахнувший из него, заставил всех содрогнуться. Стоящие в нем две огромные кастрюли были доверху забиты фаршем. На нижней полке, в тазу лежали кишки, сердце и печень. А то, что лежало ниже заставило наряд откачнуться назад: едва ободранные кисти рук.

— Людоед! — прошептал лейтенант и услышал, как сзади один из бойцов рухнул на пол.

Как потом установит следствие, жертвами стали двое рабочих автомата витаминной муки. Они часто захаживали к дураку раздавить бутылочку. В тот роковой вечер друзья не угостили хозяина дома, а когда он потребовал, то насовали ему тумачков, чем вызвали в нем кровную обиду. Как только друзья заснули, дурак взял топор и отсек им головы. После чего пустил их тела в производство, чтобы добро не пропадало зря. Занимался ли Федор Баранов людоедством до этого случая, на этот вопрос следствие ответить не смогло. Впрочем, мясо своих товарищей он вкусить не успел. Больной был задержан, а затем отправлен в Казанскую психиатрическую больницу.

Однако мы отвлеклись. Итак, в то самое время, когда Луиза приходила в себя после перенесенного потрясения, кузоватовские мужики тряслись в фирменном поезде, следовавшем в Москву.

12

Итак, в то самое время, когда Луиза приходила в себя после перенесенного потрясения, кузоватовские мужики тряслись в фирменном поезде, следовавшем в Москву. Парторг из Коромысловки, который отправился сопроводить односельчан до столицы, не переставал удивляться московскому журналисту. «Вот у кого действительно слова не расходятся с делом, — восхищался он. — Обещал организовать билеты, и организовал. Гигант! А главное, не только заказал билеты абы какие, а все в одном вагоне. Более того, больше никого из посторонних в этом вагоне нет. Что значит, когда имеешь друга в ранге замминистра».

Честно говоря, пятидесятилетнего парторга Семена Куроедова мучила черная зависть. Он тоже хотел в Америку, но туда приглашали только сельскохозяйственных специалистов. Парторгов не приглашали. Впервые в жизни Семен Петрович почувствовал свою профессиональную ущемленность. Более того, начинающиеся в стране реформы сулили окончательное упразднение партаппаратов. «А ведь и упразднят, Ироды проклятые, — сокрушался

про себя Петрович. — И куда же я тогда пойду? Ведь я же ничего больше делать не умею».

Собственно, в его сопровождении земляков до Москвы необходимости не было. Но он сам настоял на своей поездке (мол, нужно поддерживать дисциплину!), втайне надеясь, что случится чудо, и его тоже отправят в Америку в качестве руководителя. Ведь нужно и там кому-то руководить.

Однако, как только мужики загрузились в вагон, журналист, игнорируя парторга, объявил, чтобы они сами выбрали себе старшего.

— Федьку! Федьку Сапожникова! — загалдели мужики. — Он серьезный! Никогда не видели, чтобы он напивался до поросьячьего визга.

— А забыли, как он по пьяни утопил в пруду трактор? — сдвинул брови парторг. — А как башкой разбил конвейер на витаминном агрегате? Вы хотите, чтобы он и в Америке повторил свои подвиги? Нет, товарищи! Старший должен быть морально устойчивым.

Мужики смущенно замолчали. Однако ненадолго.

— Тогда Лешку Селедкина, — снова загалдели они. — Он самый башковитый. В прошлом году башкой выбил дверь в сельмаге.

— Вы что же, хотите, чтобы он и в штате Невада таким образом проявлял свою башковитость, — строго перебил парторг. — Я сказал, морально устойчивый.

Мужики замолчали и все, как один, начали чесать затылки. В эту минуту всеобщего почесывания с парторга сошло семь потов. Он ожидал, что после этого односельчане, наконец, вспомнят о нем и скажут, что самый морально устойчивый — это он, Петрович. И они начнут умолять журналиста, чтобы он попросил замминистра послать его с ними в качестве руководителя. Однако у односельчан, по всей видимости, в мозгах замкнуло.

— Ну, если морально устойчивого выбирать, то только Федьку Сапожникова. Он всегда на ногах стоит, даже после ящика водки.

«Вот сукины дети! — воскликнул про себя парторг. — Сколько для них не делай, никогда не будут благодарны». Если бы односельчане подслушали

мысли идеолога, то искренне бы изумились: «А за что, собственно, быть ему благодарным?»

Старшего бы еще долго не смогли выбрать, если бы не вмешался журналист. Он пояснил, что старший выбирается на время пути до Москвы. Потом в Москве им дадут руководителя из министерства. Парторг окончательно приуныл, и мужики, воспользовавшись его молчанием, утвердили руководителем Сапожникова.

Двухметровый детина с полупудовыми кулачищами сразу важно надул щеки, и первое, что он сделал, поднес кулак к носу Лехи Селедкина.

— Увижу, что башкой выбиваешь дверь, убью!

— Да на кой хрен мне нужно, башкой? Я чё, не понимаю, куда едем. Я одной левой выбью любую дверь! — ответил коренастый и весьма сбитый детина с мускулатурой, как у жеребца.

— Это другое дело, — одобрил Сапожников, и в глазах у него потеплело.

Тут опять подал голос журналист.

— Ребята, не буянить! Не дебоширить. На всякий случай, много не пить. Понимаю, что без этого не обойдется, но знайте меру!

Слова корреспондента пришлись всем по душе. Несмотря на сухой закон, у каждого в недрах чемодана было припрятано минимум по литру самогона. Пить во время пути все равно тайком намеривались, а тут такой подарок — разрешили официально.

— Все поняли? — опять сжал кулак Сапожников. — Пить аккуратно! И только со мной!

Парторг ни за что бы не разрешил пить в дороге. Кому как не ему было знать, что русские мужики тихо и аккуратно пить не умеют. Однако он не стал оспаривать поблажку журналиста, хотя и язык у него на этот счет ой как зачесался. Тут он сообразил, что дорогой кто-нибудь так напьется, что вывалится из вагона. И тогда, вместо недосчитавшегося, в Америку пошлют его. Если даже и никто не вывалится, то без происшествия или мордобоя не обойдется. И тогда всегда найдется тот, кого можно будет лишить поездки за моральную неустойчивость.

После этого все стали деловито распаковывать чемоданы. Столики начали заполняться пирогами, курами, помидорами, вареной картошкой, свежей зеленью. Также на столах появились трехлитровые банки с компотом и различного рода соленьями. Следом, по логике вещей, на столах должны были появиться и бутылки с запретной жидкостью. Вот тут бы парторг снова показал, чья в данном вагоне власть. «Уберите немедленно, — гневно закричал бы он. — Хотите, чтобы засек ревизор?» Но эти бутылки на столах так и не появились, даже тогда, когда в какую-то минуту в нос ударил крепкий запах сивухи. Парторг всего ожидал от своих коромысловских, но только не такой дисциплинированной конспирации. К тому же, Федька Сапожников, почувствовавший ответственность, с важным видом патрулировал по вагону и зорко следил за тем, чтобы на столах не появилось это противозаконное безобразие.

«Ничего, все равно напьются, — улыбнулся про себя парторг. — Это же русские средневожские мужики. А раз напьются, значит раздерутся. А где драка, там и милиция».

Куроедов обильно завалил едой свой столик и достал бутылку лимонада «Буратино». Разумеется, в бутылке был не лимонад, а настоящий на травах и лимонных корках первачок, который ни цветом, ни запахом не напоминал таковой.

— Ну что, вздрогнем, — подмигнул он журналисту, разлив по стаканам хитрый напиток. — За то, чтобы все было хорошо.

— За это грех не вздрогнуть, — охотно отозвался корреспондент, и парторг в очередной раз восхитился его коммуникабельностью. «Вот это я понимаю человек: и деловой, и компанейский!»

Чокнулись, выпили, закусили. Налили еще. Журналист без всякого стеснения приналег на домашнюю колбасу, чем очень порадовал сотрапезника. Парторг опасался людей, которые плохо едят. Чем больше люди морщатся при виде еды, тем большая в них червоточина. Те, которые метут все подряд, более простые, более доступные, а главное — обладают неумемной энергией.

Петрович, который всю жизнь прожил в деревне, очень бы удивился, если бы узнал, что не один он подметил такую странность у людей. Про такую странность знал и отец народов Иосиф Виссарионович. Вот почему он так любил закатывать пиры, и обычно после них производил назначения на высокие должности. Еще парторг заметил, что журналист игнорирует мягкие булочки, пирожки, сливочное масло, варенье, а это свидетельствовало о том, что мягкотелость ему несвойственна, а значит, в нем есть сила и устремления. Несмотря на то, что Семен Петрович не изучал психологии, он почему-то знал, что любителям сдобных булочек не подвластно великое. И наоборот, устремленные к великому, пренебрегают мелкими удовольствиями.

— Я вижу, вам нравится наш круглый, серый хлеб, — произнес с улыбкой парторг. — Я тоже его обожаю, хоть он и из кормового зерна.

— Из кормового? — удивился журналист.

— Ну да, из кормового. Зерно нашей полосы не котируется на мировом рынке. Земли у нас не те. Нормальные земли начинаются с Саратовской области. Там созревает зерно, которое уже можно экспортировать. Наше ульяновское зерно идет только на корм скоту.

— Да? — еще больше удивился журналист. — А мне нравится только такой хлеб. Московский мне как-то не по нутру.

— Правда? — обрадовался парторг. — Вы знаете, это болезнь всего среднего Поволжья. — Привыкли с детства к своему хлебу из кормового зерна, и другого видеть не хотят. Москвичам этого не понять. Ой, простите! Вы исключение!

Журналист понятливо улыбнулся и снова налег на колбасу.

— Да, кстати, — сообразил парторг, — а что, в Москве, тоже продают наш хлеб?

— Не! Никогда не видел! — ответил с полным ртом журналист. — Вот я и мучаюсь.

Парторг проникся к корреспонденту «Известий» еще большим уважением и снова налил. Когда они выпили, Семен Петрович прислушался. В вагоне по-прежнему было тихо. Никто не дебоширил и даже не повышал голоса. Он

встал, прошел по вагону. Односельчане уже сидели с румяными лицами. Отовсюду остро пахло самогоном, но в вагоне по-прежнему было культурно. «Ничего-ничего, — успокаивал себя парторг. — Еще по стакану примут и начнется».

Когда он вернулся, журналист уже лежал на второй полке, отвернувшись к стене.

— Мне надо выспаться, — произнес он, не повернув головы. — Завтра у меня трудный день.

— Да-да, конечно, спите на здоровье, — произнес Куроедов ласково, а сам подумал: «Не завалиться ли и мне? Мужики увидят, что начальство спит, и начнут куролесить...»

13

Наутро над Берестовым потешалась вся деревня. Но сначала девчонки из правого крыла. Они вежливо интересовались, как его угораздило в пустых сеньях нащупать овцу. По мере объяснений их губы расплзались в улыбке, сначала — в деликатной, потом все в более издевательской. В процессе рассказа они тонко подтрунивали, потом подтрунивали более грубо, и кончалось всеобщим хохотом. После этого, давясь и держась за животики, коллеги начинали выкрикивать самые неожиданные вопросы, типа, а не нащупал ли он там козлиных рогов, или коровье вымя, или вымя, но уже не коровье, или овцу по имени Таня, с бычьими яйцами!

Последнее уже было настолько пошлым, что Берестов на всех обиделся и решил больше ни с кем не вступать в разговоры, кроме, как с Креончиком, наивно полагая, что лучший друг этот случай подведет под «материалистическую подоплеку». Однако и Креончик поддался всеобщему настроению. Он скептически ухмылялся и отмахивался от Лени, как от мухи.

— Ну и черт с тобой! — окончательно разозлился Берестов. — В следующий раз, когда ты будешь тонуть, я тебе и пальца не подам.

Сказанное тянуло на бессмыслицу. В деревне не было ни только речки, но и даже приличного пруда. Впрочем, пруд был. Однако в нем купались ис-

ключительно коровы, и глубина его доходила только до коровьего вымени. Где Креончику предстояло тонуть, непонятно. Разве что, в луже за магазином, где стоит бычок. Но в луже за магазином не утонет даже мышь. Впрочем, Берестов сказал это в метафорическом смысле.

После завтрака всю группу вывели на площадь и сказали, что сейчас будут распределять работу. Через пару минут из Правления вышел парторг и, тряся всеми тремя подбородками, принялся пожирать глазами девчонок. Все поняли, от того, что взбредет ему в голову, и зависела сегодняшняя судьба девчонок на поприще трудовых деяний. На парней парторг даже не взглянул. Им уже заранее было предрешено сгнить в нечищенных коровниках вместе с бедными животными.

Однако неожиданно Луиза проявила характер и выразила протест против раскола группы. Петр Иванович лихо послал ее к чертовой бабушке и заявил, что сегодня все девочки, кроме Светланы Дырочкиной, отправятся на прополку моркови. Затем он повернулся к Светлане и спросил, умеет ли она печатать на печатной машинке. Девушка отрицательно покачала головой.

— Ничего, научим! — бодро ответил парторг и велел следовать за ним в Правление.

Но путь им преградила худая, словно швабра, Розка Матюнина. Она заявила, что умеет печатать на машинке. Затем, после неопределенной паузы добавила, что умеет не только печатать, но и при необходимости впечатать кому угодно и когда угодно. Последнее добавлять было излишне. Парторг брезгливо оттопырил нижнюю губу и надменно ответил:

— А печатать, милая девушку, ничего не нужно. К тому же в Правлении сроду не было печатной машинки.

Он внушительно кашлянул и, взяв Светлану под локоток, повел ее в сторону полуразрушенной гостиницы.

Тут под всеобщее недоумение запоздалый протест против коровника заявил Малахаев, крикнув в жирный затылок парторга, что он поэт, и что работа по очистке оногу унижает его поэтическое достоинство. Но сельский идеолог не повел ухом, поскольку, как всем показалось, был ошарашен гени-

ем чистой красоты Светланы. Малахаев, впервые в жизни не услышав оскорбления в адрес поэзии и поэтического достоинства, в ту же минуту пнул лежащую на земле лопату и потопал в сторону леса, забормотав футуристические рифмы. Глядя на него, Толик пожал плечами, и сказал, что тоже не намерен работать в коровнике, поскольку его гитара может провонять навозом.

— Так оставь ее в столовой! Зачем ты вообще ее взял? — воскликнула Луиза.

— Как зачем? — оскорбился Толик. — А вдруг на меня нападет вдохновение.

— Вдохновение среди навоза нападает только на идиотов, — парировала Луиза.

Толик хотел возразить, но тут Креончик с Шуриком-Австралией заявили, что если никто не собирается работать, то они тоже не козлы отпущения.

После этого все вопросительно уставились на Берестова. Он продолжал молчать, и его молчание истолковали, как вызов всеобщей безответственности. Общественности это не понравилось, и она опять припомнила ему вчерашнюю овцу. При этом мнения разделились: одни настаивали на собаке, другие на овце. После получасового хохота общественность пришла к выводу, что беднягу напугала овца, поскольку собака могла тяпнуть за палец. Неожиданный вывод навел всех на блестящую мысль: скинуться по троячку, купить в соседнем селе барана и заварганить вечерком шашлычок.

14

А тем временем, когда в Кузоватово решался вопрос с бараном, Ульяновский фирменный поезд подъезжал к Москве. К досаде парторга доехали без происшествий: никто за время пути не напился, не разодрался, и даже не учинил элементарного дебоша, без которого не обходится ни одна пьянка. «А ведь им лакать не запрещали. Что с ними случилось? — удивлялся идеолог. — Расскажи кому, не поверят».

Петрович впервые в жизни усомнился в необходимости запретов. Запрети им пить, они бы точно напоролись. Русское мужичье все делает вопреки. А тут разрешили, и на тебе — пропал всякий интерес. Это что же получается: нужно все разрешить?

Даже выглядели мужики весьма прилично: ни одной распухшей физиономии, а некоторые даже — в галстуках и благоухали одеколоном. Держались тоже весьма дисциплинировано. Вышли из вагонов и чуть ли ни военным строем проследовали на вокзал. Там журналист потребовал сдать паспорта. Через минуту шестьдесят паспортов легло на дно его сумки. Газетчик был озабочен. Он сказал, что сейчас поедет в Министерство сельского хозяйства, где решится их судьба. После некоторой паузы он предупредил, что нужно быть готовым к тому, что замминистра может несколько человек отсеять по каким-то своим соображениям.

— Это если рожа что ли не понравится? — заволновались колхозники.

— Не исключено, — вздохнул журналист. — Но будем надеяться на лучшее. Словом, сидите и ждите! Думаю, к обеду дело решится. Николаич не любит затягивать дела.

Журналист взял с собой двоих: Федьку Сапожникова и парторга. Точнее, Семен Петрович сам напросился. Это был его последний шанс отправиться в Америку. К тому же была надежда, что минимум пять морд его односельчан не понравятся заместителю министра, настолько они были кривы и неприветливы. А кем заменить, если уже одобрено шестьдесят человек? Только им, парторгом.

По дороге в метро попали в жуткую давку. Петрович придвинулся поближе к журналисту, а Федора оттащило в сторону. Такой шанс упускать было нельзя.

— Станислав Владимирович, — вкрадчивым голосом произнес Куроедов, — между нами говоря, Сапожников, как руководитель, может подвести. Нет, парень, он, конечно, не плохой, но если ему под хвост попадет вожжа, тут уже держись.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился журналист.

— За нашими ребятами нужен глаз, да глаз, а Сапожников сам один из них. Нужен посерьезнее человек в руководители.

— Кого вы предлагаете? — деловито осведомился корреспондент.

— Себя! — выпалил Семен Петрович.

Журналист метнул оценивающий взгляд в собеседника и задумался. За то время, пока он думал, перед глазами парторга промелькнула вся его невзрачная жизнь. «Зря, я сказал прямо, — ругал сам себя парторг. — Нужно было как-то потоньше». Однако на тонкости не располагали обстоятельства. Да и времени не было. Журналист остановил серьезный взгляд на Петровиче.

— Паспорт у вас с собой?

— С собой! — с готовностью стукнул себе по карману парторг.

— Хорошо. Я поговорю с Николаичем.

Как сразу вольно задышалось. Как сразу захотелось жить. И преимущественно, с американками. Куроедов хотел добавить, что если число уже согласовано, то можно отчислить одного из группы, самого морально неустойчивого. И он даже знает, кого. Однако не успел. Народ неожиданно схлынул из вагона, освободив сидячие места, и к ним подсел Сапожников.

Через десять минут тройца ступила на ступени крыльца Сельскохозяйственного министерства. Прибывшие вошли в просторный вестибюль, и журналист, попросив товарищей подождать, взял у парторга паспорт и нырнул мимо охранника внутрь, показав ему какое-то удостоверение.

Журналиста не было ровно пятьдесят две минуты. За это Петрович может ручаться, поскольку он засекал время. За эти пятьдесят две минуты он понял, что больше не сможет жить без Америки. Он нервничал, переживал, то и дело вскакивал с банкетки и, описав по вестибюлю круг, возвращался на место. Сапожников был более спокоен. За время ожидания он только четыре раза вышел на крыльцо покурить, а все остальные минуты с важным видом сидел на кожаной банкетке и, не мигая, смотрел в пол. На пятьдесят третьей минуте в вестибюль вышел журналист. Лицо его светилось.

— Ура! — воскликнул он с противоположного конца зала. — Все утверждены! Поздравляю!

— И я? — не поверил ушам парторг.

— И вы в качестве руководителя.

После крепких рукопожатий лицо журналиста снова сделалось озабоченным.

— В общем так: сейчас производится регистрация ваших паспортов. По времени это процедура продлится около часа. Езжайте на вокзал за остальными. К двенадцати подадут автобус. К этому времени уже все должны быть здесь с вещами.

— Будут, как штык! — радостно воскликнул парторг, все еще не веря своему счастью. — Мы сейчас с Федькой мигом!

Они еще по разу пожали журналисту руку и поспешно подались в сторону метро, так и не уточнив, куда в двенадцать повезет их автобус: в гостинцу, или сразу в международный аэропорт? «Наверное, сразу в аэропорт, — мелькнула задняя мысль, — раз с вещами...»

Приблизительно через час крыльцо министерства оккупировали шестьдесят деревенских мужиков с квадратными чемоданами. Из них, кто-то сидел на ступенях, кто-то на собственном чемодане, а кто-то с важным видом стоял наподобие статуи, скрестив на груди руки. И все поголовно курили, причем так смачно, что в здании на втором и третьем этажах закрыли окна, которые до той минуты были открытыми.

У крыльца остановилась черная «Волга». Из нее вышел важный человек в очках с дорогим портфелем в руках. Он удивленно осмотрел эту орду с баулами и спросил:

— Это еще что за табор?

Парторг приблизился к высокому начальству и с готовностью объяснил:

— Эта та самая группа товарищей, которая направляется на учебу в Америку.

— В Америку? — переспросил человек с портфелем, и лицо его выразило недоумение. Затем он, как будто о чем-то вспомнив, произнес: — Ах, да! В Америку. Ну-ну.

Человек, больше ни на кого не взглянув, поднялся на крыльцо и исчез в здании. Это был глава государственной агропромышленной политики СССР Всеволод Мураховский.

Через некоторое время к отъезжающим вышел журналист с пачкой паспортов. Раздав их приезжим, он деловито осведомил:

— Автобус будет через час. Не разбредаться! Кому нужно обменять валюту, давайте я обменяю!

— А сколько можно максимально? — заинтересовался Селедкин.

— Сколько хотите!

— Да ну? — не поверил мужик. — А если я хочу пятьсот рублей.

— Да хоть тысячу!

Селедкин без лишних слов расстегнул ширинку, сунул в нее руку по локоть и с серьезным видом извлек на свет шерстяную варежку, которая, судя по всему, была приколоты к трусам булавкой. Он вытащил из варежки восемь сотен и протянул журналисту. Его примеру последовали остальные. Все как один полезли в потаенные места и принялись извлекать на свет Божий серьезные ассигнации. Потаенные места не блистали разнообразием: это трусы и носки. Только у Сапожникова записка была в чемодане на самом дне.

Парторг смотрел на эту процедуру с некоторой завистью. У него одного денег было всего двадцать рублей. Да откуда он знал, что ему посчастливится полететь в Америку: иначе бы выгреб из трехлитровой банки в погребе всю записку, спрятанную от жены. «А ведь какие подлецы, — не переставал удивляться идеолог. — Все жалуются, что денег нет. А на мелкие расходы взяли чуть ли не по тысячи...»

Небрежно запихнув собранные деньги в сумку, журналист деловито произнес:

— Ну что, все запомнили, кто сколько дал? Список составлять не буду из-за нехватки времени. Сами разберетесь.

— Разберемся, Владимыч, не волнуйся! — ласково произнес Сапожников, который дал на обмен больше всех: тысячу четыреста рублей.

«Вот у него и зайдем валютки, — рассмеялся про себя идеолог. — А то слишком жирно будет для Федьки».

Журналист деловито зашел в здание, а Семен Петрович побежал на ближайший телеграф давать телеграмму. В этот же день в Коромысловку на имя председателя пришла телеграмма со следующим текстом. «Министр указал возглавить группу зпт улетаю Америку зпт партийным приветом зпт объясните жене тчк. Куроедов».

15

Под вечер, как и планировалось, баран был куплен, заколот, замочен и нанизан на самодельные шампуры. Купили барана в Баевке, что в нескольких километрах от Кузоватово. Это единственное село в районе, где местные жители держат баранов. Там же барана и закололи. Заколол, естественно, хозяин. Прямо на глазах у Толика с Шуриком. Оба парня побледнели и едва не пустились наутек. Но тут из дома вышла светловолосая очаровашка с синими глазами, шестнадцатилетняя дочь хозяина, и оба парня, приосанившись, взяли себя в руки. Вот каким образом красота спасла если не мир, то, во всяком случае, от позора.

Отрубив барану голову и слив в корыто кровь, хозяин ловко снял шкуру. Он привязал тушу к палке и отдал ребятам, чтобы им удобнее было тащить ее на плечах. Те расплатились, однако не спешили уходить, поглядывая на красивую девушку. Хозяин их медлительность расценил по-своему.

— А шкура остается мне. Таковы правила. Ну, если хотите, могу отдать вам голову.

Он поднял с земли отрубленную баранью голову и нанизал ее на палку со стороны Шурика. Тот от нее шарахнулся, но, уловив насмешливый взгляд девицы, бодро скомандовал:

— Ну что, Толян, поканали?

Парни вскинули палку с тушей на плечи и бодро взяли курс на центральную усадьбу. По мере того, как удалялась Баевка, бодрость ребят все более улетучивалась и ноги все чаще заплетались.

— А клевая была телка! Скажи? — подал голос Толян.

— Да, есть девушки в русских селениях, — мечтательно поддержал Шурик-Австралия, и снова встретился со стеклянным взглядом барана, голова которого находилось у него на расстоянии ладони.

Он судорожно вздохнул и отвернулся. Заметив это, Толик посоветовал закинуть голову в траву, но Шурик закинуть голову никак не мог, потому что выражение лица у барана было жалобным.

— Придем, похороним! — ответил он.

Забегая вперед, скажу, что баранью голову так и не похоронили. Ее Толик с одобрения товарищей наткнул на кол и поставил перед окном девчонок.

Первый рабочий день в колхозе закончился за час до обеда, потому что никто не знал, как полоть эту несчастную морковь. Бригадир не показал, видимо, и сам не знал, а Луиза скомандовала выдергивать все в шахматном порядке.

— Если выдернем лишнего — это не страшно! — заявила она. — Морковь — не стратегический продукт.

Шурик с Толиком, как уже говорилось, сразу отправились в Баевку за бараном, а когда тушу доставили, Шурик сразу схватился за нож, а Толик — за свою гитару. А вот Берестову с Креончиком пришлось немного поорудовать в коровнике совковыми лопатами. Но это им даже понравилось. Словом, судьбой обиженной оказалась только Розка, чьи услуги машинистки так не деликатно отклонили утром.

После обеда была выбрана поляна, неподалеку от леса, на которой шефы вознамерились устроить пикник. Как только развели костер и нанизали мясо на шампуры, из леса вышел Малахаев со своей новой поэмой. Пока Креончик с Шуриком крутили на углях мясо, Малахаев вознамерился приобщить компанию к мировой культуре чтением своей новоявленной поэмы на дере-

венскую тематику. Свой очередной шедевр он почему-то посвятил женщинам, хотя было не восьмое марта, и тут же не без кокетства выдал эпиграф из золотого фонда философской мысли:

— Женщина — это самая душещипательная материя, данная нам в ощущениях.

Он обвел всех шаловливым взглядом, однако его тонкого юмора никто не понял. Но все поняли одно: сказано умно и тянет на афоризм.

— Названия у поэмы пока нет, но это не важно. Название придет в процессе. Итак, я начинаю!

Малахаев тряхнул головой, выпятил грудь и сверкнул глазами, как полковник, у которого за спиной Москва. Он набрал полный живот воздуха и звонко разродился первыми строками:

Эй вы, не будьте дураками,
любите женщин с потрохами...

Далее в течение десяти минут шло скрупулезное объяснение, почему женщин нужно любить в целом, а не частями, со всем ее недостатками, противоречиями и даже женскими болезнями, словом, такими, какими их создала природа, а не сентиментальное мужское воображение. И заканчивалась поэма обращением к Фоме неверующему, которого не убедили Малахаевские строки, что женщин нужно любить со всеми потрохами:

Пойди, найди мне петухов,
что любят кур без потрохов.

На последних строках Малахаев выкинул руку почему-то в сторону Шурика-Австралии, мол, он и есть, тот самый Фома неверующий, который любит кур без потрохов. Шурик удивленно оглянулся и ткнул себя пальцем в грудь.

— Не понял! Каких еще петухов?

Он растерянно повертел головой и сообразил, что сморозил чушь. Вокруг стояла ошеломленная тишина, вызванная чтением поэмы. Поэма действительно ошеломила. Каждый из присутствующих мог поклясться, что до этой

минуты не слышал ничего подобного. Однако было и заметно, что смысла никто не понял, но все поняли одно — гениально.

— Автомотогенно! — нарушила тишину Розка.

— Афиногенно! — поправила Светлана.

— Скажу честно, — продолжила Розка, — что в последнее время я отошла от стихов, — и все заулыбались, — но в доме у меня сохранился один поэтический альманах под названием «Богохульник».

— Багульник, — поправила Светлана.

— А знаете, почему он у меня сохранился, — продолжала Розка, не обращая ни малейшего внимания на смешки вокруг, — потому что бумага у него отвратительная: самая, что ни на есть атласная. Это полное идиотство — печатать стихи на атласной бумаге. На туалетной — самое то, поскольку очищение души должно производиться одновременно с очищением организма.

Все возмущенно загалдели, но Розка, не привыкшая брать во внимание такие пустяки, как всеобщее негодование, продолжала, повысив голос:

— Однако, несмотря на то, что от поэзии я отошла, тем не менее, хочу прочесть вам то, что мне врезалось в память из дикой юности. Вот послушайте. Называется «Умри, мурло!»

— Мэрилин Монро, — поправила Светлана.

И Розка начала чеканить, с завыванием и выкатыванием глаз, хотя никто не просил:

Я Мымра Мурло из лимузина!

Вокруг толпятся, хайло разиня,

как в магазине за колбасиной

и за лосиной!

А режиссеры — все образины,

киноактеры — ну сплошь корзины,

и осаждают впотьмах грузины —

невыносимо!

Нет! Розкино чтение ни на кого не произвело впечатления. Во всяком случае приятного. Хотя это не совсем так. На Малахаева стихи подействовали

убийственно. До этой минуты он и помыслить не мог, что кроме него на свете есть еще какие-то поэты. Его настроение тут же испортилось. Однако навязанный им вечер поэзии покатился дальше, уже без его участия. Неожиданно Светлана красиво выгнула спину и с большим одушевлением прочла:

Мы встречались с тобой на закате,

Ты веслом рассекала залив.

Я любил твое белое платье,

Утонченность мечты разлюбив...

— Это твой? — грубо перебил Малахаев и, не дождавшись ответа, взорвался: — Извини, конечно! Но это бред сивой кобылы! Не спорю, кое-какие литературные способности у тебя есть, но нужно соображать, что излагаешь. Вот скажи мне: что значит: «мы встречались с тобой на закате?» А почему не под закатом, или у заката, или в час небывало жаркого заката? А что значит, ты веслом рассекала залив? Откуда оно взялось? Ты что, девушка с веслом. Или ты хочешь сказать, что все, кто встречаются на закате, непременно при-таскивают с собой весла? Или, может быть, вы плыли в лодке? Но о лодке не сказано ни слова. А дальше вообще патологический вещизм: «Я любил твое белое платье!» Не фигу себе! Любить одно платье, пренебрегая тем, что под платьем, и ради него встречаться на закате с веслом — это чистая шизофрения. А дальше еще большая бессмыслица: «Утонченность мечты разлюбив!» Ха, скажите, пожалуйста! Да знаешь ли ты, что мечта — вещь сама по себе тонкая, и где у нее утонченность, а где утолщенность еще никто не определил. Я понимаю: ты хотела сказать, что ради какого-то белого платья разлюбила мечту, но это, прости меня, цинизм. Допускаю, что ты сама не знала, что хотела сказать, поэтому столько ляпсусов и вопросов. Но запомни, в поэзии не должно оставаться вопросов. И еще запомни, стихи писать — это не коровники чистить.

— Она их и не чистила! Она печатала на машинке! — ехидно вставила Розка.

За все время этого страстного монолога Светлана не произнесла ни звука. Она несколько раз открывала рот, что бы что-то возразить, но не могла. Речь

Малахаева представляла собой не разбиваемый монолит. Светлана то краснела, то бледнела, то недоуменно закатывала глаза, то начинала смеяться, и вот теперь, когда Малахаев наконец закончил, она открыла рот, чтобы хоть как-то реабилитировать свои стихи, внезапно объявили, что шашлык готов.

Все с криком «ура!» бросились разбирать шампуры. После того, как самодельный мангал опустел, наступила деловая тишина. Все усердно чавкали, и Малахаев, уминая свою порцию баранины, уныло думал, что поэзия всегда заканчивается чавканьем. И с этим ничего нельзя поделать. Как говорил Сократ: «Духовность, не подкрепленная мясом, — есть шарлатанство».

После десятиминутной тишины все сыто повалились на траву. По табору начали расползаться блаженство и дремота. Толик опять обнялся с гитарой и затянул что-то унылое. Все знали, что он КСПэшник, а у КСПэшников одна цель — нагонять на окружающих тоску, поэтому к Толиковому нытью под гитару относились снисходительно.

Из темноты к костру неожиданно выплыла бабка Оксана с корзиной какой-то травы. Вслед за ней выбежала большая черная собака. Заметив ее у себя за спиной, баба Оксана вздрогнула и топнула ногой:

— Кыш, проклятая! И откуда только прибегает, шелудивая?

Собака остановилась, но никуда не убежала. Скромно встала в сторонке и уставилась, как показалось Берестову, на него. Затем собака перевела взгляд на Светлану.

Баба Оксана категорически отказалась от шашлыка, однако не отказалась от чая. После третьей кружки она принялась крыть его последними словами, дескать, помой сейчас, а не чай. Вот раньше был чай, так чай, в железных коробках, листик к листику, не единой палки.

— Скажите, — перебил Креончик, хитро покосившись на Леню. — А правда, что в доме дурачка людоеда живут мертвые души, то бишь, приведения?

Дружный хохот поднялся над полем. Все опять вспомнили про овцу, которая напугала Берестова. «Уж от кого, от кого, а от Креончика такого не ожидал, — помрачнел Леня. — А еще друг называется».

— Да какие щас привидения, — махнула рукой баба Оксана. — Вот, почитай, раньше были. Раньше все было: ведьмы, колдуны, оборотни. Раньше в нашем пруду стерлядь водилась. Ее поставляли специально для царя, поскольку вся она была одинакового размера. Вот такая, — показала баба Оксана, разведя руки. — Да раньше в лавках была все, только денег у людей не было. А товар был. А сейчас деньги есть, а в магазинах — шаром покати!

И бабуля снова принялась чистить современное житье-бытье.

— Подождите! — тряхнул головой Креончик, чувствуя, что разговор ускользает в другое русло. — Куда же вся эта нечисть подевалась?

— А мы почему знаем? — всплеснула руками старушка. — Почитай, туда же, куда и колбаса с халвой. А раньше, бывалочи, возвращаешься с поля — ба! Бежит навстречу свинья. А все уже знают, что это не свинья, а мельник Семен Архипыч. «Здорово, — кричишь, — Семен Архипыч. Куда ты, шелудивый, на ночь глядя намылился? Небось опять лошадей пужать? А он в ответ «хрю-хрю!» Мол, так точно! Нужно малость попужать, чтобы их хозяева не очень борзели.

Вокруг костра разразился хохот. Но хохот не смутил бабушку Оксану. И она, хихикнув вместе со всеми, продолжала рассказывать в том же духе.

— Или вот Аграфена из Хохловки. Все ведь знали, что она колдунья и оборотень. Когда, почитай, умирала, в ее доме крышу разбирали, чтобы душе было легче отлететь на небо. Так ведь не отлетала! У колдунов, чай, так: пока не передаст свое колдовство наследнику, ни за что не помрет. Так и не помирала она, до тех пор, пока из Языково не привезли ейную дочь. Вот когда дочь привезли, она что-то шепнула ей, и тогда почил с миром.

Креончик недоверчиво поднялся на локте.

— А вы что же, ее дочь знали лично? Может, она и сейчас жива.

Но на Креончика все зацыкали и попросили бабушку Оксану рассказывать дальше, а не разбазариваться на глупые вопросы. «Почему глупые? — обиделся на всех Креончик. — Сами вы глупые! Вам туфту впаривают, и вы и рады уши развесить», — воскликнул он мысленно и отвалился на траву. А тем временем бабу Оксану несло дальше:

— А взять моего мужа, Потапа. Он тоже родом из Хохловки. Он даже приходился Аграфене каким-то родственником.

— Да ну! — вытаращила глаза Розка. — И что же он такое вытворял.

— Да ничего не вытворял, — вздохнула бабка Оксана, не замечая в голосе Розки издевки. — Убили его в сорок третьем под Курской дугой. — Баба Оксана перевязала платок и грустно покачала головой. — Пришла на него, значит, похоронка. А летом сорок четвертого он и является. Но какой-то не такой. Вроде он, а вроде не он. Ну, внешне похож, и голос вроде его. А сам как будто не он. И радости у меня на душе, почитай, никакой оттого, что он вернулся. Гляжу на него, и ужасаюсь — взгляд какой-то холодный, недобрый, не улыбочивый. А Потап был веселый. На гармошке играл. Ну, думаю, это война его так испортила. А соседи говорят: «Не Потап это, Аксинья. Гони-ка ты его в шею! Неужто не видишь, совершенно чужой мужик!» А как погонишь? Ведь с войны пришел, живой, здоровый, хоть и со странностями. И живем мы с ним неделю, другую, и такая тоска на душе, что, прям, хоть вешайся! А главное, спим мы порознь. Я на кровати за занавеской, а он на печке. Я как-то случайно до него дотронулась, а он, Боже мой, холодный как покойник. И пошла я к бабке Матрене, гадалке нашей деревенской. И гадала она мне долго. Сначала на чаше с водой, потом на картах. И на картах, как щас помню, выпали винновый король и винновая девятка. Что это значило, я не знаю, но бабка Матрена нахмурилась и велела мне ночью, как Потап заснет, снять икону и ею перекрестить его. Если он не проснется, значит это истинно Потап, но только контуженный. А если шарахнется, как черт от ладана, значит, он черт и есть. Ну, встала я с кровати той же ночью, а она такая скрипучая, что спасу нет. Подставила табуретку, чтобы достать икону, а он как прыгнет с печки, как вцепится своими ледяными ручищами мне в руку и как закричит: «Лежи, поскуда, пока не придушил! Я тебе покажу, как по ночам шастать». Я от страха всю ночь зубами и прощелкала. А на следующий день наварила я, значит, киселя с лебедой, чтобы он спал крепко, слезла ночью с кровати, встала на табурет и только потянулась к иконе, как услышала сзади шорох. Оглянулась: ба! А это он спускается с печки: глаза шаль-

ные, дикие, сам страшный, как смерть, растрепанный, а руки вытянуты и тянутся ко мне. Я вцепилась в икону, а он как закричит: «Оставь Божью мать! Оставь, кому говорят!» Ну, я от страха глаза зажмурила и давай крестить его иконой. Он так страшно закричал, что все собаки в деревни перестали лаять. И как был в одних подштанниках, так и утек в них в поле. И больше никогда не возвращался.

Баба Оксана замолчала и задумчиво уставилась в костер. Никакой лукавой усмешки на ее лице не читалось. От внезапно наступившей тишины девчонки начали тревожно осматриваться и двигаться ближе к костру. Этот рассказ увлек всех, кроме Розки. Она хоть и молчала, однако была увлечена собакой, которую подманивала к себе кусочком мяса.

— Ну и кто это был? — нарушил тишину Малахаев.

— А леший его знат, кто? — пожала плечами баба Оксана.

Все с надеждой повернули голову на Креончика, как на самого интеллектуального, которой единственный мог объяснить это явление научно. И пока Креончик собирался с мыслями, по-сократовски морща лоб, ночной воздух внезапно сотряс душераздирающий крик. Потрясенные шефы вздрогнули и обернулись на Розку, от которой во все лопатки улепетывала черная собака.

— Вот тварь собачья! — возмущенно воскликнула Розка, показывая укушенный палец, как в чеховском «Хамелеоне». — Зажралась! Уже и мясом брезгует!

— А если тебя шампуром в морду! — возмущенно загалдели заводчане.

И начался базар, где все хотят высказаться и никто не хочет выслушать. Базар стал перерастать в смех. Нужно же было как-то снять нервное напряжение от ужасов бабы Оксаны. Все были уверены, что она им рассказала занятную сказку. И только единственная Светлана была серьезной. Как ни странно, но рассказ ее почему-то потряс. Она, зябко ежась, смотрела на огонь, ничего не замечая вокруг. Затем, не выдержав своих дум, подняла голову и воскликнула:

— Люди! А ведь это правда! Я точно знаю!

Однако ее слов никто не услышал. Они утонули во всеобщем хохоте.

Часть вторая

Общественное поручение

1

Прошло более двух часов с того момента, как журналист зашел в здание министерства. Стрелки часов уже подкрадывались к половине второго дня, а в двенадцать должен был подъехать автобус. Однако автобус не подъехал, а корреспондент куда-то запропастился. Должно быть, какая-то накладка. Станислав Владимирович наверняка об этом знает, иначе не исчез бы так долго.

— Наверное, какие-то дела утрясает, — отвечал на вопросительные взгляды земляков Семен Петрович.

Но беспокойство все больше охватывало гостей столицы. Они уже не могли спокойно сидеть на ступенях министерства: нервно расхаживали взад вперед и подозрительно всматривались в окна здания.

— Слышь, Петрович, по-моему, звонить надо, — пробасил Лешка Селедкин.

— Да сиди ты, не дергайся! — огрызнулся Куроедов.

Всеобщее беспокойство начала передаваться и идеологу. В половине третьего он не выдержал и растерянно пробормотал:

— Ну где же Владимыч? И где автобус?

— Говорю, звонить надо! — встрепенулся Лешка Селедкин.

— А кому звонить-то?

— Ясно кому! Министру!

— Не министру, а заместителю, Николаичу! — проявил осведомленность Федька Сапожников.

— А как фамилия Николаича-то?

Выяснилось, что фамилии замминистра никто не знает, как, впрочем, и имя. Парторг почесал затылок и вошел в здание. Путь ему преградил дежурный милиционер.

— Вы к кому?

— Я к Станиславу Владимировичу, спецкору «Известий». Он два часа назад сюда вошел...

— Это министерство, а не редакция! — перебил милиционер.

— Я знаю, что не редакция! Но Станислав Владимирович — он друг замминистра, Николаича. Скажите, где он сидит, заместитель министра... Николаич.

Милиционер нахмурился и положил руку на кобуру.

— Немедленно освободите помещение! Посторонним здесь не место.

— Я не посторонний! Я возглавляю группу товарищей, которых направляют на учебу в Америку. Да я два часа назад сидел здесь в вестибюле вот на этой банкетке.

Глаза милиционера сделались круглыми. Дальнейшее выяснение также ни к чему не привело. Из дежурки вышел офицер. Его взгляд был более осмысленным, чем у рядового, однако и он ничего не мог объяснить. О журналисте Сергееве он слыхом не слыхивал. Замминистра Николаича не знал ни в лицо, ни заочно.

Ничего не оставалось, как понуро вернуться на крыльцо, сесть на ступень и закурить. Глядя на парторга, закурили и остальные. Затем все также молча затоптали окурки ногами и угрюмо уставились под ноги. Только слепой мог не увидеть, как сильно переживают мужики.

Внезапно Федька Сапожников залез в свой чемодан и достал связку сушеной рыбы. Злобно оторвав одному лещу голову, он начал остервенело сдирать с рыбины чешую и раскидывать ошкурки по сторонам. Его примеру последовали остальные. Все достали из чемоданов по связке лещей и молча вгрызлись в них зубами. Через минуту пространство у входа в министерство покрылось чешуей. Проходившие мимо прохожие в изумлении открывали рты при виде того, как шестьдесят здоровых мужиков сидят на ступенях министерства и сосредоточено расправляются с сушеной рыбой, остервенело раздирая ее когтями и отправляя в рот вместе с костями. Окна здания, которые поначалу закрыли от табачного дыма, снова открылись, и к ним прилипли любопытные сотрудники. Такое народное переживание, из-за которого

чуть ли не вся площадь перед зданием покрылась рыбьей чешуей, здесь наблюдали впервые.

В пять часов из министерства в сопровождении охранника вышел важный человек с иностранным портфелем в руках. Он сначала поскользнулся на рыбьем пузыре, затем подозрительно всмотрелся в понурых мужиков, у которых у каждого в руках было по рыбьему скелету. Человек спросил, обращаясь больше к охраннику:

— Я так и не понял, что это за люди, и чего они ждут?

Охранник пожал плечами, а Куроедов оживился. Он молниеносно сунул недоеденного леща в карман, отер руки о штаны и вскочил со ступеньки крыльца.

— Извините, товарищ, вы случайно не заместитель министра, Николаич? — спросил парторг с забубенной деревенской простотой.

Человек нахмурился, его охранник насторожился и сделал шаг вперед, перекрывая доступ к охраняемому телу.

— Нет, я не заместитель министра, — ответило важное лицо. — Я министр.

Парторг на минуту потерял дар речи. Потом опомнился и расплылся в подхалимской улыбке.

— Простите, как вас по батюшке?

— Всеволод Серафимович.

— Извините, Всеволод Серафимович! Дело в том, что я возглавляю группу колхозников, которую страна посылает на учебу в Америку.

— В Америку? — удивился министр. — Хм. Не слышал. И кто же посылает?

— Ваш заместитель, Николаич!

— Николаич? Какой еще Николаич. Что-то я не знаю такого заместителя.

— Ну, как же не знаете! — всплеснул руками Куроедов. — У него еще друг, специальный корреспондент «Известий» Станислав Сергеев.

В одну минуту парторг рассказал все: как им в Коромысловку позвонил главный аграрий Ульяновской области, который отправил к ним в деревню

столичного корреспондента, как на второй день корреспондент созвонился с заместителем министра Николаичем по поводу отправки их на учебу в Америку, и как Николаич дал добро и велел немедленно прибыть в Москву.

— Вот мы и прибыли, — развел руками Семен Петрович. — Прибыли и сидим на ступенях.

Министр задумался. Затем, подозрительно сощурился, посмотрел на часы.

— В котором часу, вы говорите, журналист зашел в здание?

— В одиннадцать.

— И больше не выходил?

— Не выходил.

— Точно?

— Клянусь!

— Странно, — министр перевел взгляд на охранника. — Ну а в редакцию вы ему звонили?

Куроедов просветленно хлопнул себе по лбу.

— Точно! В газету надо позвонить! Как мы не догадались?

На лице министра мелькнуло что-то подобие усмешки. Он энергично направился к машине, на ходу бросив, что завтра разберется с этим. Когда его черная «Волга» укатила, процессия устремила к телефонной будке, стоявшей на углу. В справочном дали телефон газеты «Известия». В «Известиях» сказали, что Станислав Сергеев сейчас верстает номер, поэтому подойти к телефону не может.

— Ну, я же сказал, что все нормально! — обрадовался Куроедов. — Владимир в редакции. С автобусом задержка, и он побежал верстать материал.

Мужики оживились. Однако нехорошие сомнения еще оставались.

— А как же он так вышел, что мы его не увидели? — почесал затылок Се-ледкин.

— Дурья твоя башка! — рассмеялся парторг. — Ты думаешь в министерстве только один выход?

— А что же он не предупредил, что поедет в редакцию?

Это действительно было странно. Куроедов задумался.

— Вот что, мужики, — нахмурился он. — Вы оставайтесь здесь, а я съезжу в «Известия». Выясню, в чем дело?

— Я с тобой, Петрович, — сказал Сапожников.

Когда час спустя в вестибюль прославленной газеты спустился невысокий подтянутый мужчина интеллигентного вида, Куроедов с Сапожниковым переглянулись.

— Вы меня хотели видеть? — спросил мужчина.

— Нет! Мы хотели видеть Станислава Сергеева, спецкора «Известий», — в один голос ответили гости.

Лицо мужчины выразило недоумение.

— Я Станислав Сергеев, — ответил он. — Но я давно не спецкор. Я ответственный секретарь газеты и замредактора приложения «Неделя».

— То есть как? — открыли рты визитеры. — А другой Станислав Сергеев, который помоложе и повыше ростом, у вас в «Известиях» есть?

— Другого нет, — улыбнулся газетчик.

2

Как ни странно, но именно бабка Оксана своими необузданными бреднями вернула Креончика к жизни. После эксклюзивной беседы с ней глаза у заводского шефа загорелись как у дикой кошки при виде домашней мышки. В Илье снова пробудился исследовательский дар. Он решил провести собственное расследование по явлению оборотней и дать им научное объяснение.

Илья Креонов слыл самым умным на заводе. Он мог любое невероятное явление подвести под «материалистическую подоплеку», за что и снискал уважение среди заводчан. Креончик дважды поступал в Политехнический университет и оба раза проваливался по одной и той же причине — начинал спорить с преподавателями, обличая их в неточности. Ходили слухи, что он даже читал Плутарха. Но возможно — слухи преувеличены.

Следует пояснить, что в 1987 году народ в стране был достаточно крепок в своем атеизме. Широкие массы еще не совершали свои дикие паломничества

в православные храмы, потому что упрямо не верили в сверхъестественное. А узкие массы смаковали на шумевшие явления домовушек и барабашек. Как не смешно это сегодня звучит, но первый удар по кондовому советскому материализму нанесли именно барабашки. Чему удивляться? В России все ни как у людей! Даже возвращение к Богу у нее особое.

Что касается Креончика, то он относился к оголтелым материалистам и считал, что в мире нет ничего такого, чего невозможно пощупать руками и нельзя объяснить словами.

На следующее день после шашлычных посиделок Креончик вскочил раньше всех. Выпрыгнув из окна, он рванул в сторону молочной фермы.

— Куда? — поднял голову Леня.

— К Ирине! — коротко бросил Креончик и тут же сгинул в ближайших кустах.

— Не рановато для свидания? — крикнул вслед Берестов и взглянул на часы. — Пять утра! Обалдеть!

Берестов уронил тяжелую башку на подушку с мыслью, что в пять утра для свидания встают либо извращенцы, либо дегенераты, а может, и те и другие в одном лице. И снова смачно засопел. А тем временем Креончик в штиблетах на босу ногу мчался по влажной траве в сторону фермы. Однако мокрые ноги его не смущали. Он боялся одного, что Ирина с матерью, Еленой Ильиничной, уже закончили дойку и сейчас направляются домой. Однако опасения оказались напрасными. Ирина в это время, широко зевая, сонно прикрепляла дойный аппарат к коровьему вымени.

— Ты как крепишь, как крепишь? — возмущалась мать. — Ласково надо пристраивать! Вот если тебе также будут пристраивать присоску к титькам, тебе понравится?

— Мам, ну ты чё, совсем? Я корова что ли? Да и кто будет пристраивать? У меня все женихи интеллигентные. Они мне стихи читают!

На этих словах в коровник забежал запыхавшийся Креончик. Разглядев среди женщин Ирину, он сразу направился к ней. Доярки поначалу онемели,

затем начали деликатно прятать в рукава лукавые улыбки. Не замечая насмешливых взглядов, Креончик приблизился к девушке.

— Ирина, привет! Разговор есть. Можешь выйти на минуту?

Девушка удивленно подняла голову, и краска смущения залила ее и без того пунцовое лицо. Смутиться было чему. Еще не один жених в деревне не поднимался в пять утра ради своей благоверной. А тем более, городской. Зевоту сняло как рукой. Ирина сделала губки бантиком, целомудренно хлопнула ресницами и произнесла нежным голосом:

— Пока нет. Я занята.

Доярки сзади закатили глаза и расплылись в таких широчайших улыбках, что Креончик почувствовал их сверлящие взгляды и обернулся. Затем, когда повернулся к Ирине снова, чувство смущения передалось и ему. Он внезапно заметил, что утренний луч солнца переместился на вздымающую грудь девушки. А две верхние пуговицы халата были расстегнуты. Пухлые мячики в тисках кружевного бюстгальтера не могли не взволновать оголтелого материалиста. Следом парень заметил и утренний румянец девушки, и ямочку на щеке, и красивый рыжий локон, ниспадающий на плечо, а кроме того — невероятно голубые по своей чистоте глаза. О как не прав был Берестов, допустивший мысль, что по утрам на свидания ходят только извращенцы и дегенераты. При утренних лучах солнца девушки гораздо обворожительнее. Креончик проглотил слюну и, не отрывая взгляда от ослепительной груди чаровницы, спросил:

— А ты долго будешь занята?

За дочку ответила мама, Елена Ильинична.

— Не долго она будет занята! А вы, молодой человек, пока почитайте нам стихи.

В голосе женщины звучала едва уловимая ирония, которую парнишка по городской наивности еще не уловил. Но сзади, уже почти не скрываясь, прыскали в рукава. Креончик снова взглянул на пухлые перси доярки и попятился. Ирина, перехватив его взгляд, понимающе улыбнулась.

— Прочти что-нибудь из Лермонтова. Мама очень любит. Например, вот это: «Что в вымени тебе моем...»

От здорового бабьего хохота, казалось, обрушится крыша. Креончик залился краской и поспешил на выход:

— Ладно, я тебя на улице подожду, — бросил он через плечо.

Через десять минут Ирина вышла из коровника. Она подошла к Креончику настолько близко, что он ощутил на своей груди жар ее божественных персей. Расстегнутые на халате пуговицы продолжали мутить рассудок.

— О чем ты хотел поговорить? — напустила на себя серьезность девушка.

— Ты ведь хорошо знаешь Кузоватоский район? — спросил Креончик, стараясь не смотреть ей под халат.

— А что ты хотел узнать?

— Хотел спросить у тебя, как у местной жительницы, где находится деревня Хохловка.

— Хохловка? — удивилась Ирина. — Ты ради этого поднялся в пять утра? Нет, никогда не слышала. А ты уверен, что Хохловка находится именно в Кузоватовском районе?

— Нет, не уверен, — почесал затылок Креончик.

3

В то же утро председатель Коромысловки Петр Алексеевич явился в Правление мрачнее тучи. Он открыл сейф и начал пересчитывать деньги. Наличных оказалось около двух тысяч рублей. Но эти деньги были сняты со счета в банке и предназначались для шабашников из Армении, которые подрядились перекрыть в школе крышу. Когда в контору явилась бухгалтерша, председатель сразу набросился на нее:

— Петровна, мы можем наличкой изыскать еще тысячу рублей?

— Сегодня — нет! — удивленно ответила женщина.

Глаза председателя сверкнули несусветным бешенством.

— Что значит, нет? А если позарез нужно!

— А надо именно сегодня? — мягко уточнила бухгалтер.

— Не только сегодня, а сейчас! Немедленно! Найди, где хочешь!

Глаза Петра Алексеевича, казалось, от напора сейчас выскочат из глазниц. Валентина Петровна пожала плечами.

— А что, собственно, произошло?

Вместо ответа председатель протянул ей телеграмму.

«Нас обманули зпт Америка накрылась зпт корреспондент исчез нашими деньгами зпт срочно вышли денег обратный проезд зпт Куроедов тчк».

Прочтя телеграмму, Валентина Петровна удивленно подняла глаза. Петр Алексеевич молча развел руками.

— Не может быть, — произнесла она. — Это какая-то ошибка.

— Какая ошибка, — махнул рукой председатель. — Корреспондент оказался жуликом. Я так и знал. А ведь мне его Фролыч направил. Вот жук!

— Тогда и попроси денег у Фролыча! — осенило Петровну.

— А это мысль! — ожил председатель. — Ну-ка, дай я ему сейчас позво-ню.

Через час уже вся область знала, что мужики Кузоватовского района стали жертвой обмана неизвестного, выдавшего себя за столичного журналиста газеты «Известия». Лжекорреспондент нагрел колхозников на фантастическую по тем временам сумму — на сорок восемь тысяч рублей. В этот же день областное ГУВД возбудило уголовное дело по факту мошенничества, и ему присвоили гриф «секретно», поскольку в деле фигурировал один из высокопоставленных областных отцов. Однако последняя мера была излишней. Слухи об инциденте разлетелись по области моментально. До жителей центральной усадьбы они дошли еще быстрее, чем до коромысловских. Большая часть кузоватовских почему-то радовалась.

— Так им и надо! — ржали мужики, собравшись под автоматом витаминной муки. — А то, понимаете ли, захотели учиться в Америке, в штате Невада. Список составили из самых достойных! А нас, значит, посчитали не достойными!

— Хорошо, что я оказался недостойным, — выскочил в круг мужичек с лукавым прищуром. — Целее будут мои денежки!

Новый взрыв хохота сотряс территорию летнего предприятия. Сколько же издевательского сарказма в тот день было высказано кузоватовскими в адрес их земляков, которые уныло сидели на Казанском вокзале в ожидании перевода. И за весь день ни одного сочувственного слова.

Инцидент горячо обсуждали и заводские шефы, ожидавшие машину на крыльце столовой.

— Сорок восемь тысяч рубанул журналист. Не хило! — восхищенно цокал языком Шурик-Австралия. — Одобряю! Я бы на эти деньги рванул в Австралию.

— Молодец, журналист! Слов нет, — согласился с Австралией Толик.

Креончик хитро улыбнулся и покровительственно похлопал по плечу своего друга.

— Теперь я понимаю, почему Леня так рвется в журналисты.

Все почему-то засмеялись, и опять припомнили бедняге позавчерашнюю овцу, которую он нащупал в пустом доме Федьки дурачка. Хотя непонятно, причем здесь журналистика? В это время из Правления вышел парторг и с озабоченным видом направился к заводчанам.

— Петр Иванович, слышали новость? — завопили в один голос девчонки.

— Да! — хмуро кивнул парторг. — Есть еще у нас в стране нечестные люди. Однако давайте распределяться по работам.

Как и в предыдущий день, всех девчонок направили на прополку моркови, а пацанов — чистить коровники. Неожиданно Шурик-Австралия взбунтовался.

— Я не могу находиться в коровнике. У меня аллергия на навоз. Я сразу бледнею и падаю в обморок.

— А я могу? — удивился Малахаев. — Я вообще тонкая поэтическая натура. Мне сейчас стихи надо писать. Вот послушайте: уже пришла строчка: «Я знаю, что в области нашей, есть много нечестных людей...»

— Плохо! — поморщился парторг. — В нашей области в основном честные люди. Потому что мы — ульяновцы, земляки Владимира Ильича Ленина. Я уверен, что этот ирод, обманувший наших трудящихся, прибыл из дру-

гого региона. Тебе лучше написать так: «Я знаю, что в области нашей, есть много хороших людей!»

— Bravo, Петр Иванович! — захлопали в ладоши девчонки. — Вы настоящий поэт.

Когда восторженный визг утих, Малахаев преданно взглянул парторгу в глаза и произнес:

— Согласен, Петр Иванович! Так намного правильнее. Разрешите пойти сочинять?

— Разрешаю! — покрылся гордой краской парторг. — И чтобы к вечеру отчитался.

Малахаев тут же бросил лопату и быстрым шагом направился в лес, завывая что-то несуразное.

Быстро сообразив, как нужно отлынивать от работы, протест против коровника заявили и Толик с Креончиком. Первый заявил, что его гитара очень чутко впитывает запахи, которые уже не выветриваются никогда, а второй — что он сегодня намерен заняться научным трудом для совершения сенсационного открытия. В эту минуту подъехала машина, и последние заявления остались без ответа. Тем более что парторг их не услышал. В это время он схватил за руку Светлану, собравшуюся взобраться в кузов.

— А для вас, Светлана, есть работа в Правлении.

— Как вчера? — скептически хмыкнула девушка.

— Как вчера! — удовлетворительно кивнул парторг.

— Но вчера я ничего не делала.

— Разберемся!

Словом, Берестову пришлось разгрести коровник в единственном лице. Толик с Креончиком отправились с девчонками на морковное поле. Шурик — симулировал болезнь, Малахаев — творческий порыв. «Ничего, — сказал сам себе Леня. — Все равно нужно чем-то занять себя до вечера».

А от предстоящего вечера у парня перехватывало дыхание. Вечером они договорились встретиться с Таней на краю села.

Должно быть, нынешнего читателя удивляет такое обилие персонажей пишущих стихи, или активно участвующих в их обсуждениях. Поясню, что в 1987 году наша страна была не только самая читающая в мире (тиражи литературных журналов зашкаливали за миллион) но и самой пишущей. Весь Советский Союз, будто прыщами, был покрыт литературными объединениями. Литобъединения существовали везде: при Союзе писателей, при домах культуры и даже при заводах. Стихи писала все. Или почти все. В обсуждении стихов, даже таких прославленных поэтов, как Евтушенко, мог принять участие любой трудящийся — дворник, сторож, пожарник, о чем свидетельствуют многие советские фильмы. «Июльский дождь», например.

Помню, в мае 1987 года ко мне в трамвае подсел вдребезги пьяный военный. Икнув и щедро обдав меня перегаром, он сильно заплетающимся языком произнес:

— Я тащусь... Не, блин, я просто тащусь(ик!)

Я хотел ответить, что тащится не он, а трамвай, причем, едва тащится, потому что водительница, видимо, размечталась о черепашьем супе на бумажном кораблике. Но военный имел виду совсем другое.

— Вчера читал Ч-че-че(ик!)эвенгур. Охренеть можно, какой богатейший язык у Платонова.

Неожиданно к нам обернулась стоящая в проходе чувашка в засаленной фуфайке. У нее на плече был тяжелый мешок с картошкой. Мешок ни в коем случае не помешало ей вмешаться в разговор:

— Такой пакатейший ясык, при такой скромный слофарный сапас. Платонов — просто кений!

Никого из пассажиров не удивило, что в литературном диспуте запросто принимают участие товарищи из разных слоев общества. Причем, из таких, которые, на первый взгляд, весьма далеки от искусства в эпистолярном жанре. Никому в трамвае не показался разговор о Платонове чужеродным, или надуманным в пьяном бреду. Однако мы снова отвлеклись.

Итак, вечером, сразу после ужина Берестов через чужие огороды и проволочные изгороди рванул на окраину села, где стоял дом Федьки дурачка. Там, неподалеку от дома, под громадным дубом его уже ждала Танечка, изящно расположившаяся на одном из исполинских корней дерева. Она сидела так трогательно, обхватив руками колени, что у парня защемило сердце. Леня подкрался к ней сзади и обнял ее за шею. Она, вопреки ожиданиям, даже не пошевелилась, как будто неожиданные объятия сзади — это такое же обыденное явление, как дуновение летнего ветра.

— Я тебя видела, — произнесла она, не поворачивая головы.

— Это чем? Затылком что ли? — усомнился Леня.

— Да, затылком.

Она обернулась и утопила Леню в своих зеленых глазищах. Лучи вечернего солнца падали прямо ей на лицо, и глаза ее лучились, как сумасшедшие. «До чего девушки красивы на закате, — подумал Леня. — В городе такого не увидишь. Потому что вечернее зарево закрывают дома». Если бы утром Леня отправился с Креончиком на ферму, то понял бы, что девушки также хороши и при восходе. И такого в городе тоже не увидишь, потому что с восходом в городе не встают даже дворники.

— Ну что, пойдём погуляем? — предложил Леня.

Таня подала ему руку и пара направилась в сторону леса. Проходя мимо Федькиного дома, Берестов покосился на него весьма неприязненно. От внимания девушки это не ушло.

— Переживаешь? — спросила она иронично.

— О чем? — ошетинился Леня. — Ничего я не переживаю. С чего ты взяла?

На самом деле Берестову неприятен был этот дом. Уже дважды он приводил его в смятение. Таня чувствовала это и едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. В конце концов, дом остался позади, и молодые люди вошли в лес.

— Куда мы идем? — спросила Таня.

— Просто гуляем, — как можно небрежнее ответил Леня.

Однако небрежно не получилось. Голос предательски дрогнул. Леня обнял Таня за талию, и дыхание перехватило. Неизвестно откуда появилась дрожь, которая стала передаваться и девушке. Они шли довольно долго напрямую, без тропинки, ничего перед собой не видя и не произнося ни слова. Молчанка как-то до неприличия затягивалась. Наконец Леня не выдержал и спросил хриплым голосом:

— Ты меня вспоминала?

— Да, — коротко ответила Таня.

И обоим стало еще более неловко. Нужно было что-то говорить, расспрашивать, плести, трепаться, даже, может быть, ржать, как вшивый мерин. Но Берестов словно онемел. И чем дальше, тем напряженнее. Пройдя еще с километр, Таня, наконец, выдавила из себя.

— А ты... вспоминал меня?

Берестов остановился, развернул к себе девушку и, глядя в ее зеленые глаза, произнес полупшепотом:

— Конечно...

Он стал притягивать ее к себе, но Таня его оттолкнула.

— Обманываешь. Я чувствую.

— Да провалиться мне на этом месте! — горячо воскликнул Берестов, и вдруг почувствовал, что действительно проваливается. «Что за хрень?» — подумал он, инстинктивно шагнул назад, и с изумлением почувствовал, как земля натурально уходит из-под ног. Парень вскрикнул, и тут же провалился по грудь. Он провалился бы и дальше, но руки инстинктивно вцепились в траву. Таня звонко рассмеялась. А Лене было не до смеха. Его ноги по-прежнему чувствовали пустоту.

— Ой, что это со мной? — растерянно пробормотал он и в ту же секунду рухнул в пустоту, поскольку трава выскользнула из рук.

— Ты куда? — услышал он сверху Танин голос.

Леня упал спиной на что-то твердое и почувствовал что лежит, на бревнах. В полумраке он увидел грубо сколоченный стол, сооруженный из веток, топчан и железную печку буржуйку. «Слава богу, кажется, это землянка, а

не медвежья берлога», — мелькнуло в голове. Сверху в зияющей дыре показалось Танино лицо.

— Эй, ты куда провалился? Ты жив?

— Как видишь, жив, — с юмором ответил Берестов.

— Ничего я не вижу! — ответила Таня. — Ты где? Ой! Кажется, вижу вход!

Танино лицо исчезло. Сверху послышался шорох разгребаемых веток, затем сверху открылась дверь, и Берестов увидел в углу что-то вроде предбанника, от которых вверх тянулись земляные ступени. Таня сошла по ним и удивленно осмотрелась.

— Это что, блиндаж?

— Какой блиндаж? Просто землянка.

— А чья?

— Ты меня спрашиваешь?

Землянка была довольно просторной. Около четырех метров в длину и три в ширину. Посередине стоял столб, который держал земляной потолок, выложенный грубыми досками. Труба от печки буржуйки тянулась куда-то в сторону и была забетонирована в стену. Кроме стола и топчана в углу стояло что-то наподобие шкафа. Леня подошел к нему и открыл. Сразу бросились в глаза солдатская каска и солдатский ремень, лежащие на полке. Чуть ниже — планшет. Еще ниже алюминиевая тарелка, ложка и кружка. На самой верхней полке труха от сгнивших грибов.

— Я говорила тебе, что блиндаж, — сказала Таня, взяв в руки каску.

— Но здесь не было военных действий, — возразил Леня.

— Ну и что, — ответила Таня. — Интересно, кто это вырыл?

— Наверное, охотники.

— У нас в деревне нет охотников. Да и дичи в этих лесах нет. Хотя, кто знает?

Молодые люди выбрались на поверхность и только тут сообразили, что довольно далеко ушли от поселка. А между тем, уже начинало темнеть. Сле-

дом выяснилось, что оба не знают в какую сторону идти. Таня предположило, что влево, а Леня — вправо.

— Похоже, будем ночевать в лесу, — засмеялся парень.

— Нет, я не собираюсь! — возразила Таня. — Мне завтра в половине пятого на ферму.

Неизвестно, сколько бы они проплутали по лесу, если бы Берестов не услышал голоса. Точнее, один мужской голос, и женское скептическое хмыканье.

Взявшись за руки, Леня с Таней побежали на звук. Чем ближе они подходили, тем отчетливее слышалось, что голос принадлежал Пашке, а хмыканье Луизе.

Когда Леня с Таней с веселым воплем выскочили на поляну, Пашка от испуга потерял дар речи, а Луиза, побледнев, повалилась в обморок.

— Ну, вы даете, мужшины, — сглотнув слюну, произнес Пашка. — У нас же разрыв сердца мог случиться.

— Причем здесь разрыв сердца! — возмутился Леня. — Мы просто заблудились. В какую сторону деревня?

5

В то время как Берестов с Танечкой гуляли по лесу, Креончик тоже не терял времени даром. Впечатление от утреннего образа Ирины так запало в душу, что не отпускало целый день. Вечером после ужина Илья не без трепета подался на задворки огородов, где они с Ириной договорились встретиться.

Когда Креончик перемахнул через последнюю изгородь из проволоки, то увидел, что Ирина уже сидит на скамейке под кудрявой березой. И не просто сидит, а пышет как доменная печь. Юноша присел рядом и сразу почувствовал, как от девушки исходит волнующий деревенский жар. Горло слегка сдавило.

— Я поспрашивала на ферме, — деловито начала Ирина. — Никто не слышал про деревню Хохловка.

— Может в Ульяновской области таковой вообще не существует, — пожал плечами Креончик, стараясь скрыть хрипоту в голосе. — И баба Оксана приврала.

— Нет, — покачала головой девушка. — Баба Оксана не имеет привычки привирать. Не такой она человек.

На этом тема разговора исчерпалась. Возникла неопределенная пауза. Креончик покосился на открытое декольте легкого платья чаровницы и подумал, что за демонстрацию таких прелестей в средние века сжигали на кострах. Креончик почувствовал, что смущение все больше и больше овладевает им. Девушка замечала это и про себя коварно улыбалась.

Налетел легкий ветерок. Он пошевелил легкое платье плутовки, обнажив ее пухлые ляжки. Ирина с напускной стыдливостью одернула платье, положив на оборку подола ладони. Креончик сделал вид, что не увидел шалости вечернего зефира, однако дышать стало тяжелее. Затем, когда на ее загорелое колено села белая бабочка, молчание стало невмоготу, тем более что Ирина перехватила взгляд.

— Капустница? — спросил он хрипло, кивнув на бабочку.

— Не знаю, — ответила Ирина и смахнула с коленки насекомое. — У меня по зоологии всегда был тройк. А у тебя?

— У меня пятерка, — вздохнул Креончик. — У меня по всем предметам были пятерки. Я вообще-то окончил школу с золотой медалью.

— Типа, самый умный? — хмыкнула Ирина.

— Вроде того, — отозвался Креончик.

— Честно сказать, я тоже окончила школу с красным дипломом. А толку?

После этого разговор стал понемногу выстраиваться. Креончик старался не смотреть на грудь девушки, а сосредоточить внимание на пылающем закате. Он рассказал Ирине, как, несмотря на золотую медаль, дважды провалился на приемных экзаменах в Политехнический университет, и теперь он решил больше никуда не поступать. Знаний у него хватает, а ради диплома корячиться пять лет не стоит.

Ирина рассказала, что ее детство прошло в Ташкенте. Там было очень хорошо. Но потом, когда начались все эти национальные дела, им пришлось бежать в Россию. Семья приехала в Ульяновскую область и поселилась в поселке Налейка. Колхоз им выделил старый дом без крыши, больше похожий на сарай. Все бы ничего. Дом, в конце концов, можно было отремонтировать. У них кое-какие сбережения были. Но отец в очередной раз загулял, закрутив на новом месте роман с одной дояркой.

— Что значит, в очередной раз? — удивился Креончик.

— Ну, — запнулась Ирина, метнув быстрый взгляд в собеседника. — Понимаешь, мой папка, царство ему небесное, был не промах. У него в Ташкенте была любовница. И не одна. Нет, одна была главная, а три других — второстепенные. Собственно говоря, мать настояла на переезде в Россию отчасти из-за любовниц отца. Думала, на новом месте он одумается и перестанет гулять. А он — нет, не одумался.

— Тяжелый случай, — улыбнулся Креончик.

— А смешного ничего нет, — нахмурилась Ирина. — Терпение мамы закончилось, и она его выгнала из дома и подала на алименты. Папка перебрался сюда, в Кузоватово, и устроился помощником мастера на автомат витаминной муки. Ему дали здесь жилье.

— А вы потом из Налейка переехали к нему, что ли? — поинтересовался Креончик.

— Нет, не к нему! После его страшной смерти нам в качестве компенсации выделили в Кузоватово дом, который был немного получше, чем в Налейка... — Ирина умолкла, в ее глазах появились слезы. — Будь он проклят, этот Федька дурачок. Ему место в больнице, а он жил среди нормальных людей.

Креончик насупился, не зная, чем успокоить Ирину. По-хорошему, ему бы следовало сочувственно обнять девушку, но она бы могла подумать, что это начало домогательства с низменными целями. В такой момент — это кощунство.

— Конечно, смерть от расчленения мало приятная штука, — сочувственно пробормотал Креончик и сообразил, что сморозил глупость.

Очень сомнительно, что вообще существует категория приятных смертей. «О да... Что называется, ляпнул», — подумал Креончик и покосился на девушку. Но она не поняла издевательской подоплеки выраженного сочувствия. Через минуту Ирина даже улыбнулась бабочке, которая снова села ей на колено.

— Что это она меня облюбовала? — произнесла Ирина, сгоняя ладонью бабочку. — С цветком перепутала что ли?

— Тебя можно перепутать с цветком, — неожиданно вырвалось из Креончика, и он сам удивился сказанному, поскольку никакой склонности к отшиванию комплиментов за собой не замечал.

Ирина подняла глаза к небу и зарделась. Креончик смутился. Воцарилась неопределенная пауза. Глядя на закат, Ирина задумчиво произнесла:

— Сейчас, наверное, уже часов девять. Мамка на вечернюю дойку пошла... Мне бы тоже надо.

Креончик с готовностью поднялся со скамьи.

— Я провожу.

Девушка нехотя встала, и пара, не спеша, направилась в сторону фермы. Тропинка была узкой, Креончик следовал за Ириной и все больше превращался в валенка от созерцания ее волнующей фигуры. Округлости ниже талии не могли не будоражить воображение, тем более на закате. На развилке Ирина внезапно обернулась и, перехватив вожделенный взгляд кавалера, сказала, что ей нужно забежать домой за белым халатом.

— Если хочешь, зайдем вместе, — добавила она, отведя глаза. — Посмотришь, как мы живем.

Когда Креончик перешагнул порог ее избы, в груди сладко екнуло. В доме никого не было. В нем царил полумрак от закрытых ставней и разливалась приятная прохлада. В большой комнате стоял огромный диван, с круглыми откидными валиками, у окна дубовый стол с четырьмя крепким табуретками, вдоль стены шифоньер и громадный старинный буфет. Между ними ви-

сели фотографии. Креончик приблизился к ним. Ирина указала пальцем на одну из них:

— Вот это наш дом в Ташкенте. Видишь, весь обвитый виноградом. Правда, красиво? А вот это я во втором классе. А это мой брат. А вот мои папка с мамкой...

Креончик взгляделся в улыбающегося мужчину, стоящего рядом с Ириной мамой. Он был симпатичным, имел приятную внешность: белозубую улыбку, открытый взгляд, веселые глаза, русые вьющиеся волосы. «Такие обычно и бывают донжуанами, — подумал Креончик, — но подобная смерть даже для донжуанов — через чур».

Ирина всхлипнула.

— Правда, красивый был у меня папка?

— Правда! Чистый голливудский артист.

Креончик повернулся к ней, обнял за плечи и крепко прижал к себе. Губы непроизвольно потянулись к ее розовой шее. Дальше, как удар молнией. Словно в тумане Креончик покрывал поцелуями ее шею и лицо, и при этом все крепче прижимая к себе. Когда они переместились на диван, Креончик уже дал полную волю рукам по тем самым прелестям, которые вожделили глаза. Когда дрожащими руками он расстегнул застежку бюстгальтера, Ирина резко вскочила. Ее глаза были мутными, лицо пунцовым, дыхание порывистым.

— Ты чего? — удивился Креончик.

Ирина отдышалась и, стыдливо прикрыв грудь, метнулась к двери.

— Я закроюсь на крючок, — прошептала она.

6

Берестов явился в школу ровно в полночь. Он был взъерошенным, как петух, однако выглядел как-то не по-петушину растерянно. После того, как они с Таней, наконец, вышли из леса, девушка заторопилась домой. У самой калитки юноша сделал попытку обнять возлюбленную, но она почему-то его оттолкнула.

— Как ты можешь после этого? — возмущенно прошептала она и шмыгнула во двор.

Впрочем, перед тем, как исчезнуть за забором, она обернулась и лукаво сделала ручкой. Берестов отправился в школу в полном недоумении. Что она имела ввиду? Это после какого такого? После провала в землянку что ли?

Пацаны еще не спали. Они сидели за столом и резались в карты. С ними также играли в подкидного Розка с Анюткой. Шурик-Австралия с тоскливым видом лежал на кровати и поминутно вздыхал. Когда в окно свирепо накуренной комнаты влез Берестов, компания оживилась. Даже Шурик оторвал взгляд от потолка и с интересом уставился на припозднившегося товарища.

— Ты от Танечки? — лукаво спросила Анютка.

Леня с досадой махнул рукой и жадно вцепился в стоящую на столе трехлитровую банку с молоком. Выпив четверть, он утер губы и тяжело вздохнул. Друзья не сводили с него глаз.

— Ну, рассказывай! — нетерпеливо потребовала Розка. — Удачно прошло. Или, что называется, полный провал?

О, как она была права! Потому что именно неожиданный провал в землянку и испортил все дело. Леня не стал отвечать. Он демонстративно отвернулся от компании и прямо в обуви залег на кровать. Малахаев с укором покачал головой:

— Судя по всему, она ему дала... — он осмотрел всех многозначительным взглядом, — от ворот поворот.

— Это правда? — плаксиво шмыгнула носом Анюта.

Леня демонстративно отвернулся к стене и буркнул:

— Отстаньте!

— Все ясно. Классически отшила! — сделал заключение Толик.

— Позор! — воскликнул Креончик.

— Позор все нам, шефам! — поддержал Малахаев. — При Сталине за такое снимали с руководящих должностей!

— Лишали орденов и отсылали к оленям в тундру на стажировку! — дополнил Толик.

— Эх, Леня, Леня, кто тебя усеял дохлыми лещами! — укоризненно продекламировала Розка.

Берестов не выдержал. Он дернулся, вскочил с кровати и в порыве выкрикнул:

— Да что вы ко мне привязались? Я джентльмен! А джентльмены должны скрывать свои амурные похождения.

Компания переглянулась. Воцарилось молчание. Сидящие за столом нахмурились. Один Шурик-Австралия на кровати расплылся в дурашливой улыбке. Креончик отложил карты и участливо заглянул другу в глаза:

— Как джентльмен джентльмену скажи, ты опять ее повел в дом Федьки дурачка?

— Я что, дурачек что ли? Я в лес ее повел...

На этих словах все остальные побросали карты и замерли, впившись в беднягу, словно осы.

— Ну-ну, продолжай, — ласково подбодрил Креончик, как психотерапевт, беседующий с больным. — Итак, вы пришли с ней в лес, и она вдруг забила копытом...

— Да ничего она не забила, — раздраженно перебил Леня. — Все было на мази! Я просто провалился в блиндаж?

— Куда? В блиндаж? — вытаращил глаза Креончик.

Он обвел присутствующих сумасшедшим взглядом и все грохнуло от смеха. На этом может быть все и закончилось. Компания сочла бы ответ Берестова верхом остроумия, однако Леня начал вдаваться в подробности, которых, впрочем, никто уже не требовал.

— Чего вы ржете, как олухи! Я серьезно!

Это вызвало новую волну хохота.

— Я уже почти ее обнял, и тут почувствовал, что проваливаюсь под землю. Сначала я подумал, что проваливаюсь в берлогу, а потом, оказалась, что в блиндаж...

Компания дружно ударилась лбами о стол, а Шурик-Австралия слетел с кровати, держась за живот. Его падения вызвало очередной взрыв. На этом

бы парню остановиться, так нет — его понесло дальше, как Остапа. Точнее, как остолопа.

— Идиоты! — закричал он в исступлении. — Не верите, спросите, у Пашки.

Компания умолкла и замерла в ожидание чего-то еще более невероятного. Глаза у всех блестели.

— Так с вами был еще Пашка? — изумился Креончик, из всех сил сохраняя серьезность. — Теперь понимаю, почему произошел провал...

— В блин... даж... — выдавила из себя Розка и, стукнувшись «бестолковкой» об стол, начала дергаться, как рыба, выброшенная на берег.

Берестов замахал руками, изумляясь изуверской тупости товарищей.

— Да не с нами был Пашка! Как вы не поймете? Он был с Луизой. Мы застали их на поляне...

— Застали, или застукали? — сощурилась Анютка.

И новый взрыв хохота огласил левое крыло. На смех, будто мухи на дихлофос, прибежали девчонки из правого крыла. Розка вкратце рассказала, как Леня с Таней в лесу, после позорного провала в блиндаж, наткнулись на лежащих на поляне Луизу с Пашкой.

— Я не говорил, лежащих не поляне, — попытался перекричать Леня, но его уже не слышали.

— Ура! Значит она больше не старая дева! — с визгом запрыгали девчонки. — Клево!

— Девочки, как вам не стыдно? — возразила Светлана. — Какая же она старая. Ей всего двадцать восемь!

— Не правда! Все тридцать два! — взвизгнула Розка.

— Ну хорошо, пусть отныне будет полустарой девой, — согласился Малахаев.

— Грубо! — возразило Светлана. — Тем более что в ее невинности уже есть сомнения.

— Черт с ней! Пусть будет полудевой! — вставил слово Креончик. — Старая полудева! Звучит?

Новый хохот сотряс пустые этажи школы. Отсмеявшись, начали опять смаковать Берестовский провал в блиндаж. Причем, интерпретация изменилась, и она обрастала все новыми подробностями, но уже без участия главного героя.

Провал в блиндаж сочли за метафору.

— Леня спросил ее: «Дашь»? — рассказывала Розка. — А она: «Блин!» И дальше провал!

О, мама мия! Если стихи действительно произрастают из мусора, как уверяла Ахматова, то устойчивые фразеологии вообще рождаются на помойках. На заводе «Искра» до сегодняшнего дня бытует выражение «провалиться в блиндаж». Это означает, что девушка жестко отшила парня.

Но это много позже, а в тот вечер Берестов решил, наконец, отмолчаться. Он снова залег на кровать, отвернулся к стене и закрылся подушкой. Однако вскоре все утихло. Из правого крыла пришла весть, что вернулась Луиза — немного помятая, немного взъерошенная, однако разрумяная, как сукина дочь!

— Ой, пойду посмотрю, — взвизгнула Анюта и выскочила в коридор.

За ней побежали все остальные девчонки. Креончик тронул Берестова за плечо.

— Здорово ты придумал про блиндаж.

— Да пошел ты! — огрызнулся Берестов.

7

К обеду следующего дня колхозный автобус привез с вокзала мужиков. Третий из них высадил на площади около столовой, остальных повез в Коромысловку. В это время шефы нестройной толпой направлялись на обед. Мужики выглядели не лучшим образом — злые, угрюмые, неразговорчивые. Впрочем, девчонок оглядели с интересом. На их «здрасьте» не ответили. Опустили глаза в землю. На пацанов взглянули зло. А при виде Берестова, который шел последним, глаза Федьки Сапожникова налились бешенством. Он неожиданно преградил дорогу Лене и обеими руками схватил за грудки:

— Это ты что ли сочинитель стихов? — злобно прохрипел Федька.

— Не понял! В чем дело? — возмутился Берестов, неловко барахтаясь в его громадных ручищах.

— Ах, ты еще не понял? — расвирипел Сапожников, приблизив свою бардовую физиономию к бледному лицу шефа. — Я вас, писак, давил и буду давить.

На крыльцо Правление вышел председатель.

— Федька! — сурово крикнул он. — Парень-то в чем виноват?

Сапожников, немного подумав, отпустил Берестова, но угрожающе прохрипел ему в ухо.

— Ничего, мы с тобой еще встретимся...

Через пару минут мужики исчезли с площади. Девчонки обступили председателя.

— Эльдар Александрович, когда нас отправят обратно на завод?

— Вы разве не знаете когда? — удивился председатель. — Вас сюда прислали на месяц.

— Нас прислали вместо колхозников, которых предполагали отправить на учебу в Америку. Но они же вернулись.

Эльдар Александрович сокрушенно развел руками.

— После такого потрясения им полгода придется входить в норму. Раньше, чем через два месяца они не оклемаются...

Настроение Берестова было отравлено. Вспомнился прошлогодний фингал, который ему засветили местные архаровцы. Засветили так, от скуки. Та-ня было поводом. Теперь намечается еще один повод, за который могут изувечить. И почему народ так ненавидит поэтов?

Подошел Креончик и положил на плечо руку.

— Не дрейфь, Леня, отобьемся, — подмигнул он.

Остальные пацаны тоже подошли и сказали, что не дадут его на растерзание местным жлобам. Это было приятно. Настроение Берестова снова поднялось, тем более что товарищи выразили желание отправиться с ним в коровник, чтобы не оставлять одного.

После обеда пришел Пашка и совсем успокоил. Сказал, что мужиков шефы не увидят месяц. Они все запьют, чтобы забыть обиду. Мужики ежедневно с самого утра будут до беспамятства заливать зенки.

— А с залитыми зенками они не опаснее стрекозлов, — уверил Пашка. — Так что, мужшины, вам опасаться нечего,

— Да мы и не опасаемся! — ответил за всех Малахаев.

Еще не один рабочий день не проходил для Берестова так весело, как этот, после обеда. Девчонок снова повезли на морковное поле, а ребята отправились в коровник. Поначалу все пятеро взяли за лопаты, но через пару минут лопата произвольно выпала из рук Малахаева. В это время он находился на самом верху навозной кучи. Он застыл наподобие статуи, уставившись в пространство, и несколько минут не откликался на собственное имя.

— Отстаньте от него, его озарило! — иронично произнес Толик. — Сейчас мы будем свидетелями того, как рифмы быстрые свободно потекут.

Однако прошла минута, другая, третья. А рифмы быстрые свободно не потекли. Малахаев тяжело вздохнул и произнес:

— Нет! Навоз меня не вдохновляет.

Он спустился с навозной кучи, достал блокнот с ручкой и сел на тракторную покрывку у входа.

— А меня, думаете, вдохновляет? — возмутился Толик, и тоже бросил лопату. Он расчехлил гитару и сел на ту же покрывку, что и Малахаев.

Следом, по закону жанра, лопату должен был бросить Шурик-Австралия, но он, продолжал проворно орудовать инструментом, заняв место наверху вместо Малахаева. Креончик искоса посматривал на Малахаева и прилагал усилия, чтобы не расхохотаться. Тот, театрально закатив глаза, с ручкой и блокнотом в руках что-то выразительно вымучивал. Глядя на Креончика начал давить улыбку и Берестов, а за ним и Шурик-Австралия. Толик в это время перебирал струны на гитаре.

— А скажи-ка, Леня, — демонстративно спросил Креончик, — когда ты писал свое гениальное стихотворение «Тяжело в деревне без нагана» тебе мешал запах навоза?

— Наоборот помогал! — в тон ему ответил Берестов, включившись в игру. — Известно, что запах навоза повышает творческую активность. Особенно, когда стоишь на самом верху навозной кучи. Отсюда и греческое выражение: возвыситься над навозом, что означает — разродится стихами.

Малахаев удивленно поднял голову.

— Вы это серьезно? У греков действительно есть такое выражение?

— Не сомневайся! — с умным видом ответил Креончик. — Так написано у Плутарха в первом томе, страница сто двадцать четвертая.

Все заулыбались, даже перебирающий струны Толик. Малахаев задумался. После чего он начал осторожно принохиваться. Украдкой наблюдавшие за ним ребята повернулись спиной, чтобы солнце заводской поэзии не заметило улыбок. Однако поэта насторожила судорожно дернувшаяся спина Шурика. Сначала он подозрительно сощурился, затем, немного подумав, напустил на себя задумчивый вид.

— Да, я помню такое у Плутарха, — произнес Малахаев без тени иронии. — Но на сто двадцать четвертой странице говорится о плебейской поэзии. Возвышенная поэзия рождается на лоне девственной природы среди девственных златокудрых нимф и сереброголосых соловьев. Страница сто тридцать шестая.

Малахаев с серьезным видом уткнулся в блокнот. Ребята на навозной куче переглянулись. Толик удивленно поднял голову.

— Я начинаю чувствовать себя отщепенцем. Среди вас только я один не читал Плутарха.

— Расслабься! Мы тоже не читали, — засмеялся Берестов.

И все начали хохотать. В это время в коровник вбежала Розка.

— Вот вы, где? На конюшне! А мне сказали, что в коровнике.

— Это коровник. Почему ты решила, что конюшня? — повелся Толик.

— Потому что ржете, как лошади, — ответила Розка и сама заржала как необъезженная кобылица.

Розка сообщила, что сегодня рабочий день заканчивается на два часа раньше, потому что из области приехал следователь. Он расследует авантюру столичного журналиста и хочет допросить заводских шефов.

— А мы-то здесь причем? — удивился Малахаев. — Потерпевших надо допрашивать.

— Это невозможно. Они уже все в умат.

Розка убежала. Ребята побросали лопаты и решили отправиться в сторону леса, на лоно девственной природы, где щелкают сереброголосые соловьи, но наблюдается дефицит с девственными нимфами.

— А то здесь не совсем поэтические ароматы, — сморщил нос Малахаев.

— Не правда, — возразил Креончик. — Ароматы весьма эксклюзивные. Думаю, на мировом рынке они пользовались бы бешеным спросом. В Париже, кстати, парфюмерный хит сезона — пот арабского жеребца. Французок это возбуждает.

— А как бы возбуждали советские духи «Утро на ферме», — мечтательно поддержал Берестов.

— Или «Портянка солдата», — добавил Шурик.

Ребята залегли в траву около леса и уставились на облака. Сначала молчали, очарованные синевой неба. Потом молчали, очарованные щебетом птиц и стрекотом насекомых. Потом молчали, прислушиваясь к дуновению ветра, шевелившему траву. Потом, как это бывает, очарование непременно кто-то испортит своей праздно трепотней, которую называют философией.

— М-да, — произнес Креончик. — Жить, как говорил Плутарх, хорошо.

— Ты все-таки настаиваешь на том, что читал Плутарха, — укоризненно произнес Толик, не отрываясь от неба.

— Неоднократно, — не моргнув, соврал Креончик.

— Тогда скажи, почему на бутылках из-под водки стали пробки делать без язычков.

Креончик демонстративно зевнул и ничего не ответил. Толик понял, что шутка не удалась.

— Ну хорошо, — не унимался он, — тогда скажи, э-ээ... вот вес брутто имеет какое-нибудь отношение к Бруту, который организовал заговор против Цезаря?

— Прямое! — невозмутимо ответил Креончик, несмотря на то, что компания издала смешок.

— А именно, — напирал Толик.

— Согласно Плутарху, в древнем Риме очень ценился китайский шелк, потому что только шелковая туника спасала от нательных насекомых, — начал рассказывать Креончика без какого-либо намека на юмор. — Однажды во время заседания сената Юлия Цезаря так одолела чесотка, что он приказал позвать сына своей любовницы по имени Брут. И сказал он Бруту: «Слушай Брут, немедленно отправляйся в Китай и привези шелка столько, сколько сможешь. Вцепись в него руками, ногами, зубами, но чтобы ни клочка не досталось разбойникам». Через некоторое время потомку Венеры доложили, что из Китая с шелком возвратился Брут. «Сколько он привез? — спросил Цезарь. «Нето пятьсот тысяч унций, нето шестьсот», — ответил легат. «Почему такая неточность? Вы что, не нашли весов?» — удивился Цезарь. «Нашли, Цезарь! — ответил легат. — Просто Брут так вцепился в тюк, что оторвать его не удалось. Пришлось взвешивать вместе с ним...» Вот с тех пор, пацаны, вес с тарой называют «брутто», а без тары — «нетто».

8

Процедура допроса заводских шефов молодым следователем Ренатом Шерафутдиновым заняла не более получаса. Он им всем задал по единственному вопросу: «Не встречался ли им здесь кто-нибудь посторонний». Все пожимали плечами и отрицательно качали головами. Не только посторонних, но и большую часть самих жителей деревни заводчане не знали в лицо. Следователь прекрасно это понимал, но что делать — такова формальность.

Еще менее следователь надеялся на то, что незнакомца узнают по фотороботу. Во-первых, правоохранитель не был уверен в достоверности самого портрета. Он был составлен со слов пострадавших в Пензе, и тот ли это че-

ловек, обработавший кузоватовских мужиков, или другой, большой вопрос. Во-вторых, при составлении фоторобота мошенника со слов пензенских пострадавших наблюдались серьезные разногласия. Пострадавшие спорили по поводу цвета глаз, формы носа, губ, цвета волос. У них не было единодушного мнения даже по поводу возраста и роста мошенника. Не один не смог четко описать лица незнакомца. Практически все говорили одно и то же: как начинают вспоминать черты лица афериста — перед глазами только мутное пятно.

Когда Шерафутдинов без всякой надежды показал фоторобот Креончику, тот засмеялся:

— Видел! Видел его.

— Где? — встрепенулся следователь.

— Сейчас скажу... э-э-э... черт! Где же?

Креончик закатил глаза и застыл, как египетская мумия. Следователь приуныл. Такое уже было неоднократно.

— Вспомнил! — радостно воскликнул Креончик. — В прошлом году мы проводили рейд совместно с милицией. Нам раздали по такому фотороботу. Это мошенник, который в пензенском универмаге собрал с людей деньги на дефицитные товары, пошел на склад и больше не вернулся.

Следователь уныло кивнул и сказал, что вопросов больше не имеет. Однако парнишка не спешил уходить. Он снова закатил глаза и по-сократовски сморщил лоб.

— Но мне кажется, я видел похожую физиономию еще где-то...

Следователь затаил дыхание.

— Где? Здесь, или в городе?

— Да в том-то и дело, что не помню, — тяжело вздохнул заводчанин. — А что, Ренат Абдурахманович, мужиков обул пензенский мошенник?

— Еще неизвестно! — неопределенно ответил следователь.

— Но мужики-то по фотороботу его узнают? — любопытствовал Креончик.

Шерафутдинов махнул рукой и начал собирать со стола листы, показав,

что разговор окончен.

— Всех что ли я ваших опросил? — поинтересовался он озабоченно.

— Всех, кроме Светланы. Она еще не пришла из Правления, — ответил Креончик. — Ну, так что мужики? Узнают, или нет?

— Да чего они могут узнавать! — вышел из себя Шерафутдинов. — Не один лыка не вяжет — ни ваши, ни коромысловские.

Следователь понимал, что совершил ошибку, приехав сюда под вечер. Следовало брать их за глотки еще на Ульяновском вокзале, когда они еще были как стеклышки. Когда теперь мужики выйдут из запоя, одному Богу известно. И не факт, что после этого они вообще что-нибудь вспомнят.

Совершенно не в духе Шарафутдинов сложил бумаги в портфель и поднялся с места.

— Так с кем еще я не поговорил? — переспросил он.

— Со Светланой, — повторил Креончик. — Она в Правлении колхоза. А Правление находится на площади, напротив столовой. Показать?

— Не надо, — отмахнулся следователь и пошел на выход.

Когда Шерафутдинов сел в машину, на него накатила зевота. Он решил не заезжать в Правление, а сразу податься в Ульяновск. «Если никто ничего путного не сказал, то и Светлана не скажет», — подумал правоохранитель и дал по газам.

Кажется, дело пахло висяком. Самое обидное, что преступника видело невероятное количество свидетелей. И хоть бы один сказал что-нибудь путное. Расхождение буквально во всем. Дежурный милиционер в Сельскохозяйственном управлении вообще не помнит, что утром 24 июля в здание кто-то входил. Секретарша в приемной главы уверяет, что к начальству зашел какой-то высокий стройный брюнет, лет двадцати пяти в сером костюме. Хотя может быть не в сером, а в бежевом. Сам глава уверяет, что молодой человек был в джинсовом костюме, и ему было лет тридцать пять. Он имел интеллигентный вид: круглые иностранные очки в серебряной оправе, под очками умные глаза, кажется, серого цвета. Также у него были светлые волосы, высокий лоб, с боков глубокие залысины. Губы у него были тонкие,

подбородок острый. Из рук он не выпускал кожаного портфеля.

Водитель рассказал, что очков у корреспондента не было. Портфеля — тоже. Была какая-то тряпичная сумка через плечо. Мужик был мордастый, коренастый, угрюмый, неприветливый. Никакой столичной интеллигентности в нем не наблюдалось. Если бы, как уверял водила, ему сказали, что это Ульяновский тракторист, он бы поверил.

Председатель Коромысловки рассказал, что столичный корреспондент имел располагающую наружность. Он был приветливым, обаятельным, с живыми карими глазами. Журналист был приблизительно среднего роста, на вид лет сорок, немного лысоват. Во что одет — совершенно не заострилось. Сумки не было. На руке, кажется, болталась коричневая борсетка. Очков не было точно.

Что касается доярки, посаженной к нему, то она совершенно не запомнила его лица. Запомнила только руки. Они были шаловливые. Это единственная подробность, которую Шерафутдинов добился от доярки. «Ну и как после этого составлять портрет?» — недоумевал следователь.

Правда мошенника видели еще шестьдесят человек колхозников. Но к приезду следователя не один уже не вязал лыка. Все надежды на детальное описание преступника следователь возлагал на парторга Коромысловки, который почти двое суток общался с ним чуть ли ни тет-а-тет.

Но, увы, и Куроедов сильно путался в показаниях, и не мог даже в общих чертах обрисовать внешность преступника. Он сказал, что корреспондент, кажется, был блондином, а может, и брюнетом. Выглядел молодо, лет на тридцать. Однако на висках у него, вроде, проступала седина. А может, и не проступала. Цвет глаз у него больше напоминал болотный цвет, нежели карий. Хотя, может быть, и не болотный, а серый. Остальное парторг не помнил. Как начинал представлять лицо корреспондента — перед глазами сплошное коричневое пятно.

— Если коричневое, значит, он был смуглым, — попытался помочь ему Шерафутдинов.

— Нет! Он точно не был смуглым, — покачал головой Куроедов. — Он

был, как все мы, ничем не примечательный.

— То есть, волжанин? — напирал следователь.

— Нет, точно не волжанин, — затряс головой Семен Петрович. — Волжанина сразу выдает говор. А у него, скорее, московский выговор. Но вот что удивительно! — вспомнил Куроедов. — Он ест только наш Ульяновский хлеб каравай, который из кормовой муки. И мне он говорил, что никак не может привыкнуть к московскому хлебу. Вы ведь знаете, тот, кто вырос на ульяновском хлебе, уже не может потреблять хлеб из других регионов.

— То есть вы хотите сказать, что московский журналист — наш земляк, — насторожился следователь.

— Нет! — поморщился Семен Петрович. — Не показался он мне нашим земляком. Говор не тот.

Информация была ценной. Она совпадала с предположением Шерафутдинова, что махинатор родом из средневолжской полосы.

Первое мошенничество подобного рода произошло в ноябре 1985 года в Чебоксарах. Неизвестный собрал деньги с работников ликеро-водочного завода на поездку в Египет и скрылся. Каким образом он попал на завод — неизвестно. Он ходил со списком по цехам, безошибочно находя передовиков производства, представлялся инструктором обкома и заявлял, что работника за хорошую работу обком награждает двадцатичетырехдневной поездкой в Александрию. Поездка за счет государства. Нужно только сдать деньги на железнодорожный билет до Москвы.

Деньги на первый взгляд небольшие. Но инструктор из обкома таким образом обработал более двух тысяч человек, включая заводскую дирекцию. В результате, за час с небольшим он прибрал к рукам более трех тысяч рублей.

Три месяца спустя аналогичное мошенничество произошло в Назране. Неизвестный от лица парткома Мордовской республики собрал с сотни передовиков работников мясокомбината по сто пятьдесят рублей на импортные товары со склада. В результате заработал пятнадцать тысяч рублей.

Через полгода жертвой мошенника стал целый автопром в Набережных Челнах. Более пяти тысяч работников сдали по десять рублей на беспроект-

рышную лотерею, которую, якобы, проводил ЦК комсомола среди передовиков производства. В результате, неизвестный скрылся с тридцатью тысячами.

Не один из этих случаев не просочился в печать. Следствие велось под грифом «секретно». Следующее мошенничество в Пензенском универмаге стало достоянием гласности. О нем сообщили в местных теленовостях. В Пензенский универмаг для «отоваривания» талонов на белье явилось около тысячи человек. К огромной очереди подошел мужчина, который представился администратором универмага. Он переписал все фамилии, собрал со всех по тридцать рублей и отправился на склад универмага. Но оттуда уже не вернулся.

Шерафутдинов не сомневался, что это дело рук одного и того же человека, несмотря на то, что по описаниям он не совпадал. Однако почерк везде был одинаковый. «Как-то он умеет, не бросаться людям в глаза», — размышлял следователь, хотя и не был уверен, что смертные могут обладать такими способностями.

Также у следователя было подозрение, что мошенник родом из Ульяновска. Ведь все эти мошенничества произошли в соседних областях. Можно сказать, по округности. И вот теперь круг замкнулся.

9

Вечером Леня снова встречался с Танечкой. Честно говоря, у парня на душе было тревожно после последнего расставания. Леня ожидал, что недопонимание продолжится, но Таня, как ни в чем не бывало, выпрыгнула из-за изгороди бесхозных огородов на краю села и козочкой полетела ему навстречу. Леня даже опешил от ее ласковой улыбки и от того, как она, приблизившись, нежно заглянула в глаза.

— Привет! У тебя все нормально? Кол, случайно, не проглотил? — поинтересовалась она.

— Не имею привычки глотать колья, — сострил Берестов. — Я все-таки не деревенский житель.

Таня рассмеялась, взяла Леню за руку, и они отправились в сторону колхозного пруда.

— Ну, так что, — лукаво прищурилась Таня, — ты так и не ответил на вопрос: вспоминал ты обо мне в городе, или нет?

— Как же не ответил? Ответил! — возмутился Леня. — Вспоминал! И довольно часто!

— Что-то не верится, — покачала головой Таня.

— Да провалится мне на этом месте! — стукнул себе в грудь Леня и вдруг испуганно остановился, посмотрев на тропинку под ногами.

Таня рассмеялась. Берестов поднял глаза и спросил:

— А что это был за блиндаж в лесу?

— Понятие не имею, — ответила подруга. — И никто не знает. Даже мама. А она здесь — коренной житель. Точнее, почти коренной. Ее родители из Хохловки.

— Из Хохловки? — обрадовался Леня. — Креончик как раз разыскивает эту деревню. А где она находится?

— Не знаю, — пожала плечами Таня. — Если хочешь, спрошу у мамы.

В колхозном пруду по брюхо в воде стояли коричневые коровы. Они стояли словно статуи, практически не шевелясь. Лишь иногда сонно отмахивались хвостами от мух, и это отличало их от монументальных памятников колхозного соцреализма.

За лесом садилось солнце. Повсюду стрекотали кузнечики. Зачарованная вечерней дремотой пара села на пригорок, неподалеку от пруда. Берестов осторожно положил руку на Танино плечо. Она вздрогнула, однако по обыкновению не отбросила его руки. После некоторого молчания Леня спросил, почему она его оттолкнула вчера вечером, когда он хотел ее обнять.

— Да потому что, вам, парням, нужно от девушек только одного, — сварливо ответила Таня.

Сделалось неловко. Рука Берестова непроизвольно сползла с Таниного плеча. Ему действительно всегда хочется от девушек именно того, на что намекала Таня. Стало стыдно. Но с другой стороны, что еще можно хотеть

от девушек, и что, кроме этого, они могут дать? Ах да! Эстетическую красоту! Но восхищение эстетической красотой — привилегия художников. А он — простой городской парниша, испорченный телевизором.

Если бы Леня изучал экономику, то вероятно бы знал, что он типичный потребитель, со своей узколобой потребительской философией. Но Леня этого не знал, и его потянуло на зевоту. Стало скучно. «Бесполезняк», — мелькнуло в голове, и внутри снова зароились эти проклятые декадентские мысли о смысле жизни.

Таня чутко уловила, что переборщила с бабской сварливостью, и начала невзначай прижиматься к кавалеру. Через пару минут Леня пылал, как вулкан и дрожал, как жеребец. Неожиданно он понял, что не хотеть от девушек этого самого, значит смертельно их ранить. Чего-чего, а этого они не прощают.

Леня принялся непроизвольно покрывать Танино лицо поцелуями и руками расстегивать кофточку. Подруга вяло сопротивлялась. Когда руки шефа полностью овладели тем, что колыхалось у нее под кофточкой, показался пастух. Он был пьян и сильно матерился, периодически рассекая хлыстом воздух. При звуках хлыста и ненормативной лексики, коровы в пруду занервничали и испуганно подались на глубину.

Таня оттолкнула Леню, быстро одернула кофточку и вскочила на ноги.

— Пойдем отсюда, пока он нас не увидел. Иначе сплетней не оберешься.

Пара спустилась на берег и скрылась за ивами. Позже, когда пастух выгнал из воды стадо и погнал его в деревню, Таня с Леной снова вышли на берег. Солнце уже село. Над лесом простиралась красная полоса.

Леня страстно обнял Таню. Там, за кустами, она обнимать не позволяла, потому что трехэтажный мат третьего лица (точнее, пьяной морды) никак не способствовал лирическому настроению. Но тут она словно устала отбиваться. Опустила руки и закрыла глаза. После того, как ее кофточка была снова расстегнута, она как-то очень серьезно посмотрела парню в глаза и прошептала:

— Только не здесь...

Прошло несколько дней. Жизнь в деревне продолжалась, не радуя разнообразием. Каждое утро женскую половину заводчан вывозили на морковное поле. Девчонки до обеда пололи морковь в шахматном порядке, а после обеда начинали тщательно готовиться к клубным танцам. Работа не обременяла. Как правильно полоть морковь шефам так и не показали. Видимо, местные сами не знали, как выглядит морковная ботва. К тому же, они с удивительным равнодушием относились к тому, что творится на поле.

Единственно, что на поле производили аккуратно, — это опрыскивали посе́вы какой-то мерзостью. Пашка сказал, что лить с «кукурузника» стали добросовестнее, потому что на поле появились шефы. Опрыскивание весьма отрицательно сказалось на здоровье Луизы. Она перестала выходить на работу, симулируя аллергию на нитраты.

Толик с Малахаевым тоже симулировали от работы, аргументируя наплывами озарения. Малахаев с утра уходил в лес сочинять стихи, а Толик оставался валяться на кровати в пустой школе с гитарой в обнимку. Однако, не совсем в пустой. В другом крыле в томленьё грусти безнадежной маялась мигренью Луиза. Но маялась не долго. Через полчаса после того, как пустела школа, до Толика доносился голос Пашки с антилатинскими паузами, затем скептические хмыканья Луизы, которые, впрочем, чередовались смешками. Потом звуки в левом крыле подозрительно затихали, и Толик понимал, что аллергия на нитраты у полудевы входит в конвульсионную фазу.

Креончик тоже перестал ходить в коровник. Он одолжил у Ирины велосипед и принялся гонять по окрестным селам в поисках потомков оборотней, чтобы подвести их под «материалистическую подоплеку». Кстати, где находилась деревня Хохловка, никто не знал, даже Танина мама. Она сказала, что после смерти родителей ее в двухлетнем возрасте привезли в Кузоватово, а откуда привезли, она не помнит.

Поначалу Берестов ходил в коровник с Шуриком-Австралией, но потом и Шурик слег. У него начались новые приступы ностальгии по Австралии. Эта ностальгия так его достала, что у него хватало сил только добрести до столо-

вой. Потом, плотно позавтракав, он возвращался в школу и валился на кровать. При этом его вид был таким измученным, что стыдно было обвинять его в симуляции. Шурик, упершись взглядом в потолок, тосковал довольно естественно. Рядом с ним на соседней койке Толик наигрывал на гитаре что-то бесконечно тоскливое. Словом, атмосфера на мужской половине школы была далеко не жизнерадостной.

— Вот-вот! — тяжело вздыхал Шурик, не отрывая взгляд от потолка. — Мы здесь пашем, как собаки. А в Австралии шестичасовой рабочий день и стабильные расценки.

— Там кенгуру, — задумчиво возражал Толик, уныло перебирая струны гитары и пытаясь представить запряженную в плуг собаку.

— Кенгуру у нас! — с горечью пояснял Шурик. — Нормы скачут как козлы! Каждый месяц повышают на тридцать процентов. Это разве дело? А в Австралии работают спокойно, не переживай. А у нас только и делают, что рвут задницы.

Толик не переживал. Он философски насвистывал под свой унылый аккомпанемент и соглашался, что рвать задницы — не самое высокое, на что способно человечество.

— Англичане приезжают в Австралию заработать, — не унимался Шурик. — Начинают зашибать башни. А им местный профсоюз: «Рвите когти и чешите грудь, джентльмены!» Усекаешь? Ставит их в такие условия, что они начинают либо работать, как австралийцы, то есть, не бей лежачего, либо совсем сдергивают с предприятия. Вот это, я понимаю, солидарность!

Толик продолжал грустно насвистывать и не понимать, о какой солидарность в Австралии может идти речь, если там кенгуру? Нет! Бред какой-то несет Шурик. А между тем, Австралия все больше распалялся.

— Скажи! — вскрикивал с кровати Шурик. — За что я так наказан? Почему я на всю жизнь прикован к одному географическому месту и к своему рабочему станку. Почему мне отказано в праве посетить Австралию?

В это мгновение койка Шурика жалобно скрипела и этим как бы подчеркивала его географическое место и рабочий станок одновременно. Однако,

на что, на что, а на это Толик не мог сказать ничего утешительного и продолжал наигрывать на гитаре что-то бесконечно беспросветное. Шурик своей Австралией навел такую тоску, что Толик впервые в жизни пожалел, что не вышел на работу. В коровнике, хоть и брендовые ароматы, однако с Берестовым веселее. От такой тоски, которая исходила от Австралии, можно было удавиться на шестой струне. Но тут в коридоре раздались шаги. Дверь открылась и в комнату вплыла лохматая рыжая голова.

— Ну, вы даете, мужшины, — восхищенно произнес Пашка, кинув взгляд на два трупа на кроватях.

— А чё еще делать? — отозвался труп с гитарой, который, впрочем, больше обрадовался приходу гостя. — Ведь от тоски можно сдохнуть.

— Зачем сдыхать? — слабо возразил Пашка. — На улице весело, солнце светит, птички поют, а здесь темно, мрачно, мухи летают...

— Как будто на улице мухи не летают, — отмахнулся Толик. — Да и нельзя мне на солнце. Моя гитара может рассохнуться.

Толик тяжело вздохнул, потом шаловливо подмигнул Пашке.

— Ты от Луизы?

Пашка отвел глаза и неопределенно кивнул головой. Толика ответ не удовлетворил. Он поднялся на кровати и снизил голос до интимного:

— Ну, как у вас сегодня прошло? Надеюсь, без провала в блиндаж?

Пашка покраснел и еще более неопределенно повел головой. Он пробормотал что-то бестолковое, типа того, что Луиза выздоравливает, и ее здоровье опасения не вызывает. И этим он еще больше раздосадовал Толика.

— Ты тоже, что ли, джентльмен, скрывающий свои амурные похождения? — с досадой воскликнул он. — Боже мой! До чего довела перестройка! Поговорить стало не с кем.

Шурик захихикал. А Пашка начал быстро забалтывать тему.

— Я, мужшины, по делу. Где ваш Илья?

— Креончик с высунутым языком носится на велике по соседним селам, — ответил Шурик. — Ищет обратной из Хохловки.

— Не надо ему больше с высунутым языком носиться по соседним селам,
— ответил Пашка. — Я узнал, где Хохловка. В Майнском районе. Сейчас деревня называется поселок имени Гимова.

— В Майнском? — удивился Толик. — Не фига себе! Туда на велике не доберешься.

— Да и на автобусе полдня пилить будешь, — добавил Шурик.

11

А в это время Берестов энергично уродовал лопатой в коровнике и предавался приятным мыслям о Танечке. «Что за прелесть, эта Танечка, — сладко пело на душе. — Какая она ласковая, нежная, мягкая и в то же время порывистая... А главное — девочка. Точнее, была девочкой».

В тот вечер после того, как пастух угнал с пруда стадо, они с Танечкой, словно пьяные, направились на луг, где стояли травяные стога. Там, в стогу, у них все и произошло. Танечка, как показалось Лене, рассталась с невинностью без особого сожаления. Во всяком случае, не рыдала и не заламывала руки, как обычно бывает, если верить рассказам пацанов. Наоборот, после этого, когда Леня проводил ее до дома, она еще два часа не могла от него отлепиться, и все висела у него на шее и счастливо жмурила глаза. В конце концов, около двух часов ночи они кое-как оторвались друг от друга, и Таня, прежде чем закрыть за собой калитку, горячо прошептала:

— Встретимся завтра, на том же месте.

На каком именно месте, за огородами, на пруду, или сразу в стогу, соблазнитель уточнять не стал из опасения, что расставание может затянуться еще часа на три.

Леня вернулся в школу в третьем часу. Оба крыла издавали здоровый молодежный храп. «Хорошо, что все спят, — подумал он, влезая в окно. — А то бы задолбали своими сальностями».

Несмотря на то, что глаза слипались, Леня, завалившись на кровать, не раздеваясь, еще долго не мог заснуть, переживая случившееся. «Теперь, как честный человек, я должен на ней жениться, — пришла шутливая мысль. —

А что? И женюсь! На зло врагам и Никарагуанским контрабандистам! Нет серьезно. Таня будет хорошей женой. К тому же, она красавица, и характер у нее покладистый...»

Леня заснул на рассвете со счастливой улыбкой на губах. Это улыбка не слетела с него и утром, когда он проснулся и отправился на работу в коровник. Ведь вечером он снова встретится с Таней.

Вечером они встретились с Таней за огородами. И все повторилась, как накануне. И так каждый вечер. Вот и сейчас, стоя на навозной куче и кидая вниз лопату за лопатой, Берестов думал о том, как вечером они посмотрят друг другу в глаза, а затем он положит ладони на ее талию и крепко прижмет девушку к себе...

Сладкие грезы прервал Креончик, который неожиданно въехал в коровник на велосипеде. Он прислонил двухколесного друга к тракторной крышке, поднял валявшуюся под ногами лопату и присоединился к товарищу.

— Как дела? — поинтересовался Леня.

— Хреново! — ответил Креончик. — объездил все окрестные села. Никто не слышал про эту чертову Хохловку. И обратной никто не знает. Словом, облом!

— Этого следовало ожидать, — сочувственно кивнул Леня. — Ведь живем на родине Обломова.

Через некоторое время друзья, вытирая мокрые лбы, вышли наружу и упали в траву.

— Все плохо, — пробормотал Креончик. — Чувствую печаль, тоску и скуку.

— Да брось ты! — возразил Леня. — Еще встретишь своих обратной. Даже если не встретишь. Что на них свет клином сошелся? — подмигнул Леня. — Кстати, как у тебя дела с Ириной?

Креончик сорвал травинку и задумчиво сунул в рот. Выдержав неопределенную паузу, он пробормотал еле слышно:

— Ты знаешь, она хихикает.

— Да ты что? — оживился Берестов. — До этого, или после?

— Во время этого, — вздохнул Креончик.

Берестов поднялся на локте и, серьезно нахмурив брови, сделал вид, что новость его тронула до глубины души. На самом деле, он прилагал усилия, чтобы не рассмеяться.

— Я слышал, что во время этого некоторые женщины ревут белугой, но чтобы хихикали...

Берестов перевернулся лицом в траву, чтобы друг не видел его улыбки.

— Вот и я о том, — поднялся на локте Креончик. — Я поначалу думал, что это счастливые всхлипы, а прислушался — ехидное хихиканье. Как будто ее щекочут. А дело-то, между тем, не щекотливое.

Берестов глубоко вздохнул и произнес скорбным голосом:

— Вот не везет, так не везет — ни в оборотнях, ни в любви!

— Ну почему же, — пошел на попятную Креончик, — Ирина единственное светлое пятно в этом сером колхозе. Вот только хихикает...

Больше Берестов сдерживаться не мог и покатился по траве, захлебываясь от смеха. Сначала Креончик пребывал в недоумении, затем и сам начал смеяться. Отсмеявшись, он спросил:

— А как у тебя с Таней?

— Таня — это святое. Все не упоминать.

— Неужели тоже хихикает?

— За кого ты ее принимаешь? — обиделся Берестов. — Она порядочная девушка. Я собираюсь на ней жениться.

Креончик присвистнул и умолк, упав лицом в траву. После десятиминутного молчания, Берестов произнес:

— Ты думаешь, я пошутил, что собираюсь жениться на Тане?

— Нет, я думаю о другом, — отозвался Креончик. — Меня поражает одно: за что Иринкиному отцу, нормальному, адекватному мужику, была уготована такая страшная смерть, с расчленением.

— А расчленение второго тебя не поражает? — удивился Берестов.

— Со вторым, Григорием Анохиным, как раз все ясно, — махнул рукой Креончик. — Он получил по заслугам. Я разговаривал с его женой. Она рас-

сказала, что ее муж, будучи по образованию гинекологом, делал аборты за деньги. Причем не только в больнице, но и на дому. Именно поэтому, она считает, у них не было детей. А однажды она возвращается домой, а муж своей бормашиной чистит женщину, и стол весь залит кровью, и на нем валяются детские ручки и ножки...

Берестова передернуло.

— Да за это расчленять надо! — воскликнул он.

— Вот его и расчленили, — согласно кивнул Креончик.

— Так расчленили незаконно, — удивился Леня.

— У высшей справедливости другие законы. Не сомневайся, его расчленили именно за аборты. Разумеется, руками Федьки дурачка.

Берестов задумался.

— Ты хочешь сказать, что свершилось Божье наказание? — подозрительно сощурился Леня. — Ха! И это я слышу от тебя, от оголтелого атеиста?

— Да! Я атеист, — согласился Креончик. — И я не верю в Бога. То есть, не верю в того добренького старичка, сидящего в нимбе на облаке, который тычет пальцем в землю: «Вот этого наказать, а этого одарить». Но я верю в высшую справедливость. И верю в то, что за каждое злодеяние следует расплата.

— Ага! Значит ты подсел на индуистскую философию. Пропагандируешь закон кармы. Тогда за что, по-твоему, расчленили отца Ирины? Ведь он аборт не делал, и детей у него двое.

— Вот и я думаю, за что? — покачал головой Креончик.

12

Несмотря на то, что мошенничество с кузоватовскими мужиками не освещалось в прессе, слухи о нем распространились по всей стране. Ровно через семь дней после происшествия, а точнее 31 июля, информация о преступлении легла на стол министра МВД СССР Александра Власова. Точнее сказать, он сам запросил милицейскую сводку за 25 августа, поскольку слухи о наглой аванюре в стенах Министерства сельского хозяйства дошли и до не-

го. Сводку он прочел очень внимательно, после чего поднял глаза на стоящего перед ним генерала.

— Мошенник уже задержан? — спросил министр.

— Насколько мне известно, еще нет, — ответил генерал.

— Почему? — нахмурился Власов. — Столько свидетелей и нет его точных ориентировок? Бред какой-то! Поймать немедленно! Задействовать лучших сыщиков из угрозыска.

— Так точно, Александр Владимирович, — вытянулся по струнке генерал. Министр снова впился в сводку. Перечитал и покачал головой.

— Какая наглость! Этот мошенник имеет отношение к распространению беспроектной лотереи на КАМАЗе?

— Пока неизвестно, — ответил генерал.

— Что же вам ничего неизвестно! — вышел из себя министр. — Кто ведет следствие?

— ГУВД Ульяновской области...

— Да вы опупели! Преступление произошло в Москве, в Министерстве сельского хозяйства. Преступник московский журналист газеты «Известия», а дело ведет какой-то провинциальный следователь.

— Разрешите объяснить, — произнес генерал, открывая папку. — Журналист «Известий» Станислав Сергеев, которым представился преступник, не имеет никакого отношения к мошенничеству. Вот протокол его допроса, — генерал положил перед министром листок бумаги. — В день преступления он находился в редакции на рабочем месте. И внешне он совершенно не похож на мужчину, который представился его именем.

Александр Владимирович углубился в протокол. Ознакомившись с ним, он поднял глаза на генерала.

— Но почему мошенник выбрал именно этого журналиста?

— Пока неизвестно, — тяжело вздохнул генерал.

— Опять неизвестно! — рассвирепел министр. — В этом ведомстве когда-нибудь будут работать?

Побушевав немного, министр дал распоряжение, чтобы районный ОВД Москвы также подключился к расследованию, а Ульяновское ГУВД чтобы пошевелилось, поскольку это дело государственной важности.

В тот же день начальнику ГУВД Ульяновской области была отправлена телеграмма, в которой говорилось, что расследование по мошенничеству в отношении колхозников Кузоватовского района взято под контроль самим министром внутренних дел.

Глава ульяновской милиции пришел в трепет и вызвал к себе следователя Шерафутдинова.

— Как продвигается расследование? — спросил он хмуро.

— Туго, — признался Ренат Абдурахманович. — Мужики не просыхают ни днем, ни ночью. Из-за этого не могу выбить из них показания.

Глаза генерала налились кровью. Он стукнул по столу кулаком и завопил:

— Что за бред! Вы знаете, что ходом расследования интересуется сам министр?

Следователь вздрогнул. Он попытался объяснить, что пьяных свидетелей по внутренней инструкции допрашивать запрещается, к тому же преступник какой-то особенный, — с весьма незапоминающейся внешностью, которую и трезвые-то не могут описать. Возможно, он обладает сильным гипнозом. Но генерал аргументов не принял.

— Немедленно отправляйтесь в Кузовотово, — прохрипел он, — и чтобы к завтрашнему утру вы располагали точными ориентировками авантюриста...

В полном унынии Шерафутдинов сел в служебную «Волгу» и рванул по разухабистым Ульяновским дорогам на юго-запад области. Было обидно. Намек начальника, что он ни черта не расследует, а только в носу ковыряет, не имел под собой почвы.

Это мошенничество не выходило у следователя из головы ни днем, ни ночью. Зацепок действительно мало. Но это не значит, что их нет совсем. Шерафутдинов съездил в Москву, допросил охранника министерства Сельского хозяйства, который, впрочем, ничего не вспомнил. Однако в Министерстве

есть еще черный выход, через двор. Сидящий на другом выходе здания охранник вспомнил, как мимо него прошел какой-то мужчина с кожаной черной сумкой на плече. Когда страж потребовал пропуск, мужчина ощупал свои карманы и сказал, что пропуск оставил на столе у заместителя министра.

— Тогда я тебя не выпущу из здания, — преградил дорогу охранник.

— Я только на минуту — добегу до машины и обратно! — взмолился мужчина. — Просто заместитель министра улетает сейчас в Аргентину, и я должен срочно передать ему пакет с деньгами.

Мужчина раскрыл целлофановый пакет и охранник ахнул. В нем небрежной кучей лежало тысяч пятьдесят, не меньше...

— Как выглядел этот мужчина, — взволнованно перебил Шерафутдинов.

Охранник пожал плечами и задумался. По тому, как старательно морщил лоб министерский страж, следователь понял, что тот тип с деньгами и был неуловимым волжским мошенником. К тому же, по времени совпадало. Было около одиннадцати часов.

— Черт его знает, обыкновенно выглядел, — пожал плечами охранник. — Среднего роста, одет во что-то серое. Особых примет не заметил.

Больше никаких подробностей из охранника здания выбить не удалось. При виде фоторобота пензенского мошенника, он отрицательно покачал головой.

— Нет, этот какой-то мрачный, а тот был приятного вида.

— Он вернулся потом через минуту, как обещал, — спросил следователь.

— Нет! Как в воду канул...

Шерафутдинов осмотрел двор министерства. Машины выезжали через железные ворота. Дежуривший на посту милиционер заявил, что в тот день он никому из пеших ворот не открывал. Только министерским машинам.

Сначала Шерафутдинов подумал, что мошенник уехал с кем-то из сотрудников министерства. Это означало, что у него были соучастники в самом ведомстве. Но позже выяснилось, что с десяти до двух часов дня из гаража Министерства не выезжала ни одна машина.

В два часа выехал заместитель министра СССР Александр Будько. Следователь поговорил с ним. Никого он не вывозил. И это скорее всего правда. Не потому что заместители министров в советской стране — образец честности и неподкупности, а потому, что оставаться во дворе незамеченным более трех часов невозможно. Тут уже одно из двух: либо мошенник прокрался в гараж и спрятался в багажник машины, либо он сунул стоявшему на посту милиционеру хорошую ассигнацию. Вторая версия более реальная, поскольку милиционер, почти не раздумывая, стал категорически настаивать на том, что в тот день он с территории никого из посторонних не выпускал. Первая версия, к тому же, имела недостатки: нужно было заранее знать, какая машина выезжает из министерства, а преступник, скорее всего, был одиночкой и не имел соучастников.

«А вдруг все-таки имел? — усомнился следователь. — В ранге замминистра! Почему бы нет? Деньги он рубил хорошие. Министры столько не получают».

Еще два года назад только одно такое предположение (да что предположение, сама мысль) считалась кощунственной. Но сейчас в разгар перестройки, когда все перестраиваются, в том числе и министры, все могло случиться. Потому что никто не знал, как и в каком направлении нужно перестраиваться. Поэтому каждый перестраивался так, как считал нужным.

Машина неслась в сторону Кузоватова. Следователь был угрюм. Он понимал, что эта поездка совершенно бессмысленная. Пострадавшие не вяжут лыка, а те, кто вяжут, не в состоянии что-либо вспомнить. Каким-то чутьем Шерафутдинов чувствовал, что в расследовании нужно развивать другое направление. Нужно завершать с опросом свидетелей и начать вникать, почему преступник представился журналистом «Известий» Станиславом Сергеевым. С «Известиями» — понятно. Провинциальное начальство всегда благоговело перед корреспондентами центральных газет. Но почему именно Станиславом Сергеевым?

Шерафутдинов поднял все подшивки с публикациями этого журналиста. Выяснилось, что Сергеев первый в стране написал о полете Юрия Гагарина в космос.

«Может, мошенник каким-то образом связан с космосом? — задумался следователь. — Но если он Ульяновский житель, то это вряд ли. В Ульяновске нет космических предприятий».

— Тут башку можно сломать, — пробормотал себе под нос Шерафутдинов и пересек границу Кузоватовского района.

13

С каждым днем Леня чувствовал все большую потребность в Танечке. Едва расставшись с ней, он уже через пять минут начинал скучать. Каждое утро, просыпаясь с дурашливой улыбкой, он думал только об одном: поскорей бы прошел этот день, чтобы вечером снова ее увидеть. Это было какое-то наваждение. За целый день работы в коровнике, Танечка ни на минуту не выходила из мыслей. Несмотря на то, что Леня сильно уставал за день, это ни в коей мере не сказывалось на его встречах с возлюбленной. Сразу после ужина он мчался с замершим сердцем на задворки огородов под старый дуб с громадными корнями, где его уже ждала прекрасная девушка с черной косой.

Поначалу они стабильно расставались в два часа ночи. Но потом времени стало не хватать. Они начали гулять до первых петухов. То ли Леня подал дурной пример, то ли это результат сексуальной революции, которую породила перестройка, но до первых петухов постепенно начали гулять все. Неожиданно у девчонок из правого крыла стало проявляться в характере что-то кошачье, хотя был не март месяц. После обеда ни одна из них уже не выходила на морковное поле. Девчонки возвращались из столовой в школу и сразу начинали краситься, гладиться и греть кипятильниками воду для мытья головы. Накрашенные, отглаженные и расфуфыренные они шли на ужин, после чего направлялись в клуб. Там начинались вакханальные средневожские пляски с визгом, хохотом и раскачиванием громадной люстры на по-

толке. Клуб брали в кольцо местные парни, и не только кузоватовские, но и коромысловские, которые ближе к ночи приезжали на ревущих мотоциклах.

Когда уже совсем темнело, девчонки разбредались с местными парнями, и к школе невозможно было подойти, не наткнувшись на целующуюся пару. Из темноты доносились то вздохи, то ахи, то откровенное хихиканье. И почему-то отовсюду, со всех четырех сторон раздавался вредный голос Розки Матюниной:

— Ты, в натуре! У тебя губы есть? Чё как придурок...

Короче говоря, шефов ни с того, ни с сего начала окутывать приторная лямурная пелена, которая поднималась не иначе, как из преисподних.

Однажды на закате, в час предлямурного заката, из Правления колхоза прибежала заплаканная Светлана и тихо бросила, ни к кому не обращаясь:

— Все! Достало! Я там больше работать не намерена.

На волейбольной площадке разгорался околомурный матч между мальчиками и девочками. Поскольку в команду шефов затесался Пашка, полудева вызвалась быть судьей. Светлана плаксиво шмыгнула носом и под села к ней. Луиза нахмурилась, увидев ее заплаканные глаза.

— Что случилось? Рассказывай!

Светлана подставила ладонь к ее щеке и принялась с жаром изливаться в ухо. По мере нашептывания, чередующегося со всхлипами, лицо Луизы все больше вытягивалось и покрывалось негодующими пятнами. Она возмущенно покачивала головой и периодически восклицала:

— Надо же! Кто бы мог подумать? А на вид приличный мужчина. Глава парторганизации.

— Да какой он приличный? — взорвалась Светлана. — Натуральный маньяк. Когда он просто прижимался сзади, я терпела. Думала, случайность. А сегодня он вообще перешел все границы. Вот посмотри!

Светлана показала вырванную с мясом пуговицу на груди.

— За кого он меня принимает? Я ему в дочери гожусь!

Луиза сделала ужасные глаза, поохала, поохала, затем лицо ее приняло патриотический вид.

— Так, — произнесло она деловито, — будем отшивать. Жестоко и безапелляционно. Чего бы нам это не стоило. Поняла?

— Угу, — шмыгнула носом Светлана.

Луиза сощурилась и начала скрупулезно осматривать парней на волейбольной площадке.

— Ну, Австралию мы сразу исключаем, — пробормотала Луиза. — Заколеблет своей Австралией. У Малахаева на уме одни стихи, да и вообще он какой-то прибабахнутый. Толик... — задумалась Луиза. — Толик бы подошел. Хотя, нет! Он тоже с вальтами в голове. Да и гитара будет мешать. Вот Илья, он да! Как? — подмигнула Луиза.

— Что как? — не поняла Светлана.

Взгляд Луизы стал стеклянным.

— О черт! Я совсем забыла, что завтра он собрался ехать в Хохловку. Вот придурок! Парню жениться пора, а у него одни оборотни на уме. Как насчет Берестова? Хотя, нет! Берестов — ломоть отрезанный.

Луиза задумалась. И надолго. Неизвестно сколько бы она пробыла в прострации, если бы на пришкольном участке не показался Леня. Он был грустным. Сегодня свидание не состоялось, потому что Таня поехала с матерью в город. Луиза оживилась и поманила его рукой. Леня приблизился.

— Ты почему сегодня так рано? Очередной провал в блиндаж? — ухмыльнулась Луиза. — В общем так. Тебе общественное поручение. Видишь эту милую девушку? Отныне не отходить от нее ни на шаг и смотреть на нее только влюбленными глазами.

Берестов удивленно перевел взгляд на Светлану. Потом опять на Луизу.

— Не понял.

— Да чего тут понимать, — хмыкнула Луиза. — Как только появиться эта потная парторговская рожа, сразу хватай Светку в охапку. Понял? А вот уже и появилась!

Берестов оглянулся и все понял. На пришкольный участок зашел Петр Иванович. Светлана сразу помрачнела. Идеолог, заметив ее, сильно вспотел

и, тряся всеми своими подбородками, неуклюже вклинился в команду девочек, точно бегемот в журавлиную стаю.

Луиза дернула Леню за штаны и подмигнула. Затем подвинулась на край лавки, уступая ему место. Леня не долго думал. Расплывшись в кошачьей улыбке, он присел к Светлане, обнял ее и начал намурлыкивать в ушко что-то бесконечно нежное.

Светлана с одной стороны опешила, но с другой ее начал разбирать смех. После того, как Берестов чмокнул ее в висок, Светлана рассмеялась. Со стороны можно было подумать, что это счастливый смех. Как раз то, что было нужно. Парторг не мог не услышать счастливого смеха своей машинистки и переменялся в лице.

Тут нужно отметить, что происходящее на лавочке привлекло внимание не только парторга. Играющие на площадке стали с изумлением поворачивать головы на Леню со Светланой. Розка вообще опустила руки и уставилась на них как на витрину японского магазина. А на лавочке, между тем, отношение уже развивались семимильными шагами. Светлана тоже включилась в игру, мило улыбнулась Лене и ласково провела ладонью по его шевелюре.

Петр Иванович отер со лба пот и фальшиво захихикал, позорно запутавшись в сетке. Затем, переменявшись в лице, бодро пожелал всем новых трудовых успехов на сельской ниве и убежал в неизвестном направлении.

После его исчезновения Светлана изящно высвободилась из объятий Берестова и, благодарно улыбнувшись, направилась к дверям школы.

14

Тем же вечером Шерафутдинов въехал в центральную усадьбу Кузоватово. Настроение было унылым, потому что, как он и предполагал, ничего нового от коромысловских мужиков услышать не удалось. Точнее сказать, услышать не удалось ничего внятного, поскольку все они были в хлам. Также ничего нового он не услышал и от их жен, и от доярки, которую обнимал мошенник, и от коромысловского парторга Семена Куроедова.

— Ну, не хотят трезветь мужики. Что я могу поделаться? — бормотал себе под нос следователь. — И эта называется борьба с пьянством?

А завтра утром он должен привести в Ульяновск точные ориентировки лжекорреспондента и отчитаться перед начальством. Следователь решил переночевать в гостинице центральной усадьбы, чтобы завтра чуть свет взять за горло кого-нибудь из пострадавших.

В полуразваленной гостинице без крыши городской правоохранитель не смог заснуть всю ночь. Было душно, воняло прелыми тряпками, да еще дожимали клопы. «Ну и дыра, — досадовал следователь, ворочаясь на скрипучей кровати. — А ведь двадцатый век, а ведь в космос летаем! Вот пес смердящий!»

Следователь встал в пять утра и направился к дому Сапожникова. Он конечно дрыхнет. Но его жена уже отправилась на дойку, а значит доступ к Федькиному телу был свободен. В прошлый раз его супруга просто не пустила в дом, заявив, что муж спит богатырским сном и его побудка равносильно самоубийству.

По дороге городскому гостю попался парнишка. Это был Креончик. Он спешил на автобусную остановку. Увидев следователя, парень почему-то обрадовался и сильно тряхнул руку городскому гостю.

— Мошенника уже поймали? — поинтересовался он.

— Ловим, — коротко ответил следователь. — Вы куда в такую рань?

— В Хохловку! — радостно ответил Креончик. — Говорят, там живут потомки оборотней.

«Делать что ли больше нечего», — с досадой подумал следователь и направился дальше.

Расчет оказался верным. Хозяйки в доме не было. В избе стоял стойкий дух сивухи. Из-за печки доносился напористый жеребьячий храп. Следователь зашел за печку и отдернул занавеску. Его взору предстал здоровый опухший детина, безмятежно храпевший на дубовой кровати. Он был совершенно голый. У его изголовья на тумбочке стояла литровая бутылка с самогоном, граненый стакан и треснутое блюдечко с соленым огурцом.

Шерафутдинов поднял с пола одеяло и бросил его на богатырское место мужика. После чего потребовал, чтобы тот открыл глаза. Богатырь не среагировал. Тогда следователь схватил его за плечи и хорошо встряхнул. Сапожников промычал что-то недовольное, но глаз по-прежнему не открыл. Тогда Шерафутдинов начал молотить ему по щекам.

— Я не понял, — подал голос жлоб, по-прежнему не размыкая век. — Кому здесь жить надоело?

— Мне надоело! — отозвался Шерафутдинов. — А ну немедленно проснитесь, Сапожников!

Жлобино изумленно открыло один глаз, с минуту тупо смотрело на мужчину, ничего не понимая, затем схватило его пудовыми кулачищами за грудки и прохрипело:

— Убью!

Шерафутдинов ожидал такой реакции. Он сунул ему в морду приготовленное удостоверение и грозно произнес:

— Следователь областного ГУВД Ренат Шерафутдинов.

Понадобилось еще две минуты, чтобы Сапожников что-то сообразил. Он отпустил ворот следователя и нахмурился. Было видно, что любое шевеление извилин приносит ему страшную головную боль.

— Я здесь по поводу московского корреспондента. Помните такого?

Сапожников сморщился и заскрежетал зубами. Затем потянулся к бутылки с самогоном.

— Эй, стоп! Потом. Сначала ответьте на вопросы, — воспротивился следователь.

Сапожников сделал страдальческую физиономию и провел себе ладонью по горлу. Это означало, что если он не похмелится, то ему кранты.

— Ладно, только чуть-чуть, — разрешил гость.

Сапожников налили себе полный стакан и опустошил его одним глотком. Потом смачно захрустел огурцом.

— Опешите корреспондента, — попросил следователь.

Сапожников отрицательно покачал головой.

— Не помню его лица, — сипло ответил он. — Мы с мужиками вспоминали, вспоминали, да так и не вспомнили.

«Нет ничего нового в мире», — грустно подумал следователь и достал фоторобот пензенского мошенника.

— Вот этого типа вы раньше видели? — спросил он.

Сапожников всмотрелся в листок и утвердительно кивнул.

— Видели? — не поверил глазам следователь. — Где?

— В гробу! — ответил Сапожников.

Шерафутдинов нахмурился.

— А если подумать?

Сапожников страдальчески поморщился и снова потянулся к бутылке.

— Стоп! Не много вам? — забеспокоился следователь.

— Иначе не смогу сообразить, — просипел Сапожников и, налив себе второй стакан с горкой, махом его жажнул.

Взяв с блюдечка остатки огурца он уставился на фоторобот. Неожиданно взгляд его стал проясняться. Он даже перестал жевать.

— Ну что? Вспомнили, где его видели? Только не говорите, что в гробу?

Детина отрицательно покачал головой.

— Нет, не в гробу, — просипел он. — Гроб был заколочен. На собственной могиле я его видел.

Терпение следователя иссякло.

— Ну, скажите, он похож на корреспондента, который обворовал вас в Москве? — воскликнул следователь.

Глаза Сапожникова вспыхнули.

— Да все они, корреспонденты сволочи, на одну морду, — прохрипел детина. — Вот выйду из запоя и всех их перебью.

Сапожников схватил бутылку и начал пить прямо из горлышка. Он выпил все до капли, не отрываясь. «А в бутылке было грамм восемьсот, не меньше», — прикинул следователь и понял, что дальнейший разговор с Сапожниковым уже не имел смысла. Он подsunул ему чистый протокол и попросил расписаться.

Когда следователь вышел из дома, у него от свежего воздуха закружилась голова. Шерафутдинов подумал, что еще двадцать минут пребывания в этой сивушной душегубке, и ему можно вызывать вырезвитель. «Ну что ж, — решил правоохранитель. — Сегодня доложу начальству, что один из потерпевших признал преступника по фотороботу. Протокол заполню в Управлении».

Конечно, это не совсем правда. Но что поделать, если начальник взял за горло, а министр — под личный контроль.

15

Креончик прибыл в поселок имени Гимова около восьми утра и сразу направился к председателю. Однако председателя на месте не оказалось. В Правлении находилась только необъятных размеров женщина лет сорока. «Как все-таки колхозные бухгалтерши похожи друг на друга», — отметил про себя гость, и представился ей руководителем фольклорной экспедиции Педагогического университета.

— И что же интересуют вашу фольклорную экспедицию в нашем поселке, — скептически хмыкнула женщина.

— Колдуны и оборотни, — выпалил Креончик, решив не заходить издалека.

Бухгалтерша рассмеялась, сочтя это за шутку. Но визитер принялся с жаром убеждать женщину, что у них в поселке живут потомки некой карги Аграфены, фамилии которой он, к сожалению не знает. Однако ее знала все деревня и даже вся волость, потому что она была известной колдуньей и могла запросто превратиться в любого животного. А когда она умирала, то ее душа никак не могло отделиться от тела, поскольку она должна была передать свои колдовские чары кому-то из потомства.

— Никогда такого не слышала, — продолжала смеяться женщина. — И Аграфену я никакую не знаю. Я даже до сегодняшнего дня не знала, что наш поселок назывался Хохловкой.

— Ваша деревня называлась Хохловкой до двадцать третьего года, — проявил осведомленность гость. — До революции она принадлежала графу Николаю Александровичу Зубову, который убил Императора Павла.

— Страсти господни! — вытаращила глаза женщина. — Неужто правда?

«Вот черт! — воскликнул про себя Креончик. — Не зря Чаадаев утверждал, что народ в России ленив и нелюбопытен».

— У графа здесь была усадьба. Но жил он, конечно, в Петербурге. Однако здесь он основал винный завод.

— Завод помню! — просветлело у женщины. — Это был ликероводочный завод номер семь. Но в 1958 году его закрыли. Не знала, что его основал граф.

«Что ты вообще до меня знала?» — простонал про себя Креончик, а вслух произнес:

— Но может быть, вы меня направите к какому-нибудь старожилу, которой помнит Аграфену?

Женщина задумалась.

— Есть у нас одна бабка, которая всю жизнь прожила в этой деревне, — неуверенно произнесла бухгалтерша. — Ее зовут Матреной. Ей девяносто восемь лет. Но вряд ли она тебе что-то расскажет. Она заговаривается и давно выжила из ума.

Креончик потребовал адрес. Женщина пожала плечами и рассказала, как найти ее дом на улице Гимовской. Фольклорист направился к старушке без какой-либо надежды на успех.

Когда он подошел к низенькому покосившемуся дому с совершенно черными от пыли окнами, то надежда переросла в уверенность. Забор был поваленным, поэтому стучаться в непонятно как уцелевшую калитку необходимости не было. Во дворе копошились куры, судя по всему, чужие, и гордо разгуливал козел, который жевал капусту, откусывая ее от громадного вилка с грядки. С появлением гостя рогатый перестал жевать и подозрительно впился в него своими желтыми глазами.

С опаской обойдя животное, парень зашел на ветхое крыльцо и постучал в дверь. Наблюдавший за ним козел, сделал шаг по направлению к крыльцу. «Еще не хватало, чтоб он меня боднул», — с тревогой подумал исследователь. Он постучал еще, более нетерпеливо. Козел сделал второй шаг. Креончик мысленно наметил маршрут, по которому он драпанет, если животное подойдет близко. Когда козел приблизился на расстояние двух метров, дверь неожиданно открылась. Перед взором Креончика предстала дряхлая, сгорбившаяся старушонка, одетая во все траурное. На ней была черная юбка до пола, черная старомодная блузка, а на голове черный платок. Ее лицо было все испещрено морщинами, а совершенно выцветшие слезящиеся глаза не выражали ни единой мысли. «Нет, ничего от нее не добьешься», — сник Креончик, и снова покосился на козла, в желтых глазах которого сверкнул охотничий блеск.

— Извините пожалуйста! — громко произнес Креончик. — Я изучаю историю вашего села. А вы здесь старожил. Вы не помните случайно Аграфену?

Как и предполагалось, ни одной эмоции не отразилось на лице старушки. Она настолько бестолково смотрела на гостя, что взгляд козла по сравнению, с ее взглядом, казался вершиной глубокомыслия. Креончик снова оглянулся. Козел нагнул голову вперед и тронулся с места. «Пора линять!» — мелькнула здравая мысль.

Фольклорист дернулся и нацелился уже спрыгнуть с крыльца, чтобы помчаться, задрав штаны, вдоль по Гимовской, но бабка внезапно сделал резкий жест рукой, и козел тут же направился в другую сторону. Креончик опешил. А старушка между тем неожиданно улыбнулась, обнажив свой щербатый рот.

— Не бойся! Яшка только пугает, — прошамкала она вполне членораздельно и пригласила гостя в дом.

В избе было мрачно. Темно и грязно. Окна занавешены полуистлевшими тряпками, под ногами выцветшие лохмотья, бывшие некогда домоткаными дорожками. В избе у входа возвышался громадный сундук, на котором была

навалена заплесневелая посуда. У окна стоял дубовый стол. Под ним лавка и два табурета. За печку втиснута огромная железная кровать с шестью подушками. Правый угол комнаты заставлен иконами, под которыми горела лампадка. Воздух был сперт до невыносимости. К духу старческой вони добавлялся запах кислой капусты.

Креончик прошел в избу и сел за стол на вихляющиеся табурет. Бабушка присела на лавку и пристально вгляделась в гостя. От ее взгляда Кренчику стало не по себе. В глазах хозяйки появилось что-то от лукавого.

— Так вы помните бабушку Аграфену? — громко спросил Креончик.

Бабка снова улыбнулась и кивнула. Креончик оживился.

— А правда, что она была колдуньей и оборотнем?

Бабка снова улыбнулась. Более лукаво. И опять кивнула.

— Скажите, а у нее остались дети, внуки? Я слышал, что у нее была дочь. Кстати, как ее фамилия? Не помните?

— Кармишина ее фамилия, — прошамкала бабка, и Креончик подумал, что недавно слышал эту фамилию.

— Так была у нее дочь? — переспросил Креончик.

— И дочь была, и сын, почитай, был, — вздохнула бабка и начала перевязывать платок. — Дочь звали Анастасеей, а сына Потапом.

— И где они сейчас?

Бабка отвела глаза и пространно махнула рукой.

— Чай, умерли. Анастасея — от голода, а Потапа убили на войне.

— А дети у них остались? — продолжал напирать Креончик.

— У Анастасеи была дочка Машенька. Но после того как она умерла, ей-ную Машеньку увезли. Она совсем еще махонькой была.

— А куда увезли?

— А пес его знат, — заерзала на лавке старушка. — А Потап не успел завести детей. Они только сыграли свадьбу с Оксанкой и его на другой же день взяли на фронт...

Глаза бабки как-то хитро блеснули. Она лукаво подмигнула гостю и снизила голос до шепота.

— Но после этого он приходил в деревню за Оксанкой.

— После того, как убили? — изумился Креончик.

— Через год, как убили, — подмигнула старушка. — А Оксанки уже здесь не было. Она переехала в Кузоватово.

Креончик чуть не подпрыгнул вместе с табуретом. «Баба Оксана! — озарило его. — Ну да, ее фамилия Кармишина! Как же он мог забыть? Значит тот бред, который она несла у костра по поводу вернувшегося с войны мужа, правда?»

Не могу не восхититься светлой головой Креончика, который сам того не подозревая, так близко подошел к разгадке этой мутной истории. Следовательно Шерафутдинову понадобилось на это гораздо больше времени. Однако и ему надо отдать должное за то, что он, вопреки здравому рассудку, не побоялся свести в одну нить эти нашумевшие мошенничества в среднем Поволжье с бредом Кузоватовской бабушки Оксаны.

Однако не будем забегать вперед. Отметим только, что Потап Кармишин действительно существовал. Это я могу засвидетельствовать документально. К обвинительному заключению, которое передал мне Шерафутлинов, приложены два документа. Первый — свидетельство комиссариата о том, что рядовой Потап Матвеевич Кармишин погиб 20 сентября 1943 года при форсировании Днепра. Его гибель была зафиксирована полковником военной медицинской службы Федором Шелухиным. «Смерть наступила от кровопотери, полученной от сквозного ранения в правую сторону груди», — написано в документе. Второй документ, который датируется 22 сентябрем 1943 года, представляет собой рапорт командира 24-ой похоронной бригады 46-й армии Юго-Западного фронта капитана Елены Колюжной. В рапорте излагаются странные обстоятельства, в результате которых в ночь на 22 сентября исчез один из шестнадцати трупов, предназначенных для захоронения в братскую могилу.

Та ночь была лунной и на редкость тихой. Умолкла канонада, угомонились мотострелки и пулеметчики. Ни выстрелов, ни рокота передвигающейся бронетехники. Как будто все вымерли под чистую. Как будто не было и нет войны. Но война была. Слева у офицерской палатки, в которой не могла заснуть двадцативосьмилетняя Елена Колюжная, под брезентом лежало шестнадцать убитых бойцов. Их привезли вчера из медсанбата.

«Тиха украинская ночь», — всплывало из глубины души, и лицо женщины светло прояснялось, поскольку вспоминалась школа. «Как сейчас все это далеко, — подумала она. — Какими наивными и мелкими были заботы, по сравнению с той действительностью, которую принесла война. Ничего, скоро это закончится. Бойцы говорят, что завтра они окончательно выбьют немцев с плацдарма».

Несмотря на тишину, спать не хотелось. Точнее сказать, именно эта непривычная тишина и навеяла бессонницу. Женщина уже привыкла засыпать под канонаду. А поспать было надо. Завтра намечался тяжелый день.

Елена достала фляжку со спиртом, плеснула в алюминиевую кружку и собралась выпить, как вдруг услышала слева какую-то странную возню. Она прислушалась. Нет, ей не показалось. За палаткой действительно кто-то возится. Затем кто-то хрипло застонал. Женщина привыкла к трупам. Однако на этот раз она почувствовала страх. Колюжная поднялась и выглянула из палатки. Никого. Только лежащие под брезентом трупы. Она пригляделась к брезенту. Он не шевелился. Бывали случаи, что врачи ошибались, и бойцы, которых привозили для захоронения, неожиданно подавали признаки жизни. Но это был не тот случай.

— Эй, кто там? — громко спросила женщина и покрылась мурашками от собственного голоса.

Никто не откликнулся. Брезент, которым были покрыты мертвые бойцы, не шевелился. Дальше простиралась степь. Может этот некто спрятался за палатку?

Женщина достала из кобуры пистолет и обошла палатку. Никого. Луна освещала каждый пяточек земли. Нужно было откинуть брезент и осмотреть трупы, но прошедшую огни и воду капитана похоронной службы впервые в жизни охватил страх. Она развернулась и направилась в соседнюю палатку, где спали рядовые служащие. Войдя в палатку, женщина молча тряхнула рядового Рахметова. Тот открыл глаза и удивленно уставился на женщину командира, в которую был влюблен. Впрочем, не он один.

— Рахметов, быстро вставай! Пойдем со мной!

— Пойти с вами? — еще больше удивился он, и вдруг счастливо улыбнулся. — Так точно, пойти с вами, товарищ капитан.

Женщина поморщилась. «Кому что, а Рахметову только лямуры», — с досадой подумала она. Рядовой вскочил, торопливо влез в сапоги, пригладил на голове пилотку и встал по стойке смирно, уставившись масляными глазами на капитаншу.

— Следуй за мной и фонарь прихвати, — строго приказала Колюжная.

— Есть прихватить фонарь, товарищ капитан, — преданно воскликнул Рахметов.

Последнее было излишне. Луна светила так ярко, что луч фонаря терялся при фосфорном свете. Рядовой Рахметов шел сзади за своей командиршей и про себя стонал от вожделения. Она подняла его среди ночи и повела в свою палатку. Только крепко шайтанутый не догадается, с какой целью она повела в палатку, шайтан его за ногу.

Однако к удивлению и разочарованию рядового, капитанша прошла мимо своей офицерской палатки и остановилась над телами погибших.

— Откинь брезент, — приказала она.

Рахметов сделал изумленные глаза, однако перечить не стал. Он нагнулся, чтобы уцепиться за край брезента и вдруг застыл.

— В чем дело, Рахметов?

— Товарищ капитан, здесь уже кто-то открывал, — удивленно ответил боец.

И действительно, угол брезента был завернут наверх. По затылку Елены снова пробежали мурашки.

— Откинь брезент и посмотри, все ли они мертвы?

Рахметов стащил с бойцов брезент, включил фонарь и принялся пристально всматриваться в лица убитых. Елена тоже осматривала трупы. Нет, не один не подавал признаков жизни. Кто же тогда возился и хрипел.

— Все! Закрывай их, — устало выдохнула Елена.

Рахметов расторопно набросил брезент, потом неожиданно откинул его снова.

— Товарищ капитан, вот здесь с краю лежал другой, — удивленно произнес он.

— Какой еще другой? Чего ты плетешь, Рахметов? — опешила Елена, чувствуя, как мурашки в третий раз пробегают по ее затылку.

— Клянусь Аллахом, что другой. Черненький такой, с широкими бровями без усов. А этот светлый, без бровей и усатый.

— Ну-ка давай пересчитаем.

Пересчитали. Оказалось пятнадцать трупов. Не хватало одного. Колюжная с Рахметовым переглянулись. После чего начали озираться по сторонам.

— Куда же он делся? — растерянно пробормотала женщина.

— Немцы украли, товарищ капитан! — произнес рядовой.

— Что за чепуху ты несешь, Рахметов? — раздраженно ответила Елена. — Откуда здесь немцы? Они все за рекой. А если бы они здесь были, то наверное бы украли меня. Зачем им труп?

— Это точно, — расплылся в мечтательной улыбке Рахметов. — Я бы лучше украд вас.

Елене это не понравилось. Она приказала поискать по-близости. Ведь если лежащий с краю действительно оказался живым, то он не мог далеко уйти.

Елена с Рахметовым обошли окрестности. Собственно, кругом была открытая местность, под ногами песок с чахлой растительностью. Так что особо искать было негде. Они снова подошли к убитым бойцам. Снова пересчитали. Их по-прежнему было пятнадцать. Помолчав немного, Елена приказала

осмотреть следы. Местность песчаная. Следы хорошо видны. Но никаких посторонних следов они не обнаружили, кроме собачьих, ведущих к Днепру.

— Странно, что за собака здесь бегала, — задумчиво произнесла Елена. — Ладно, Рахметов. Иди спать. И никому ни слова.

— А можно, товарищ капитан, я останусь с вами? — вытянулся в струнку солдат.

Первой мыслью было накричать на наглеца и вклепить три караула вне очереди. Но оставаться одной действительно было страшновато. Возня, стоны, исчезновение трупов и собачьи следы на песке как-то очень жутко повлияли на женщину. Она разрешила Рахметову остаться у себя в качестве телохранителя.

Когда капитан вошла в палатку, то сразу залпом опустошила полкружки спирта. Затем немного плеснула рядовому. После чего села за бумаги.

В ту ночь она почти не сомкнула глаз. Только перед рассветом женщина немного забылась. И ей приснилось, как рядовой Рахметов неожиданно покрылся шерстью и, превратившись в черную собаку, с оскаленными зубами набросился на нее.

— Ты что, Рахметов! — вскрикнула Елена и проснулась.

— Я здесь, товарищ капитан! — встрепенулся в углу солдат.

— Все в порядке, рядовой! Можешь еще подремать...

Наутро из части приехал полковник Семенов. Он произнес короткую речь о погибших героях. Солдаты произвели выстрелы в воздух. После этого в выкопанную могилу начали складывать тела погибших. Но тут полковник неожиданно повернулся к командиру похоронной службы:

— А где еще один? По документам шестнадцать. А их пятнадцать. Кто из списка отсутствует?

— Рядовой Кармишин Потап Матвеевич.

Полковник удивленно выгнул брови, и Елена начала сбивчиво рассказывать о том, что произошло этой ночью. По мере изложения, лоб офицера части все больше покрывался багровой краской.

— Что за чепуху вы несете, товарищ капитан? Вы что пьяны? — полковник принялся. — Я так и думал! Быстро предоставить мне рапорт о пропаже тела бойца.

Часть третья

Тайна черной собаки

1

Всего лишь раз Светлана провела ладонью по голове, и у Берестова внутри все перевернулось. Ее божественное прикосновение он ощущал на своем лбу весь оставшийся вечер и всю ночь, и даже на следующее утро, когда проснулся. Так, наверное, новоявленный офицер ощущает только что пристегнутую на фуражку кокарду. Вчерашнее общественное задание нашему герою понравилось. Хотя понравилось — не то слово. Ее горячие плечи, пылающая щечка, мягкая шейка и ни с чем не сравнимый девичий запах не смогли не взволновать юношу. Ощущение этого блаженства он носил до отбоя и засыпал с каким сладким, неведомым ранее чувством. А ночью ему снились цветные птицы, поющие на диковинных деревьях, и зеленые павлины в джинсовых куртках.

Когда Леонид проснулся, приятная теплота растеклась по его телу от мысли, что сейчас он увидит Светлану. Светлану он увидел через полчаса за завтраком. Встретился с ней глазами и кусок застрял в горле. Никогда раньше Берестов не испытывал такого позорного чувства, как смущение. И это его удивляло. «Что-то с нами не то становится», — подумал он и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Что-то мучительно вспоминаем? — лукаво подмигнул Малахаев.

— Божественное лоно природы и девственных златокудрых нимф, — подхватил Толик.

И гитарист был недалек от истины.

Словом, Светлана не пошла в Правление. А Берестов не пошел в коровник, а увязался за девчонками на прополку моркови. Таким образом, Светлана с Леной неожиданно для себя, или, как пишут в бульварных романах, не

ведая, что творит судьба, оказались на одной грядке этого великого и бескрайнего морковного поля.

Они молча выдергивали траву в шахматном порядке и старались не встречаться друг с другом глазами. Однако чувствовали друг друга каждой клеточкой. И когда случайно соприкасались локотками, то оба смущенно вздрагивали. Даже когда слышался рокот летящей этажерки и девчонки с визгом разбежались в разные стороны, и тогда они не шелохнулись, а только удивленно подняли головы.

Для них эта игра с самолетом была в новинку, поскольку они впервые вышли на поле. Сделав круг, «кукурузник» снизился над шефами и вдруг начал поливать их какой-то белой жидкостью. Девчонки с криками и хохотом заметались по полю, и только Леня со Светланой продолжали сидеть рядышком и выдергивать в шахматном порядке траву. Берестов подставил ладонь под льющийся молочный дождь и произнес с улыбкой:

— Это нитраты. Они нейтрализуют.

— От чего? — улыбнулась Светлана.

— От работы, естественно. Теперь я понимаю, почему девушки после обеда не выходят в поле и каждый день моют головы.

Непринужденный разговор завязался. Сделалось легче. Самолет улетел. Но вслед ему еще более часа летели ругательства и проклятия. Особенно буйствовала полудева Луиза.

Она сотрясала кулаком и кричала, что за такие штучки при Сталине ставили к стенке. И правильно делали, что ставили. Потому что летчик — враг народа. Он травит народ нитратами. Но если бы только народ. Он замахнулся на самое святое, на городских шефов.

Судя по тому, как распалялась полудева, назавтра она снова планировала симуляцию на почве аллергии. Остальные уже утомонились, и даже начали ржать.

— А разглядели физиономию летчика? — засмеялась Анюта. — Сегодня усатый! Он льет больше всех. — Анюта страстно закатила глаза и выставила

вперед ногти. — О! Как я мечтаю встретиться с ним одна в темной в комнате.

— Зачем? — хмыкнула Розка.

— Чтобы выщипать усы!

Все засмеялись, кроме Светланы с Леной. Их одних не захватило всеобщее веселье. Леня подумал, что может так бесконечно сидеть со Светланой на корточках и дергать в шахматном порядке эту белую от нитратов ботвы. Но все на свете кончается. А тем более — рабочий день. Он продолжался только до обеда, а после обеда в школу нагрянуло колхозное начальство.

2

Было около четырех пополудни. Теоретически еще два часа рабочего времени, а практически все золотые работнички уже культурно отдыхали после трудового дня. Девушки в правом крыле вальяжно почивали на кроватях с махровыми полотенцами на головах, а пацаны у себя в комнате хлестались в карты.

Приход председателя, парторга и четырех строгих тетенок из Правления был как гром среди ясного неба. Ведь в такой час в деревне все спали. Центральная усадьба Кузоватово словно вымирала. Даже автомат витаминной муки останавливали, и мастера-витаминщики засыпали в траве самым наимертвейшим образом. Это была узаконенная чисто кузоватовская сиеста.

Явившаяся делегация заглянула сначала в комнату девушек, потом в комнату парней. Затем, не произнеся ни слова, направилась на второй этаж. Там начальство отперло актовый зал, накрыло красным сукном стол и поставило перед собой графин с водой, что свидетельствовало о серьезных намерениях визитеров. После чего вниз была послана женщина свиснуть всех наверх для внеочередного собрания.

— Ну, все! Полудеве кабздец! — подмигнула Малахаеву Розка. — Сейчас ее принародно изнасилуют за то, что она после обеда не выгоняет нас на работу.

— Принародно изнасилуют? — мечтательно оскалилось солнце заводской поэзии. — Хорошо бы...

Однако приход начальства был вызван отнюдь не послеобеденным тунедством заводчан. Впрочем, поначалу никто ничего не понимал. Когда шефы расселись, председатель поднялся и с хмурым лицом произнес:

— Дорогие товарищи шефы! Мы, конечно, рады приветствовать вас на нашей родимой земле. Но ё! — тут Эльдар Александрович запнулся и стал рыться в своих карманах, однако, не найдя того, чего искал, с чувством добавил: — кэ лэ мэ нэ!

Председатель сверкнул глазами, как лермонтовский полковник, у которого за спиной Москва, и, не найдя больше слов, угрюмо плюхнулся на стул.

— Пожалуйста, Петр Иванович! Вам слово.

Парторг, не спеша, поднялся, надел на нос очки и развернул перед собой внушительный лист бумаги, исписанный мелким почерком.

— Товарищи, — торжественно начал он, — наша страна переживает колоссальный процесс революционных преобразований. Процесс перестройки закономерен и необратим.

Он победоносно обвел зал глазами и все поняли, что это надолго. Шефы вальяжно откинулись на спинки кресел и начали откровенно зевать, закатив глаза в потолок. И действительно, парторг еще в течение получаса плел о необходимости в стране кооперативов и семейных арендных подрядов. Он также в суровом тоне говорил о необходимости плюрализма и демократизации общества.

— Кстати, что такое плюрализм, — шепотом спросил Толик на грани засыпания.

— Это когда все друг на друга плюют, — ответил Берестов со слипающимися глазами.

Наконец, после того, как парторг озвучил все нудные заголовки столичных передовиц, то неожиданно заявил:

— Так вот! Между тем, как вся страна борется за полную победу перестройки, находятся такие товарищи, которые откровенно насмеяются над необратимостью процесса своим бесконтрольным творчеством.

Председатель сверкнул глазами и демонстративно посмотрел на Берестова. Женщины в президиуме негодуяюще затрясли головами. Девчонки прыснули, парни недоуменно пожали плечами. «Ну, здрасьте! — подумал Берестов. — И что их так колбасит от моего стихотворения». Однако и это не прояснило, ради чего, собственно, сельский идеолог развел всю эту бодягу.

Побушевав насчет равнодушия и откровенного вредительства, парторг к удивлению присутствующих закончил следующим:

— Но самым злостным безобразием является то, когда парни живут в одном здании с девочками. Это вопиющее нарушение государственных норм гигиены.

Парторг закончил и снова суровым взглядом обвел зал. Воцарилась ошеломленная тишина. Все вытаращили глаза и начали переглядываться.

— А где же парням жить? — удивленно спросила Луиза.

— В гостинице! — отрубил парторг, и в президиуме одобрительно закивали головами. — Сегодня же пусть и переселятся. За неподчинение выговор и «свинью» на завод.

Воцарилась новая тишина. Еще более изумленная, чем первая.

— Никогда! — взвизгнула Розка. — Оставаться девочкам в пустой школе на краю села? Ну уж дудки!

— Дудки! — подхватили девчонки, и зал превратился в базар.

Председатель строго постучал карандашом по графину. Когда все умолкли, он произнес:

— Товарищи, давайте не будем спорить. Давайте не будем нарушать советские законы.

— Норма есть норма! — подхватил парторг. — Не нами она установлена, а Министерством трезвости и гигиены.

Норма Министерства вызвала новый взрыв возмущения. Шум в зале уже не смог унять ни звон карандаша о графин, ни патриотическое сжимание ку-

лаков. Когда собрание превратилось в собачник, в зал неожиданно вошел Креончик. Физиономия его сияла, и глаза блестели непотопляемым блеском. Было нетрудно догадаться, что сегодня ему улыбнулась фортуна. Быстро врубившись в суть дела, он одним взмахом руки установил тишину и обратился в президиум.

— Товарищи! Я предлагаю вопрос о переселении решить демократическим путем. То есть, элементарным голосованием. Ведь демократию в стране еще не отменяли? Не так ли?

В зале зааплодировали, в президиуме начали переглядываться. Парторг сделался багровым от негодования.

— Не вам! — закричал он, захлебываясь слюной, — не вам, щенкам дана демократия.

— Ну, уж пардон, — парировал Креончик. — Демократия так и переводится с греческого: воля большинства.

Далее Креончик, как человек читавший Плутарха, привел слова великого афинского демократа Перикла, что он до конца своей жизни оставался верен тому, чтобы ни одна афинская мать не пролила слезу по его глупости. А сейчас, по мнению Креончика, совершается глупость, которая закончится слезами и скрежетом зубов.

Со скрежетом зубов Креончика конечно занесло, но в целом он был прав. Однако не все так считали. На Петра Ивановича афинские матери навели мысль о кузькиных матерях. Он грубо изрыгнул, что наши матери плакали, плачут и будут плакать. И такова их необратимая историческая доля.

— Теперь понятно, кто есть ху! — подмигнул Креончик идеологу.

— Я запрещаю здесь выражаться! — в исступлении завопил Петр Иванович.

— Но пардон, это крылатое выражение генерального секретаря, — сделал удивленные глаза Креончик.

— Да? — смутился парторг. — Тогда уж может быть лучше: «Кто есть хрен...»

Неуверенность парторга в сказанном вызвала бурный смех. Даже в президиуме начали давить улыбки.

— Нет! — воскликнула Розка. — Хрен неодушевленный предмет. Правильнее будет: «Что есть хрен?»

— О! Это уже философский вопрос! — внес свою лепту Малахаев, и с задумчивым видом откинулся на спинку стула.

— Какой же философский? Политический! — стукнул себя в грудь Берестов, изо всех сил удерживая серьезную гримасу.

Словом, дискуссия закончилась угрозами, что если ребята сегодня же не переселятся в гостиницу, то они на собственной шкуре испытают волчьи зубы отечественной демократии.

Гости ушли красные и злые. И после их ухода, как это обычно бывает, заговорили все разом. Из поднявшегося шума никто ничего не понял. Но поняли одно — подчиниться, значит предать Перикла с его афинскими матерями.

Разумеется, эта история не подняла никому настроения, кроме Креончика. Он единственный откалывал шутки и периодически многозначительно задевал Берестова плечом. Это означало, что Креончик раскопал что-то сенсационное. В худшем случае напал на след китайской разведки. И точно, когда в актовом зале еще бушевали страсти, Креончик не выдержал, схватил Леню за локоть и вытащил в коридор.

— Ты сейчас сдохнешь! Только не падай! Нет, ты сейчас определенно сдохнешь...

3

Следователь Шерафутдинов сидел в своем кабинете и размышлял, уставившись на лампочку настольного светильника. Он объединил дело кузоватовских мужиков с мошенничеством в Пензенском универмаге. Объединил от безвыходности. Просто нужно было показать начальству, что следствие продвигается, поскольку оно взято на контроль министром. На самом деле после его возвращения из Московской командировки расследование не

сдвинулось ни на шаг. Показания Сапожникова ни в коем случае нельзя было считать серьезными, и они не являлись поводом для объединения дела. Но что делать, если начальство наседает? Тут нужно надеяться только на одно, что министры весьма забывчивы. А если министр забудет про это дело, глава областной милиции — тем более.

Шерафутдинов вздохнул, потушил настольную лампу и захлопнул папку, которую ему прислали Пензенские коллеги. Да, Пензенский мошенник очень похож на Ульяновского. Возможно, его догадки верны. Это одно лицо. Но вот что странно: и в том, и в другом случае, лицо даже не думало скрывать своего лица. Оно будто заранее знало, что его потом не опознают. «Нет, определенно, этот тип обладает гипнозом, — подумал следователь. — По хорошему, нужно было запросить еще и материал из Набережных Челнов, но разве у меня есть время вести три дела одновременно?»

Шерафутдинов достал из стола сигареты и закурил, хотя он не курил, и сигареты держал исключительно для подследственных. «Итак, что мы имеем? Да ничего не имеем. Ни одной зацепки». Следователь стряхнул пепел в пепельницу и задумался.

И все-таки, почему из всех столичных журналистов мошенник выбрал спецкора «Известий» Станислава Сергеева? Пишущим журналистом Сергеев работал с 1960 по 1971 годы. Потом он ушел из «Известий». Вернулся в газету только в этом году, но уже ответственным секретарем, то есть — уже не репортером. Если преступник представился спецкором Сергеевым, то значит, о его уходе из газеты он ничего не знал. Отсюда можно сделать вывод, что преступник знал о Сергееве исключительно по ранним публикациям.

Шерафутдинов потушил сигарету и закрыл глаза. «Да-да, разгадка где-то здесь, — подбодрил себя следователь. — Это говорит о том, что преступник уже шестнадцать лет не читал «Известия». Из этого следует, что мошенник далеко не молод, потому что молодые предпочитают «Комсомольскую правду».

«Нет, не то! — затряс головой следователь. — Насчет возраста у свидетелей больших расхождений нет. Преступнику от тридцати пяти до сорока лет.

То есть, если преступнику сорок лет, то в 1961 году ему было четырнадцать...»

Опять не то! В четырнадцать лет даже вундеркинды не читают газет. Шерафутдинов снова вздохнул, снова закуривал и понял, что здесь что-то не срастается. «Но почему не срастается, — встrepенулся следователь. — «Известия» выписывали родители! Вот ему и запомнился Сергеев».

Однако эта версия имела недостаток. Даже если газету выписывали родители, еще не факт что подросток ее читал. Подросток мог взять в руки «Известия» только в одном случае, если в газете публиковалось нечто такое, что взволновало всю страну. Это безусловно первый полет человека в космос. Поскольку заметка была написана Сергеевым, то теоретически, мальчик мог запомнить эту фамилию.

«Вот тут где-то истина, — поднял палец следователь. — Мошенник имеет какое-то отношение к первому запуску космонавта».

В кабинет постучали. Вошел оперуполномоченный.

— А что это вы, Ренат Абдурахманович, сидите в темноте? — спросил он.

— В темноте лучше думается, — ответил Шерафутдинов. — Вы по делу?

— Да! Вас главный вызывает.

«Начинается нервотрепка, — подумал Шерафутдинов. — Не забыл, видать, министр».

Но когда следователь переступил порог кабинета начальника Управления, то увидел, что на лице генерала выражение вполне доброжелательное. Значит, вызвал не для разноса. Начальник взял со стола листок бумаги и протянул Шерафутдинову.

— Московские коллеги из районного ОВД подсуетились и установили, каким образом, преступник покинул здание министерства, — сказал генерал.

— Да ну! — не поверил ушам следователь. — И каким же?

— Здесь в копии протокола подробно изложено. В общем, он сунул дежурному милиционеру двести рублей, и тот открыл ему ворота.

— Ха! Я так и думал! — засмеялся Шерафутдинов. — Ну, как московским коллегам удалось его расколоть?

— Вот у них и спросите. А сейчас срочно вылетайте в Москву. Допросите задержанного милиционера. Может, он даст более точные ориентировки.

4

По возвращению из поселка Гимова Креончик отправился к бабушке Оксане. Он застал ее на огороде с мотыгой в руках. Креончик перепрыгнул через забор и предстал перед ней так внезапно, что она вздрогнула.

— Баба Оксана, что же вы мне не рассказали, что у вашего мужа Потапа, была еще старшая сестра Анастасея? — укоризненно покачал головой шеф.
— Я знаю, что именно ей, колдунья Аграфена перед смертью передала свое колдовство.

Сначала бабушка опешила. Затем нахмурилась. После чего засмеялась беззубым ртом.

— А пошто тебе энто знать? Чай, не родня ихняя, — ответила она.

— Как пошто? — обиделся Креончик. — Вы же знаете, что я исследователь. В будущем, может быть, профессор околдовских наук.

— Ты профессор по кислым щам, — ехидно засмеялась бабка, и бросила мотыгу.

Она прошла к крыльцу дому и села на лавочку, тем самым показав, что разговор состоится. Креончик присел рядом.

— Потап и Анастасея родились от разных отцов, — вздохнула старушка.
— Потап жил со своим отцом в Майне, а Анастасея с матерью. Когда Аграфена слегла, она отправила дочь к тетке в Языково.

— Ее оттуда привезли, чтобы она переняла колдовство? — спросил Креончик для поддержания разговора.

— Знама, что оттуда, — вздохнула старушка. — Анастасея была красавица. Почитай, на нее все парни заглядывались. И не только хохловские. Но и городские комиссары.

И бабушка рассказала про невероятную стойкость девушки, про то, как не соблазнилась она ни комиссарскими ремнями, ни их ужасными кожанками, хотя один совнаркомовский дядька имел весьма серьезные намерения в от-

ношении нее и даже звал девку замуж. Но Анастасея рассмеялась и сказала: «Ни за что! Ненавижу запах ваксы!»

А потом к ней посватался Ванька-гармонист из соседнего села. Он был очень веселый. По нему сходили с ума все девки из окрестных сел. Анастасея дала согласие, и они сыграли шумную свадьбу. Однако сразу же после свадьбы Иван начал чахнуть, худеть и превращаться в ходячую мумию. Он так ослаб, что не мог даже поднять свою любимую гармонь. Вскоре он умер. И причину его смерти никто не мог сказать. Анастасея в это время была на сносях. Через два месяца после похорон мужа, она родила дочку, которую назвала Марией. В это время по губернии прокатилась коллективизация. Комиссары отбирали у крестьян все, до единого зернышка. В Хохловке начался голод. Хохловские, подъев запасы, принялись есть листья с деревьев. Они съели всю березовую рощу на краю деревни и подобрались к осиновой. Многие заколотили дома и подались в другие районы. А Анастасея умерла от голода. Ее дочери едва исполнилось два года.

— А как она смогла умереть, не передав колдовства? Она же была колдуньей?

Бабка развела руками, затем хитро прищурилась.

— Почитай, когда мужики зашли к ним в избу, то увидели, что Анастасея лежит мертвая, а ее дочка сидит у изголовья и расчесывает покойнице волосы.

— Ну и куда потом ее дочка делась? — нетерпеливо напирал Креончик. — Я слышал, ее удочерила какая-то семья из Кузоватова.

Старушка снова рассмеялась. На этот раз весьма ехидно.

— Померла эта семья. От холеры померла.

— И девочка тоже? — расстроился Креончик.

— Не, Мария осталась жива.

Креончик встрепнулся и преданно впился бабке в глаза.

— Она долго жила одна. Отвергала всех женихов. И вот на сороковом году незнамо от кого пригуляла дочку.

Сглотнув слюну, Креончик спросил дрожащим от волнения голосом:

— И где они сейчас?

— Здесь, в деревне. Где им, чай, еще быть?

— Что? — Не поверил ушам Креончик. — То есть, они живы, и их можно увидеть?

Старушка рассмеялась:

— А чего же нельзя? Да ты, чай, уж сто раз их видел.

— Кто же они? — удивился Креончик.

От ответа бабки Креончика хватил столбняк. Когда он опомнился, то со всех ног помчался к велосипеду. «Не фига себе! — тикало в мозгах. — Берестов сейчас окосеет».

Велосипед жалобно скрипел под исследователем. Попадавшаяся по пути живность оглядывалась на велосипедиста и понимала, что этот приезжий раздобыл нечто такое, чего невозможно держать в себе. С этим срочно нужно с кем-то поделиться, иначе разорвет от чувств.

Однако сразу поделиться сенсацией не удалось. Когда Креончик подъехал к школе, то в ней, как мы знаем, проходило внеочередное собрание. Пришлось принять участие. Но после собрания, когда в актовом зале еще кипели страсти, Креончик вывел Берестова в коридор.

— Ну что, готов сдохнуть! — сверкнул глазами Креончик.

— Всегда готов! Говори!

Креончик оглянулся по сторонам и заговорчески прошептал:

— Помнишь, бабка Оксана рассказывала у костра про колдунью Аграфену, которая никак не могла умереть и ей даже разбирали крышу?

— Ну.

— А помнишь, что ей привезли дочь, чтобы Аграфена передала ей колдовство?

— Ну.

— Так вот, я узнал, что ее дочь звали Анастасеей.

— И что?

— А то, что твоя Танечка родная внучка этой Анастасеи.

В тот же вечер Берестов с Таней брели по лугу навстречу заходящему солнцу, и Леня, перебирая нежные пальчики девушки, украдкой всматривался в ее лицо. «Неужели вправду внучка колдуньи? — мучился парень, и эти мучения не были лишены приятности. — А что? Похожа! Коса до пояса, стан упругий. Брови черные, а в глазах светится что-то сатанинское. О мамamia! До чего же она красива. А эти ямочки на щеках! Разве у нормальных девушек бывают такие ямочки?»

К своему удивлению Берестов ловил себя на том, что только сейчас рассмотрел ее как следует. Только сейчас до него дошло, каким сокровищем он чуть не пренебрег в пользу Светланы. Впрочем, при мысли о Светлане неожиданно тягучая козлиная тоска начала растекаться по груди. В ту же секунду Таня выдернула руку. Леня опешил. «Неужели читает мысли? Точно внучка колдуньи!»

— Ты чего? — с тревогой спросил Леня.

— Ничего, — ответила Таня и отвернулась.

Паренек попытался снова овладеть ее ручкой, но она спрятала ее за спину. Они побрели дальше через траву, но уже не вместе. Таня впереди, а Леня следом. Молчание затягивалось, Таня за что-то сердилась, и Леня чувствовал себя виноватым. В конце концов, он не выдержал, схватил ее за талию и развернул к себе.

— Ну, в чем дело, Танюша? Ты на меня за что-то обижаешься?

Девушка строго взглянула в глаза, и Берестову стало не по себе от этого взгляда. Ее зеленые глаза пронзили до самых позвонков.

— Ты точно меня любишь? — произнесла она.

— Конечно! — горячо воскликнул Леня. — Неужели ты не видишь? Да провалиться мне на этом месте!

Берестов непроизвольно скосил глаза на ноги, и Таня улыбнулась. От сердца отлегло. Когда он нетерпеливо впился в ее губы, перед глазами снова мелькнуло лицо Светланы. Таня отстранилась. «Сомнений нет! Колдунья!», — мелькнуло у Лени.

— Ну в чем дело опять? — притворно захныкал кавалер. — На что ты дуешься, скажи!

— Не скажу, — ответила Таня.

Потом посмотрела в глаза и обняла его. Какой покой разлился в ту минуту по всем жилам. «Таня из тех женщин, которые вносят в душу покой, — подумал Леня. — А Светлана из тех, которые вносят смятение... Опять Светлана... Ну, заклинило! Все! Хорош! Есть, вероятно, и такие женщины, которые приносят счастье. Но таких, кажется, я еще не встречал...»

6

В ту минуту, когда нашего героя в уютных объятиях Танечки осенило на мелкую философию, пролетарская общественность решила дружно выступить против сельского гегемона. Для этого пришлось втащить кровати парней в комнату девушек и забаррикадировать дубовым шкафом входную дверь. В качестве оборонного оружия решили использовать метлы, которые в неограниченном количестве валялись под лестницей. Из уважения к демократическим процессам в стране кровати сдвинули вместе, а столы поставили на попа напротив окон, чтобы отбивать внезапные атаки. Когда все оборонительные процедуры были завершены, шефы залегли рядком на застеленные кровати. Причем, Толик каким-то образом оказался в центре, посреди девчонок, а остальные парни — по краям. Если сказать, что у всех на душе лежало по камню, то это было бы вопиющей неправдой. У всех на душе было легко и весело от общей солидарности. Даже Шурик-Австралия отметил, что никогда ему еще не было так хорошо в колхозе, как сейчас, когда он лежал в общей комнате с девчонками рядом с Креончиком, глядя на потолок. Через некоторое время в окно заглянул Пашка. Он удивленно присвистнул и произнес:

— Ну вы даете, мужшины!

— Где ты видишь мужшин, валенок! — борзо отреагировал Розка. — Здесь одни девушки, не считая троих сбоку и одного посередине.

Все начали незаметно коситься на полудеву. Ее лицо зарделось. В глазах появился блеск.

— Ты слишком категорично относишься к нашим ребятам, — ответила Луиза. — А они единственные наши защитники.

Все почему-то засмеялись и начали стыдить Пашку за то, что он на словах, конечно, друг, а на деле — по ту сторону баррикады. Пашка засмутился. Вероятно оттого, что оказался в поле внимания такого количества девушек.

— Ты как? — воскликнула Анюта, покосившись на полудеву. — За нас, или против нас?

— За вас, — ответил Пашка и влез в окно.

Девчонки с готовностью раздвинулись, освободив гостю место рядом с Луизой. Пашка несмело прилег на расчищенное место, однако на пионерском расстоянии от полудевы, и закинул руки за голову. Креончик приподнялся на локте.

— Пашка, скажи только честно, глядя в глаза: в вашей деревне оборотни есть?

Все засмеялись. Но Пашка даже не улыбнулся.

— В нашей — нет, — ответил он серьезно.

— А Мария Ивановна, Танина мама?

Все притихли и удивленно повернули голову сначала на Креончика, потом на первого друга.

Пашка задумался. После ощутимой паузы, он неуверенно пробормотал:

— Да нет, за ней вроде такое не замечалось.

— Вроде? — подозрительно сощурился Креончик.

Пашка поводит глазами, и они замерли на потолке. Он долго молчал. Затем произнес полупшепотом:

— Всякие ходят слухи.

— Какие, например? — напирал Креончик.

— Ну... что она водилась с лешим. И что, якобы, от лешего она и родила Танечку.

— А от кого она родила Танечку на самом деле? — всполошились девчонки.

— А леший его знает!

— Не фигу себе, заявочки! — присвистнул Малахаев.

— Бедный Леня, он сейчас в опасности, — плаксиво всхлипнула Анята.

На издавших реплики пшикнули. Все снова открыли рты и уставились на дознавателя.

— А что за леший? — спросил Креончик.

— Да жил в лесу какой-то, — махнул рукой Пашка. — Никакой он не леший. Его видел дядя Гриша Анохин. И даже с ним дружил.

— Что за дядя Гриша? Почему не знаю? — удивился Креончик.

— Потому что его Федька дурачок расчленил.

— Это который алкаш что ли? — поморщился Илья. — Понятно! Такие обычно дружат не только с лешими и чертями, но и с зелеными человечками.

— Не скажи, — покачал головой Пашка. — Человек в лесу действительно жил. Это тебе любой скажет.

— И куда он делся? — поинтересовался Малахаев.

— А леший его знает.

После этого долго молчали, переваривая сказанное.

— А может, это был оборотень, — шепотом спросила Луиза.

И все засмеялись.

— Зря смеетесь, — укоризненно произнес Креончик. — Обратни действительно существуют. В архивах КГБ существует целый отдел по их изучению.

— Страсти Божьи! — перекрестилась Анята. — Разве такое возможно, чтобы человек превращался в зверя.

Малахаев вскочил с кровати и сделал обличающий жест.

— Если бы ты читала научные журналы, типа «Техника молодежи», то не сомневалась бы, что такое возможно. И этому есть научное объяснение. Вот Креончик мне не даст соврать.

— Почему не дам? — хмыкнул Креончик. — Ври, сколько хочешь!

— Обратни, — продолжил Малахаев, — это остатки мутантов, выходцы из обезьян. Одиннадцать тысяч лет назад в Атлантику упал планетоид, который прорвал атмосферный слой. Кто не погиб от радиации, те превратились в людей по ускоренной эволюции. У них был выбор, либо превратиться в людей, либо в зверей. Обезьяны долго раздумывали, потому что звери более живучие. Но в конце концов начали эволюционировать в людей. Однако за ними сохранилось право превращения в зверей, вот почему они и стали оборотнями.

— Пardon! — воскликнула Аня. — А одиннадцать тысяч лет назад кроме обезьян какие-нибудь люди были?

— Конечно, — невозмутимо ответил Малахаев. — Те самые, которые произошли от Адама и Евы.

— Разве? — почесал затылок Пашка. — А я слышал, мужшины, что от Адама с Евой произошли только евреи. Остальные — от обезьян.

Поднялся шум. Большинство предпочло произойти от обезьян.

— Все очень просто! — объяснил Малахаев. — Кто любит бананы, те произошли от обезьян. А кто яблоки — от Адама и Евы.

Все засмеялись. И хохот стоял довольно долго. Когда народ утих, голос подала Светлана.

— А я по поводу обратней читала другую версию.

— Где читала? — скептически перебил Малахаев.

— У Блаватской, — ответила Светлана. — Обратни — потомки атлантов. В Атлантиде была сильно развита черная магия. Там были такие сильные чародеи, что они одной мыслью могли изменить атомную решетку и перестроить биологическое тело человека в тело животного.

— Ну, наплела, — скучно зевнула Толик. — По-моему, все гораздо проще. Явление обратней не более чем массовый гипноз.

— Но это легко установить, — вмешался Шурик. — Достаточно сфотографировать оборотня.

— Точно! — подпрыгнул на койке Креончик, и кинулся обнимать Австралию. — Как я сам до этого не допер?

Девчонки все, как одна, сощурили глаза, и только Анюта их закатила на потолок и сладко пропела:

— Какое небо голубое.

— Если бы только небо, — ухмыльнулся Толик.

— О да! Голубизна налицо, — грубо резюмировала Розка, и Креончик понял, что дал маху.

Он притих. А Розка, после многозначительной паузы, предложила больше не пороть отсебятины, а продолжить вечер поэзии, поскольку у всех лирическое настроение.

— А у некоторых даже через чур, — ухмыльнулась она, бросив многозначительный взгляд на Креончика. — Я вспомнила еще одно стихотворение из дикой юности: «Благодарю, что не отдал концы!»

— Нет! — завопили девчонки. — Вечер поэзии уже был. Пришло время страстей Божьих!

Розке всеобщими усилиями удалось заткнуть рот, и от этого настроение у всех повысилось еще больше. Только у Малахаева настроение испортилось. «Странно у нее получается, — с горечью подумал он, — То она стихи терпеть не может, то вспоминает авангардные вирши с таким выкрутасами, от которых даже Пушкин зеленеет на своей Пушкинской площади. А может она вовсе не вспоминает из дикой юности, а сама их втихаря сочиняет?» — покрылся холодным потом поэт.

От этой мысли солнцу заводской поэзии стала совсем дурно. Как всякий сочиняющий стихи, он и мысли не допускал, что кроме него на это способен еще кто-то.

А тем временем дискуссия о невероятных явлениях продолжалась. Тут вспомнили, что оборотня можно убить только серебряной пулей.

— А как же на войне? — усомнился Пашка. — На войне же не стреляют серебряными пулями. А вдруг на тебя со шмайсером в руках прет оборотень. Это что же? Сколько не стреляй, а ему — как мертвому припарка?

Креончик стукнул себя по лбу и вскочил с кровати.

— Я вспомнил! — воскликнул он, как сумасшедший. — Я читал записки какого-то аббата о столетней войне. Он описывал, как многие убитые англичане через сутки оживали и исчезали из мест захоронения. Аббат уверял, что это оборотни. Их убить можно только тремя способами, либо стрелой с серебряным наконечником, либо сжиганием на костре живьем, либо путем расчленения на мелкие кусочки.

Девчонки зафукали и потребовали, чтобы Креончик сменил тему на более приятную. Однако по мере того, как за окнами темнело, разговор стал перетекать в космическое русло. Заговорили о бесконечности вселенной, о смысле жизни и о прочих вещах, которые непременно выплывают из темноты в виде летающих тарелок, гуманоидов и зеленых человечков.

Толик бил себя кулаком в грудь и доказывал, что луна — это памятник инопланетян из созвездия Ориона, а Розка кричала, что жизнь — это обмен белков.

— Что же такое сознание? — удивлялся Креончик. — Неужели только приложение к твоему обмену белков?

Быть приложением никто не захотел, и Розку наголову разбили теоретически. Вдобавок, пригрозили расправиться физически, если она не выбросит из головы подобную галиматью.

Короче, успокоились только в четыре утра. Не успокоился только Шурик-Австралия. Он почти не участвовал в споре, а только сокрушенно вздыхал по Австралии.

Враг не появился до четырех. А после четырех появился Берестов. Когда он влез в окно левого крыла, и перед его взором предстала практически пустая комната с его единственной кроватью посередине, то полуночник подумал, что его товарищей все-таки вынудили переселиться в гостиницу. Но оставалось непонятным, почему они потащились туда с собственными койками. Берестов решил взглянуть на Светлану (да-да, после свидания с Танечкой ему опять захотелось увидеть Светлану), да потопать по стопам своих бедных товарищей. Но когда он взобрался на подоконник правого крыла, то едва не свалился в палисадник от изумления. Его товарищи спали в обнимку

с девчонками прямо в одежде на демократически сдвинутых койках. Дверь была наглухо забаррикадирована, однако все четыре окна распахнуты настежь.

Светлана спала. И была прекрасна, как ангел. Не спал только Шурик, продолжавший ностальгировать по Австралии. При виде Берестова он оживился и принялся радостно пересказывать всю эту галиматью, которую несли ночью доморощенные мыслители. Народ стал просыпаться и упрекать Австралию, что он перевирает детали. И спор возобновился снова.

Но у Берестова и без их кудахтанья с головой творилось что-то неладное. Покосившись на Светлану, которая все еще спала, или делала вид что спала, Леня спрыгнул с подоконника и поплелся в левое крыло покемарить до завтрака.

7

К завтраку Берестов не проснулся. Впрочем, не он один. Правое крыло также было в отрубке. Петр Иванович, не дождавшись шефов на площади, отправился в школу. Когда он заглянул в окно комнаты девочек и увидел весь этот вертеп, то почему-то радостно загоготал и побежал в Правление. Судя по всему, такой откровенный размах демократии он наблюдал впервые.

Креончик проснулся раньше всех и, толкнув Шурика, сказал, что уматывает в город по срочным делам. Все остальные, продрвав глаза, отправились в лес. В лесу отыскивали большую поляну и залегли в траву, как партизаны.

Небо было ослепительной голубизны. В воздухе — ни ветерка. От деревьев — ни шороха, ни трепета. Однако на душе у всех будто лежало по кирпичу. «Вот оно — лоно девственной природы и пенье сереброголосых соловьев, — с горечью подумал Малахаев, — даже можно разглядеть златокудрых девственных (или полудевственных) нимф, если напрячь воображение. Чем не условия для сочинения стихов? Однако — нет! Не сочиняется...»

Как обычно бывает, народ начал искать виновных. И в «козлах», как ни странно, снова оказался Берестов.

— Все из-за вас, стихоплетов! — дружно кричали ему в затылок. — Все российские несчастья! Не писалось ему о девах и розах. Нет! Подавай о вине и нагане.

Еще много чего несправедливого бросили в спину бедному поэту, когда лежал он в пышной траве с милыми букашками, уткнувшись носом в матушку-землю. И Малахаев втайне ему завидовал. Если бы его также стенали за стихи — это было бы пределом его мечтаний. Он бы молча и гордо снес все нападки. Ведь что с нее возьмешь, с грубой неотесанной толпы.

Берестов тоже молча снес все нападки. Даже те, которые вызвали у него недоумение. Например такие, что он безответственно крутит роман с дочерью лешего. «Они что, нитратов нанюхались», — подумал изгой и, гордо поднявшись, удалился в лес. Слушать обиды ему было не в напруг. Но он не хотел, чтобы при Светлане лишний раз упоминалось о его романе с Танечкой.

После ухода Берестова стенающие массы набросились на «них». Верховодить принялась Розка, поскольку у полудевы разболелась голова после кошмарной ночи, и она осталась в школе. С Пашкой, естественно.

— Ничего! — сотрясала кулаком Розка, кивая в сторону центральной усадьбы. — Мы еще доберемся до вас! Мы еще в газету напишем!

— Не напечатают, — мрачно вздохнул Малахаев.

— Не напечатают — выпустим самоиздат! — не унималась Розка.

— Посадят, — сказал Малахаев.

— Пусть сажают! Все равно выпустим!

— Бумагу не найдете.

— Бумага — ерунда. Главное — порнографическая база.

— Полиграфическая, — поправила Светлана.

Берестов вернулся из леса с огромным луком, который он сделал из березовой ветки. И когда единственная Светлана не подняла голову на его приход, ему тут же захотелось застрелиться. Однако застрелиться из лука не так просто. Да и не дала бы возмущенная общественность. Поэтому Леня, срезав

с кустарника прутья для стрел, принялся от отчаянья пулять по воланчику, который ракетками гоняли девчонки.

— Прекрати! — сказали ему. — Иначе в кого-нибудь попадешь.

— Ха! — ответил Леня. — Я стреляю, как Чингачгук.

И из тридцати человек, безмятежно отдыхающих на поляне, Большой змей не попал только в самого себя. Разумеется, подобная фамильярность не вызвала ни у кого восторга, и противоречие между поэтом и толпой начало произвольно превращаться в лютую ненависть.

Ненависть, как понятие, Берестов не понимал. Он признавал только бескорыстную любовь к ближнему, поэтому ушел в поле еще более непонятый толпой. Там он свалился в траву и устремил взор в бесконечные горные просторы.

Более четырех часов горемыка всматривался в небо, не понимая, почему его не хочет замечать Светлана. А на пятом, когда он успокоился и задремал, на него неожиданно наехал велосипед. Разумеется, только Креончик со своими неординарными мыслями мог задавить единственное мыслящее существо в этом насквозь прострекоченном поле. Берестов охнул, а Креончик загоготал как гусь, у которого прорезался зуб.

— Посмотри, что я привез! Шампанское! А еще фотоаппарат.

Физиономия Креоничка светилась как фосфорная стрелка командирских часов. Вглядевшись в этот вечно сияющий циферблат, Леня неожиданно понял, что еще не время унывать.

— Ура! — завопил он на всю вселенную. — Сегодня пьем!

Полчаса спустя настроение заводчан заметно изменилось. Они возвратились в школу. Все засуетились, забегали. Взаимные обиды были навсегда забыты. Девчонки принялись гладиться, краситься и греть кипятильниками воду для мытья головы, словом, торжественно готовиться к гулянке. Малахаев поэтически про себя отметил, что женщины к свиданиям, танцам и попойкам готовятся одинаково.

Мужчины, между тем, тоже готовились. Но по-другому. Они сбросились на более существенное, нежели шампанское. Шурик запрыгнул на велосипед

и покати́л в райо́н в наде́жде раздобы́ть огненной воды. В такой час это было не реально. В тот год в винные магазины стояли очереди гораздо внушительнее, чем в мавзолей. За водкой записывались с четырех утра. Однако все почему-то были уверены, что Шурику повезет.

— Дохлым и прибабахнутым всегда везет! — уверила Розка.

Девчонки собрали дров и растопили баню. Когда они парились, визг разносился по всей деревне. В это время пацаны взяли в оборот Пашку, чтобы он достал литр самогона.

— Ты ведь крутишь с Луизой, так? — строго погрозил пальцем Креончик.
— Ну и? Умыкнул у нас лучшую бабу, и даже бутылки не поставил.

— Ой, как не по-товарищески, — поддержал Малахаев.

— Не по-джентльменски, — покачал головой Берестов.

— И вообще не по-советски, — добавил Толик.

— Ладно, мужшины, — вздохнул рыжий друг. — Поставлю.

Пашка выпрыгнул в окно, и Толик укоризненно покачал головой.

— По-хорошему, это мы ему должны поставить бутылку. Если бы не он, полудева оторвалась бы на нас по полной. Пахали бы день и ночь!

Это невероятно! Но Австралия возвратился с пятью бутылками водки. Следом явился Пашка с литром самогона. Среди шефов это вызвало необычайный патриотический подъем. Если бы какой-нибудь западный аналитик увидел бы их утренних — унылых, чахлах, безжизненных, и теперешних — веселых, радостных, счастливых, заговорил бы о загадочной русской душе. А между тем, никакой загадки нет.

Разве познать западным людям шальную российскую радость, когда из беснующейся винной очереди, точно с поля боя, выносишь над головой авоську со спиртным. Все-таки, в странах, где со спиртным напряга нет, о такой эксклюзивной радости и слыхом не слыхивали. А все потому, что их правительство, в отличие от нашего, не может дать своему народу лишнего повода для счастья, потому что, прямо скажем, гнилое у них правительство.

К вечеру койки в правом крыле школы были снова раздвинуты, но разом содвинуты столы, какие только нашлись. И заводские шефы, развеселые, как сукины дети, расселись вокруг них с вакханальным блеском в глазах.

8

Берестов не любил спиртного. Однако на этот раз набрался капитально. Светлана по-прежнему не смотрела в его сторону, и от этого на душе было тяжело. Ничего не оставалось, как чокаться направо и налево, перебивать произносящих тосты, отпуская саркастические шуточки, и выкрикивать бессмертные строки из своего необузданного стихотворения.

Леню одергивали. Но чем больше его одергивали, тем упрямей ему не хотелось оставаться трезвым. Он опять тянулся к своему граненому стакану и не замечал, как лица его товарищей все больше вытягивались. Наконец, когда ему оставалось двадцать капель, чтобы дойти до грани, общественность решила отправиться в клуб.

В клубе наш герой отплясывал как жеребец, получивший медаль «За отвагу», кричал, хохотал, звал маму мию и римского папу и опять-таки выкрикивал заплетающимся языком наиболее дикие строки из своего шедевра «Тяжело в деревне без нагана». При виде полудевы с Пашкой он завопил: «Горько!» И тут же выдал эпиграмму:

— А вот пришла Луиза с остатками сюрприза...

Закончить не дали товарищи. Креончик с Малахаевым взяли его под локотки и вывели на свежий воздух. Даже с кашей в голове Леня не мог не отметить, что ночь чудесная. Над головой российская бездна звезд, под ногами светлячки. Пахло ночной травой и нежно веяло прохладой. Неожиданно Берестов увидел Таню. Она сидела на скамейке под тополем, одинокая и грустная. Берестов нетвердой походкой направился к ней. Он плюхнулся рядом и взял ее руку. Она не повернула головы.

— Танюш, ну ты чё? — произнес он заплетающимся языком. — Да ладно тебе...

В это время в клубе заиграли медляк, и Берестов, востропавшись, потащил ее в клуб.

Танцевали без особого трепета. Даже мало соображающий Леня понимал, что Тане с ним стыдно. Он был неуклюж и бестолков. Его без конца заносило, и Тане приходилось его придерживать. В глазах у девушки была тревога, а пьяные глаза кавалера без устали рыскали по клубу в поисках Светланы.

Светлана тоже танцевала с каким-то местным гавриком. После окончания медляка Таня исчезла. Берестов снова нашел ее на той же скамейке под топодем. Он бесцеремонно схватил ее за руку и снова потащил в клуб, в бешующуюся толпу. За этот вечер Берестов сто раз терял и находил Танечку. В конце концов, она исчезла окончательно, и Леня про нее забыл.

Теперь все его внимание переключилось на Светлану. Он не выпускал ее из виду ни на секунду. Среди местных парней русоволосая красавица с ангельским взглядом была нарасхват. Лене это не нравилось. Он порывался подойти к ней и пригласить на танец, но понимал, что его вихляющаяся походка и пьяное распаренное лицо не обрадуют девушку. Словом, Берестов продолжал дурачиться и куралесить.

В конце концов, его, как и всякую возвышенную личность, потянуло на крышу вслед за Малахаевым. Впрочем, Берестова успели оторвать от водосточной трубы, но он продолжал сопротивляться и обличающе бросать в смеющуюся толпу:

— Всех не удержите! Долой подмену демократии Никарагуанским контраст.

— Точно! — с горящими глазами поддержал Шурик. — Долой подмену Австралии сварливыми женщинами.

Малахаев в это время был уже на крыше и, бросая вниз зажженные спички, кричал:

— Америкосы, мы вас не боимся!

Словом, каждый выказывал дурь в своей индивидуальной интерпретации. Полудева психовала. А Пашка все увиденное принимал за высшее проявление культуры. Не скрывая восхищения, он периодически восклицал:

— Ну, вы даете, мужшины.

Тем временем, пока встревоженная толпа носилась вокруг клуба, ломая голову над тем, как спустить на грешную землю солнце заводской поэзии, Берестов через распахнутые двери клуба увидел плачущую Светлану и трех местных парней, которые докапывались до нее далеко не джентльменским способом. Один из них дергал ее за руку, пытаясь стащить с кресла, но Светлана, вцепившись ногтями в подлокотники, отчаянно упиралась.

— Сказала же, не хочу с вами ехать, — донеслось до Берестова. — Оставьте меня в покое!

Эти орлы были из Коромысловки. Берестов нетвердой походкой подошел к компании и раздвинул парней локтями.

— В чем дело, ребята, — произнес он заплетающимся языком.

Светлана подняла глаза на Леню с надеждой, что он уведет ее отсюда. Парни же напротив, презрительно осмотрели шефа с ног до головы, и один из них сплюнул на пол.

— Это еще кто такой? — произнес сквозь зубы самый здоровый. — А ну, вали отсюда! Не с тобой разговаривают.

— Сам вали! — ответил Леня и протянул девушке ладонь.

Светлана доверчиво улыбнулась и подала руку. Берестов, крепко сжав ее кисть, спокойно поднял девушку с кресла и повел на выход. Глаза парней брызнули злобой. Они ничего не сказали, и дали им выйти из клуба. Только перед самым выходом один из них изрыгнул в спину:

— Мы с тобой еще встретимся.

Леня со Светланой шли по ночному поселку, по-детски взявшись за руки, и на душе было хорошо. Кавалер иногда спотыкался о какие-то кочки, и еще пару раз его занесли в траву. Но видит Бог, Берестов изо всех сил старался быть устойчивым и про себя досадовал, что так бессовестно набрался.

Дальше Леня помнил очень смутно: какие-то камни на дороге, какие-то цепляющиеся за штаны кусты, какие-то диковинные коряги, и еще какая-то черная собака, перекрывшая им тропинку. При виде нее Светлана вскрикнула. Это Леня помнит хорошо. Он прикрыл собой девушку, поднял с земли

камень и замахнулся. Собака отбежала, но не далеко. Она то шла за ними, то путалась под ногами.

Когда они дошли до школы, Леня предложил Светлане посидеть на скамейке. К его удивлению она согласилась, потому что к этому времени его развезло до такой степени, что он уже не мог произнести ни одного членораздельного слова. Именно на скамейке Берестов предпринял две отчаянные попытки поцеловать возлюбленную в щечку. И оба раза Светлана увернулась. На третьей попытке герой-любовник уснул на ее плече. Вот и все.

Хотя нет! В памяти было что-то еще. Ах, да! Какая-то вспышка. То ли зарница, то ли молния. А может, ни то, ни другое. Но что-то было. Ведь вскрикнула же от неожиданности Светлана и дико взвизгнула собака.

Как потом Леня оказался в собственной постели? Для него осталось загадкой.

9

Когда ульяновскому следователю привели на допрос милиционера, открывшему мошеннику ворота, то ему почему-то подумалось, что сегодня наконец будет удача. Войдя в кабинет в сопровождении охранника, бывший министерский страж с такой мольбой взглянул в глаза, что Шерафутдинову стала его жалко. Он почувствовал, что подследственный вывернется наизнанку, но непременно вспомнит все, чего даже не было.

Следователь кивнул на стул и отпустил охранника. Милиционер выглядел неважно. Он был жалким, растерянным, растрепанным. Подследственный присел на краешек стула и виновато сжался, прикрыв руками живот, словно его собирались бить. Было заметно, как сильно он раскаивается.

— Курите! — доброжелательно спросил Шерафутдинов и протянул ему пачку с сигаретами.

— Спасибо, — благодарно произнес мужчина и дрожащими руками вытянул сигарету.

Закурив, он сторбился еще больше и спрятал взгляд под стол.

— Как же вы так оплошали, Алексей Дмитриевич? — покровительственно пожурил следователь.

Милиционер поднял виноватые глаза.

— Вы знаете, будто черт попутал! — начал он с жаром. — Он подошел, и сказал: выпусти меня минут на двадцать. Министр велел купить бутылку водки, потому что сейчас явится немецкая делегация, а немцы — очень любят шнапс. Ну, я и выпустил. Я ведь что подумал, что в Министерство посторонних не пускают. Все-таки государственная организация. Всякий сброд тут не ходит.

Шерафутдинов хмыкнул и недоверчиво повертел головой.

— И поэтому даже пропуск не спросили?

— Спросил! — преданно посмотрел в глаза милиционер. — Сразу же спросил. Но он порылся в карманах и сказал, что так торопился, что оставил пропуск в кабинете.

— А кем он представился?

— Помощником министра.

— А вы разве не знаете в лицо помощника министра? — сощурился следователь.

Милиционер дернул плечом и беспомощно всплеснул руками.

— Я и министра-то в лицо не знаю, не то что помощника. Извините! Больше никогда такое не повторится. Клянусь! Вы мне верите?

Преданные, полные патриотизма глаза, казалось, прожгут дознавателя насквозь. Шерафутдинов улыбнулся и раскрыл папку.

— Я-то верю. Но поверит ли правосудие? К тому же, вы получили взятку, будучи при исполнении.

— Да какую взятку? — простонал милиционер. — Я без всякой взятки открыл ему ворота. А он перед тем, как выйти, неожиданно сунул мне в карман эти несчастные две сотни...

Милиционер умолк и снова уставился под стол. Это было не совсем правдой. После того, как незнакомец, не предъявив пропуска, представился помощником министра, постовой заколебался и отнюдь не торопился распах-

нуть ворота. Вот в эту колеблющуюся минуту, когда милиционер склонялся к тому, чтобы отправить его через центральную проходную, незнакомец с широкой улыбкой и сунул ему в карман две сторублевки, пояснив, что это премиальные от министра.

Следователь понял, что постовой не вполне искренен, но ловить его на неточностях не стал. У него была другая задача.

— Ну ладно, — произнес он миролюбиво. — Поскольку вы чистосердечно признались и раскаялись, вам будет снисхождение.

— Я сразу же признался, сразу! — стукнул себя в грудь милиционер. — Вы верите?

Следователь сделался серьезным и достал из папки незаполненный бланк протокола.

— А сейчас вы должны вспомнить внешность этого человека, — строго произнес Шерафутдинов. — До самых мельчайших деталей. Этот человек — крупный аферист. Дело о его преступлениях на контроле у самого министра, Александра Владимировича Власова.

— Все вспомню! — сверкнул глазами подследственный.

Шерафутдинов выдержал небольшую паузу, затем пронзил собеседника взглядом профессионального дознавателя.

— Как он выглядел?

— Обыкновенно выглядел, — сморщил лоб милиционер. — Одет простенько. Серенькие кооперативные варёнки, синие кооперативные кроссовки под «Адидас». Темно-фиолетовая рубашка. На плече кожаная сумка с ручкой. В руках целлофановый пакет.

«Ого! — удивился про себя следователь. — Таких точных ориентировок еще никто не давал».

— Почему решили, что на нем были кооперативные джинсы и кроссовки, — спросил следователь.

— Фирменные вещи видно сразу. А на нем — чистый дербас провинциального пошива.

Шерафутдинов удовлетворенно хмыкнул.

— На сколько лет он выглядит?

— Выглядит он молодо, — ответил милиционер. — У него легкая походка и раскрепощенные движения, как у пацана. С первого взгляда ему можно дать лет тридцать пять. Но мне бросились в глаза его морщины у глаз. Они довольно глубокие. Ему лет сорок пять, не меньше.

«Ого! — во второй раз восхитился следователь. — Да ему в МУРе нужно работать, а он простой дежурным на КПП».

— Какого он роста?

— Роста? — переспросил милиционер. — Приблизительно моего. А у меня метр семьдесят шесть.

Шерафутдинов от волнения заерзал на месте.

— Какие у него глаза, нос, рот, овал лица? — спросил он нетерпеливо.

Милиционер задумался. И надолго. Прежде, чем он начал отвечать, Шерафутдинов перебрал про себя все матерные слова.

— Лицо у него обыкновенное, — неуверенно начал милиционер. — Причем настолько обыкновенное, что и сказать ничего нельзя. Особых примет не заметил.

Милиционер вздохнул и виновато уставился на следователя.

— Цвет глаз помните? — не терял надежду Шерафутдинов.

— По-моему, у него карие глаза. Хотя нет, скорее болотного цвета.

— Болотного? Вы уверены?

— Нет, не уверен, — покачал головой подследственный.

«Про болотный цвет свидетели упоминали, — отметил про себя следователь. — И это говорит о том, что истина где-то рядом».

— Какой у него нос, губы?

— Обыкновенные, — пожал плечами милиционер.

Больше никаких подробностей из фигуранта выбить не удалось. Единственно, что он добавил, что лицо у мошенника круглое, хотя, может быть, немного сужено к подбородку. И что у него располагающая к доверию улыбка.

Шерафутдинов достал фоторобот Пензенского мошенника и положил перед подследственным.

— Похож?

— Нет! — поморщился милиционер. — Хотя...

Присмотревшись внимательней, милиционер поднял глаза на следователя.

— Вы знаете, в деталях вроде похож. Глаза, нос, рот, как бы те же. А в совокупности — не он. Тот был веселый, а этот какой-то мрачный.

Следователь поднял телефонную трубку и набрал номер начальника СИЗО. Он попросил оформить бумаги на вывоз подследственного из тюрьмы для составления более точного словесного портрета преступника. Положив трубку, Шерафутдинов взглянул на подследственного и улыбнулся.

— Алексей Дмитриевич, не для протокола! Есть подозрение, что преступник обладает гипнозом. Каково ваше мнение?

— Гипноз не для меня! — оживился милиционер. — Я гипнозу не поддаюсь. Каждый раз, когда я прихожу на концерт гипнотизера, тот меня вычисляет и выгоняет из зала.

«Это, по крайней мере, объясняет, почему он запомнил столько деталей», — подумал Шерафутдинов.

10

Утро следующего дня для шефов было тяжелым. Если за день до этого игнорирование сельхоз работ еще можно было притянуть к протесту против колхозной деспотии, то результатом данного невыхода на поле явилось тяжелейшее похмелье. На завтрак снова проспали. Причем даже те, которые не пили. В основном, девчонки. Видимо, спиртовые ароматы, стоявший в девичьей комнате, никак не способствовал бодрому пробуждению. Около одиннадцати утра Луиза с трудом разлепила глаза, взглянула на часы и страдальчески застонала.

— Все! Нам конец, — прошептала она и накрыла себя подушкой.

В наше время детские страхи Луизы кажутся смешными. Теоретически, с кем не бывает? Однако практически городские шефы имели три серьезных нарушения: неподчинение, нетрезвый образ жизни и двойной не выход на работу. Такой тройное сочетание «не» при тогдашнем мышлении уже никто

не рискнул бы назвать случайностью. Такое сочетание наводило о звеньях одной цепи. Кому, как ни Лузе было знать, что этого вполне достаточно, чтобы разнузданными заводчанами занялись некие товарищи в штатских костюмах с подозрительно военной выправкой. Да-да, те самые, что раскалывают на черных «волгах» с жутковато тонированными стеклами.

Луиза пролежала без движения около часа, потом вскочила.

— Девочки, поднимайтесь! Пора на работу.

Поднялась только Розка. Она посмотрела на часы и вредно загоготала:

— На работу уже поздно. А на обед еще рано.

Розка снова рухнула на кровать и через минуту издала храп далеко не девичьего характера.

— Подъем! — стервозно завопила Луиза. — Чтобы через пять минут все уже встали!

Проснулись не все. Да и те, кто проснулся, сделали возмущенные лица. Словом, было от чего прийти в отчаянье.

Луиза направилась к парням в правое крыло. Мужская комната напоминала вертеп. Кровати стояли черти как, некоторые посередине комнаты. Вчера после танцев орлы их перетасили из комнаты девчонок обратно к себе.

— Ребята, вставайте! Сегодня нужно выйти на работу, — сказала Луиза, морщась от крепкого самогонного запаха.

Никто не шевельнулся. Комиссарша подошла к Малахаеву, чья кровать стояла посередине комнаты и принялась его трясти.

— Виктор! Виктор! Проснись! Пора на работу.

— Я не могу! — простонал он. — Я болен. У меня это... Кельтский эпос.

Малахаев действительно был очень бледен. Лицо белое с зеленым отливом, под глазами серые мешки.

— Какой еще эпос? — растерянно пробормотала Луиза, отступая к кровати Шурика.

— Ну, этот... Кельтский. Дристан и Изольда!

— Господи, — простонала Луиза и повернулась к Австралии.

— Саша, вставай!

— Не могу, — простонал Австралия, не открывая глаз.

— У тебя тоже Кельтский эпос?

— Не в полном объеме, — всхлипнул Шурик. — У меня только Изольда.

Как бы в подтверждение, у него начались рвотные спазмы. Он вскочил с кровати, подбежал к окну и, перевесившись через подоконник, издал те самые звуки, от которых в панике разбегается все животные.

— Фу! — воскликнула женщина и поспешно покинула комнату, сообразив, что от них ничего не добьешься.

«А пропади оно все пропадом! — махнула рукой Луиза. — Пусть катится, как катится».

Она вернулась на правую половину и снова завалилась в постель. Некоторые девчонки уже проснулись и, зевая, сидели на кроватях. Увидев, что командирша снова легла спать, они удивленно переглянулись.

— Так мы выходим сегодня на работу, или как? — с недоумением спросили они.

— После обеда выйдем, — ответила Луиза.

Но после обеда почему-то не приехала машина. Шефы вышли из столовой и начали крутить головами.

— Хоть режьте меня на куски, но пешком на морковное поле я не пойду, — произнесла Аня.

— А никто и не собирается идти пешком! — подхватили остальные. — Мы, извините, не пингины.

Луиза промолчала. Она села на крыльцо и закурила. Все вокруг тоже расселись, кто на что. Автобус прождали до трех часов. Потом, посоветовавшись, решили возвратиться в школу.

Парни еще не вставали. Точнее, встал один только Креончик. Он тронул Берестова, который уже проснулся, но лежал с закрытыми глазами.

— Ты случайно не знаешь, в деревне кто-нибудь увлекается фотографией?

Леня долго переваривал вопрос. Наконец ответил, преодолевая дикую боль под теменем:

— Ты меня спрашиваешь? Спроси у Пашки. Он все знает.

— Вряд ли кто увлекается, — почесал затылок Креончик. — Придется ехать в город.

— А что ты хотел? — поинтересовался Толик.

— Пленку проявить и фотографии напечатать.

Берестов поднялся, вышел во двор и вылил на себя ведро холодной воды. Стало значительно лучше. Он намочил полотенце, положил на лоб и снова прилег. «Скорее бы вечер. Скорее бы отправиться к Танечке, чтобы поплакаться в ее хрупенькое плечико на невыносимую жизнь в этом ужасном колхозе», — подумал он.

11

Вечером Леня встретился с Таней там же, на окраине села под огромным дубом. Таня была грустной и молчаливой. Берестов чувствовал себя виноватым, поэтому разговаривал с ней чрезвычайно осторожно. В его голосе даже появились чужеродные нотки заискивания. Однако Таня либо отвечала отрывисто, либо вообще отворачивалась, брезгливо кривя губы. Кроме того, в ее глазах ежеминутно наворачивались слезы.

«Во блин! А еще внучка колдуньи! — подумал Леня. — Ведет же себя как среднестатистическая деревенская баба».

— Скажи, в чем я виноват? — ласково допытывался Берестов. — Если виноват, прости! Я готов искупить вину.

Леня взял ее руку и хотел поцеловать, но она вырвала. Терпению пришел конец.

— Слушай, я не понимаю, — с раздражением произнес он. — Я думал, ты адекватная девушка. Я даже всерьез подумывал на тебе жениться...

Таня как ошпаренная вскочила на ноги и быстро одернула платице.

— Женись на своей шансонетке!

Она повернулась и пошла прочь. Леня недоуменно пожал плечами. Потом крикнул вслед:

— Я провожу.

Таня молча прибавила шагу, но кавалер ее догнал и пошел рядом. За все время пути они больше не перемолвились ни словом. Также, молча, Таня толкнула свою калитку, за которой звенела цепью кавказская овчарка и шагнула во двор. Прежде, чем закрыть за собой калитку, она обернулась и посмотрела Леониду в глаза. В ее глазах было отчаянье.

После того, как калитка психически захлопнулась, оглушив всю деревню и едва не прищемив кавалеру нос, бедняге ничего не оставалось, как развернуться и отправиться в школу.

На пришкольном дворе было все, как всегда. Толик пел на лавочке что-то бесконечно унылое, Малахаев позировал перед фотоаппаратом Креончика, делая художественные позы, чтобы любой редактор толстого журнала мог увидеть, что перед ним истинный поэт, Шурик рассказывал сказки об Австралии, Луиза с Пашкой сидели на лавочке и уютно грызли семечки, девчонки играли в волейбол.

Но едва Берестов переступил через порог школы, к нему навстречу метнулась Светлана, как к единственному защитнику. Леня заглянул в ее ангельские глаза и неожиданно понял, что любит только ее. А Таня — это так, мимолетное увлечение.

Не знал Леня, что произошло полчаса назад в комнате девчонок. И хорошо, что не знал.

12

А час назад, когда Леня с Танечкой еще сидели под дубом, из комнаты девчонок повеяло затхлым запахом спиритизма. Когда Толик с Малахаевым, привлеченные столь таинственным ароматом, заглянули в правое крыло, то их взорам предстала странная картина. Расположившаяся за столом Розка держала на ниточке золотое кольцо, и притихшие девушки с серьезным видом подсовывали под него белое блюдечко с голубой каемочкой. Когда кольцо встало строго по центру блюдечка, Розка закатила глаза к потолку и с леденящими душу завываньями воззвала:

— О, приди! О, приди к нам великий дух Михаила Юрьевича Лермонтова.

Девчонки все как одна вздрогнули, а некоторые даже в замешательстве попятились к двери. Малахаев скептически ухмыльнулся и, лукаво подмигнув, ткнул Толика локтем.

— Скажи, Михаил Юрьевич, — еще более торжественно завывала Розка. — Что ты имел в виду в своем стихотворении «Настанет год, России черный год?»

Наступила пронзительная тишина. Девчонки испуганно впились в кольцо на ниточке, но оно и не думало шевелиться. После минутного молчания, Малахаев произнес:

— Вопрос не конкретный. Спроси его лучше, такой год уже наступал, или он еще впереди?

Розка согласилась с Малахаевым, и в базарно-вопросительном тоне уточнила, наступил ли уже этот год на пятки невымытой России с голубыми мундирами, или ему еще только предстоит отдавить носки многострадального отечества?

Кольцо над блюдцем мелко задрожало, и все зашикали на Розку, чтобы она прекратила возбуждаться в такой ответственный момент.

— Это не я! Это Лермонтов! — огрызнулась гадалка.

Тогда сообща решили, что черный год для России еще не наступал. Что это у страны в будущем. Рассудили так: мелкая дрожь символизирует страх. Если черный год уже был, то бояться же нечего, поскольку страха перед прошлым не бывает, а страх перед будущим — постоянно.

Когда снова наступила тишина, кольцо неожиданно выскользнуло из рук гадалки и звонко ударилось о блюдце. От неожиданности девушки взвизгнули и начали пшикать на Розку, мол, не серьезно она относится к данному процессу.

— Да вы что? Думаете, я? — выкатила бешеные глаза Розка. — Это оно само! И вообще, идите вы, если будете здесь топтаться и дышать в затылок.

Общественность сошлась на том, что Лермонтов отвечает слишком уклончиво, поэтому решила поскорее отпустить его скользкий дух. На смену девушки вызвали простодушный дух Розкиной бабки, которая ушла из жизни.

ни в прошлом году. У нее Розка спросила о самом сокровенном, от которого перехватило дыхание у всех девчонок: выйдет ли она в этом году замуж?

Кольцо и не подумало шелохнуться.

— А в следующем? — спросила Розка.

Кольцо по-прежнему осталось без движения.

— А через два года?

Сзади кто-то прыснул. Поскольку кольцо на ниточке также не подавало признаков жизни, девчонки предположили, что дух Розкиной бабки не прилетел.

— Я чувствую, что бабушка здесь, — огрызнулась Розка. — Ну, хорошо, скажи бабуля, я вообще когда-нибудь выйду замуж?

Кольцо с сомнением покачалось над блюдечком, и Розка воскликнула:

— Вот и прекрасно! Честно говоря, я презираю всякие браки, кроме пунктуальных!

— Пуналуальных, — поправила Светлана.

— И вообще, — продолжила Розка, — по моим наблюдениям, все несчастья и зло, царящие на земле, все оригинальные конфликты...

— Региональные, — поправила Светлана.

— Весь Содом и Гоморра происходят от жизни людей в браке.

Розка схватила блюдечко и запустила его в окно. Было слышно, как оно вдребезги разбилось о камень, отрикошетив от штакетника. Девчонки недоуменно переглянулись, парни расплылись в придурковатых улыбках.

— Честно скажу! — продолжала неистовствовать Розка. — Над блюдечком гадать — типичное средневековье. Все уважающие себя спириты работают с вазами!

Вазу отыскали моментально. По счастью она, сильно запыленная, стояла с тремя сухими веточками на шкафу.

— Выбросить аксельбанты в окно, а вазу на стол, — приказала Розка.

Три засохшие веточки полетели вслед за блюдечком. Вазу протерли и поставили перед Розкой. Розка сморщила нос и сказала, что у вазы отколот

краешек. С отколотым краешком духи отколют такое, что не найдешь ни дна, ни покрышки.

— Не пойдет, — резюмировал Розка. — На картах гадать всего надежнее. Дайте мне карты!

Карты ей дали. Но тут опять произошла беда. Не позднее, чем полчаса назад картами играли в дурака. Любая игра низводит магическую силу на нет. Чтобы опять вернуть картам гадалоубойную силу, на них следует посидеть нецелованной девочке.

Девушки принялись растерянно озираться, а Толик с Малахаевым затряслись от беззвучного смеха. Когда, при всеобщем унынии, Розка решила отложить гадание до лучших дней, Светлана неожиданно отбросила свое вязание и предложила:

— Давайте я посижу.

Девчонки снова переглянулись. На этот раз недоуменно. От многих не ускользнуло, какие умиленные взоры послали Светлане Толик с Малахаевым. Не заметили они лишь, что глаза Розки налились ненавистью.

Толик стал непроизвольно перебирать на гитаре окуджавскую мелодию «В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы», а Малахаев, вытащив блокнот, начал в него что-то вдохновенно записывать. Через минуту они вышли. Малахаев сочинять шедевр под рабочим названием «Стихи о прекрасной даме», а Толик — перекурить.

Едва дверь за ними захлопнулась, Розка бросила на стол карты и поднялась. Она поманила к себе Анюту и стала недобро шептать ей что-то на ухо. Любопытство взяло и других девчонок. Они подошли послушать. Чем зловещей становился шепот Розки, тем ярче разгорались глаза у девчонок. В какой-то момент наступила тишина. Девчонки с недобрыми улыбками посмотрели на Светлану. Затем медленно подошли к ее кровати. Сидя в позе лотос, Светлана по-прежнему продолжала вязать джемпер. Она удивленно подняла глаза.

— Вы чего? — спросила она.

Никто не ответил. Только Розка зловеще ухмыльнулась.

— Ну что, наш Светик? Принцессочка ты наша ненаглядная. Что же ты забыла сделать мне замечание с икебанами?

С минуту было тихо. И вдруг все с хохотом ринулись на девушку, повалили на кровать и, закрутив руки, принялись стаскивать с нее джинсы.

— Так ты еще и девочка, — качала головой Розка. — А не обременительно тебе носить такой груз?

Светлана отчаянно сопротивлялась, пытаясь добиться разъяснений. Однако все было тщетно. Джинсы в конце концов были стащены и несколько рук вцепились в ее трусики.

А Розка в это время извлекала из чемодана зонтик с длинным наконечником.

— Ничего, ничего! — злобствовала она. — Сейчас мы тебя избавим от непомерного груза.

До Светланы, наконец, дошло, что хотят сделать с ней подруги. Она издала такой отчаянный визг, что девчонки ее отпустили. Светлана запрыгнула с ногами на кровать и, вырвав из под ног одеяло, кое-как прикрыла живот. Глаза ее бегали, как у лани, зажатой волками. В комнату заглянул Малахаев. Увидев эту сцену, он удивленно спросил:

— У вас все в порядке?

— Все! — закричали девчонки. — Иди отсюда! Не видишь, некоторые переодеваются.

Малахаев с сомнением оглядел дрожащую на кровати Светлану, едва прикрывшуюся одеялом, и еще более удивленно спросил:

— А визжал кто?

— Иди отсюда! Светку пчела укусила.

Малахаева вытолкнули и плотно закрыли дверь. Не скрывая злорадства, Розка хищно подмигнула девушке:

— Испугалась? Дурочка ты наша. Это шутка. Но... сама понимаешь... Смотри, довыпендриваешься.

Девчонки разошлись по своим койкам, а Светлана рухнула лицом в подушку и зарыдала.

Прошло несколько дней. Ни председатель, ни парторг, ни строгие тетеньки из Правления колхоза в школу больше не приходили. На площадь перестала приезжать машина для доставки шефов на морковное поле. Ни парторг, ни завхоз, которые распределяли по утрам работу, у столовой также не появлялись. Встревоженная Луиза несколько раз пыталась выяснить отношения в Правлении, но из него все исчезли. На Правлении висел громадный амбарный замок. Луиза трижды пыталась застать председателя дома. Первый раз она не достучалось, во второй раз ей через дверь ответил женский голос, что в доме никого нет. В третий раз жена председателя сказала, что Эльдар Александрович уехал по делам, а когда вернется, неизвестно. Шефов явно игнорировали, хотя в столовой по-прежнему кормили. Но потребовать заводчанам работу было не у кого. Деревня словно вымерла. Только по вечерам, привлеченные хард-роком, в клуб в изрядном подпитии сползались местные гаврики.

Несмотря на то, что трудовую помощь заводских шефов в колхозе демонстративно не принимали, заводчане продолжали вечерами вакханально отплясывать в клубе, то есть, — нести культуру урбанизации в сельские массы.

Берестов больше не встречался с Танечкой. Однако она ежедневно ждала его на ступенях перед дверьми столовой, грустно глядя в одну точку. Проходя мимо девчонки громко и не деликатно перекрикивались между собой, что она, в натуре, уже примелькалась на этом долбанном крыльце. Таня, слыша их реплики, еще больше сжималась, точно кошка, облитая помоями.

Берестов со Светланой обычно шли последними. При виде Танечки, сердце у парня, конечно, сжималось, но он не останавливался, потому что чувствовал — если остановится и заглянет ей в глаза, то больше не сможет с ней расстаться. Леонид с веселой улыбкой и с напускным весельем на ходу кричал ей:

— Танюша, привет! Как дела? Выглядишь потрясающе!

И спешил поскорее пройти мимо, трусливо опустив глаза. Все это происходило в присутствии Светланы. На ее лице не отражалось ни укора, ни

одобрения. И Берестов понимал, что в других обстоятельствах его подруга выразила бы какое-нибудь отношение к этой анекдотичной ситуации. Но увы, Светлана была зависима от него и старалась не отходить от Лени ни на шаг, потому что он был единственным ее защитником.

В клубе коромысловские смотрели на Берестова враждебно, однако никаких агрессивных действий не принимали. Парень чувствовал, что это затишье перед бурей. И не ошибся.

Однажды вечером в клубе во время танцев к Лене подошла местная девушка Алена и сказала, что его зовут Таня. Леня вздохнул и сказал Светлане, что сейчас вернется. Ее глаза наполнились тревогой.

— Ты куда? — спросила она.

— Я не надолго. Не переживай! — махнул рукой парень и пошел на выход.

На улице было темно. Точнее сказать, что после светомузыкальных эффектов в клубе, глаза почти не видели в темноте. Пока Леня шел к скамейке под топодем, он трижды споткнулся на ровном месте. На сердце тоскливо ныло. Честно говоря, ему совсем не хотелось выяснять отношения с Таней.

Подойдя к скамейке, он с удивлением обнаружил, что на ней никого нет. Берестов повертел головой. Где же она? Внезапно из-за тополя вышел некто с отрезком трубы в руках. Это был один из коромысловских, пристававший тогда к Светлане. Леня инстинктивно сделал шаг назад и наткнулся еще на одного. Он оглянулся: сзади пять человек. И у всех в руках арматура. Леня осмотрелся по сторонам и увидел, как из кустов выходят еще несколько человек. «Да их здесь толпа?» — неприятно удивился парень и понял, что метаться поздняк. Он окружен. Ничего не оставалось, как натянуть на себя веселую улыбку и поинтересоваться, что все это значит?

К нему подошел самый здоровый из них, типичный головолом. Он пнул в грудь трубой и пробасил:

— Я говорил, что мы с тобой еще встретимся? Говорил?

Берестов демонстративно осмотрелся по сторонам и насмешливо ответил:

— Говорил, говорил! Не отрицаю! — затем добавил со смешком: — А это что, твои телохранители?

— Сейчас ты у меня побазаришь! — быком попер головолом.

Леня попятился. «Мне конец? — грустно мелькнула в голове. — А как же Светлана?»

— Что же ты такой трусливый? Пришел с толпой, да еще с арматурой? А один на один слабо?

— Чего? — захрипел бык. — Убью же сейчас!

Он отбросил железку в сторону и со всего маху ударил кулаком в челюсть. В глазах у Лени сверкнули звезды, сознание на секунду провалилось в темноту. От его удара бедняга отлетел назад, но устоял, потому что сзади его подхватила группа поддержки архаровца. Тряхнув головой, наш герой смело бросился в атаку, намериваясь вцепиться обидчику в горло. Но получил еще один удар. На этот раз сзади, арматурой по шее. В глазах снова сверкнули звезды, и он почувствовал, что проваливается в пустоту. Однако окончательно сознания не потерял. Упав на землю и, скрючившись улиткой, несчастный чувствовал, как его безжалостно молотят бутсами, а иногда и железками. «Только бы не по голове!» — тикало в висках.

Его бы забили насмерть, если бы из клуба не выскочили Креончик с Махлаевым.

— Эй! Что там происходит? — завопили они. — Пашка, звони в милицию! Леню убивают.

Народ высыпал из клуба и устремился к тополю. Местные растаяли в темноте, попрыгали на мотоциклы и с ревом укатили. Когда на лежащего в отключке парня направили фонарик, девчонки с визгом отшатнулись.

— Скорую! Нужно вызвать скорую! Пашка, вызывай!

Креончик опустил на корточки перед другом и с тревогой заглянул в лицо:

— Ленчик, ты жив?

— Наполовину, — натянул на себя улыбку Леня.

Приехала «скорая». Врач осмотрел избитого прямо в машине.

— Ну и что? — произнес он скептически. — В районную больницу везти что ли? Так она вся забита. Даже в коридоре не протолкнешься.

Присутствующая при осмотре Луиза возмущенно воскликнула:

— Умирать ему теперь прикажете?

Врач пожал плечами и хмыкнул:

— С чего умирать? Кости целы, ребра на месте, зашивать ничего не надо. Даже ни одного зуба не выбили — тоже мне, избиение. Нет, я конечно могу отвести. Но охота вам, молодой человек, лежать там среди стариков и нюхать их мочу?

— Не охота, — подал голос пострадавший

— Вот и правильно! — обрадовался врач. — Здесь на свежем воздухе синяки и кровоподтеки заживут быстрее...

Берестова помазали мазью, перебинтовали и отвезли в школу. Из района приехал участковый. Он вяло расспросил о происшествии, после чего с тревогой в глазах поинтересовался, намерен ли пострадавший писать заявление в милицию?

— Намерен! — ответила за пострадавшего Луиза.

— Не советую, — поморщился участковый. — Здесь ведь советской власти нет. Узнают, что вы подали в милицию, обозлятся еще больше. На них ведь никакой управы.

Участковый пообещал поговорить с коромысловской шпаной и сделать все возможное, чтобы образумить дураков. Заявления же писать он категорически не советовал. Иначе обозленная шпана подстережет где-нибудь в поле и пробьет башку кувалдометром.

Делать нечего. Участковый уехал без заявления, довольный до поросычьего визга, поскольку удалось спихнуть служебный геморрой. А с коромысловскими говорить он даже не собирался.

Берестов оправился уже на второй день. А на третий даже перестал хромать. Врач оказался прав. Молодость взяла свое. Среди стариков в больнице

поправка Берестова намного бы затянулась. Через несколько дней об избивании заводского шефа в деревне уже стали забывать.

Однако после этого случая у бедняги испортились отношения со Светланой. Девушка была напугана и считала, что расправа над другом произошла по ее вине. Когда однажды перед обедом Леня зашел к ней, чтобы отправиться вместе в столовую, она отрицательно покачала головой:

— Нет! Нам больше нельзя вместе.

— Это еще почему? — нахмурился Берестов.

— Не надо дразнить гусей!

Она выскочила из комнаты и побежала догонять девчонок. Леня в полном недоумении поплелся следом.

После этого Светлана стала избегать своего единственного защитника. Сто раз на дню Леня заходил в правое крыло, и сто раз возвращался оттуда хмурым, поскольку был обделен вниманием Светланы. Она сидела на своей кровати в позе лотос, вязала джемпер и не поднимала глаз на приход Берестова.

Надо отметить, что Луиза предпринимала кое-какие попытки по безопасности заводчан. Однако тщетно. Ни председателя, ни парторга она по-прежнему не могла застать в Правлении. Машина на площадь также не приезжала. Положение было щекотливым. Пару раз заводчане доходили до морковного поля пешком, но обратно едва доползали. Все-таки поле деятельности заводских помощников было далековато.

Однажды вечером в школу прибежал испуганный Пашка.

— Мужшины! — произнес он. — Сапожников вышел из запоя. Он сказал, что Леню прибьет.

— О, Господи! — гомерически рассмеялся Берестов. — И что я маленьким не сдох?

— А были предпосылки? — ухмыльнулся Креончик.

— Не раз, — мечтательно откинулся на подушку Берестов. — Однажды в детском саде я упал вниз головой с горки. И ничего! Поднялся и пошел кататься дальше. А в школе в актовом зале на меня со сцены свалилась трибу-

на. Причем, ни с того, ни с сего. Ну, я вылез из-под нее и пошел курить в туалет. А в армии меня в ногу долбанул скорпион. Я просыпаюсь утром от каких-то укулов в ногу. Гляжу, а на ноге сидит скорпион и долбит, как обкуранный, своим ублюдочным хвостом. Ну, меня в медсомбат, двадцать укулов, и я снова в строю.

— А меня однажды укусила гадюка, — похвалился Малахаев.

Пацаны разразились смехом.

— Как ее звали, твою гадюку? — хитро прищурился Креончик. — Гадюка, надо полагать, метафора?

— О нет! — блаженно улыбнулся Малахаев. — Гадюка была натуральной. И она укусила меня в грудь.

Поэт задрал рубашку и с гордостью показал на левой стороне груди чуть повыше соска четыре красные точки.

— Я что-то раньше не слышал, чтобы тебя кусала гадюка, — усомнился Креончик.

— А я никому не рассказывал. Дело было прошлым летом, в отпуске.

— Когда ты ездил дикарем в Пицунду? — уточнил Креончик.

— Совершенно верно. Нас собралась там небольшая компания — поэты и рок-музыканты. В основном, пацаны. Мы жили в солдатской палатке на десять человек. А рядом на горе отдыхали три девушки. Так вот, они загорали совершенно без ничего. Мы снизу видели. А когда мы к ним поднимались по склону, они быстро одевали купальники. Так нам никогда и не удавалось, застать их голыми. Однажды мы немного поддали, и я решил залезть к ним в гору с отвесной стороны, с которой они не ждали. Это практически вертикальная песчаная стена, с торчащими корягами. Я и полез. Когда оставалось до верха метра три, я почувствовал, что дальше не могу. Сверху совершенно не за что уцепиться. И спуститься тоже не могу. «Ну, все, — думаю, — сейчас свалюсь! Прощай, Родина!» Я вцепился в какую-то ветку, возле которой была норка. И вдруг из этой норки высунулась гадюка. Она уставилась на меня, как помешанная, с минуту смотрела, а потом как долбанет в грудь. Я с испуга рванул наверх и через три секунды уже был на горе. Девчонки дейст-

вительно были голыми. Увидев меня, они испугались, а у меня в голове тикает только одно: нужно срочно отсосать яд. Я заорал: «Сосите!» И побежал на них. Они в ужасе шарахнулись. Я, не останавливаясь, помчался вниз по склону, с криком: «Пацаны, высасывайте яд! Меня гадюка укусила». Но никто высасывать не стал. А еще стояла жара. Я как прибежал в палатку, так и свалился. Три дня я метался в горячке. А пацанье (вот дурачье!) сидело у костра, лакало водку и спорило, умру я этой ночью или нет? Ну, как видите, я не умер. Потому что истинные поэты бессмертны!

— М-да, — задумчиво произнес Берестов, после минутной тишины. — Такой ужас надо пережить. Я говорю про девчонок.

15

На следующий день подшефные, подойдя к столовой, увидели восьмерых местных парней. У крыльца, подобно глыбе, возвышалась мощная фигура Федьки Сапожникова. Он выглядел не лучшим образом. Лохматый, злой, угрюмый. Его красная рожа была распухшей от трехнедельного пьянства. Стоявшие рядом друзья были тоже хмурыми, как и их главарь. При виде девчонок их физиономии нечисто залоснились. Всех их, кроме Федьки, девчонки знали. Деревенские приходили в клуб. Там у них были вполне человеческие лица. А сейчас пацанов будто заразил своей мрачностью их вышедший из запоя лидер.

Заводские ребята отстали от девчонок, чтобы те, зайдя в столовую, не видели, как их начнут мутузить. Однако проход женской половины через строй местных парней был не совсем благополучным. Внезапно Сапожников перекрыл дорогу Светлане и, ухмыльнувшись, схватил ее за руку.

— А это еще кто такая? — сипло прохрипел он, изобразив что-то подобие улыбки.

— Отпустите, больно! — брезгливо поморщилась Светлана.

Берестов рванул вперед. За ним — пацаны.

— Оставь в покое девушку! — воскликнул он грозно.

— Чего? — презрительно сморщился Сапожников.

Затем злорадно оскалился.

— А, стихоплет! Ты-то мне и нужен.

Он отпустил руку Светланы и, взяв Берестова за грудки, поднял над землей.

— Эй, дядя, ты чего? — закричали пацаны, пытаясь вырвать товарища из его лап.

Но куда там? Берестов бултыхался в его ручищах, как кишка на рукаве хирурга. Луиза соскочила с крыльца и завопила на всю деревню.

— Отпусти его, дебил! Он больной!

Как ни странно, но это подействовало. Подумав немного, Сапожников поставил беднягу на землю, и друзья, тут же подхватив его под руки, немедленно завели в столовую. Сапожников изрыгнул в спину угрозы, что все равно всех убьет, а эту девку (Светлану) отловит. Бледная Луиза объявила в столовой осадное положение.

— Ходить только строем. Из школы ни на шаг. Про клуб забыли.

Вечерами вокруг школы начали реветь мотоциклы, а в окна лететь комья глины. Жаловаться было некому. Ближайшая милиция в районе, а единственный телефон в Правлении колхоза, на дверях которого уже несколько дней висел амбарный замок. Но возможно в деревне был еще телефон. Ведь вызвал же откуда-то Пашка «скорую помощь» и участкового. Но с начала осадного положения Пашка больше не появлялся.

С наступлением темноты девчонки дрожали от страха на своих кроватях и косились на Светлану, которая, не поднимая глаз, продолжала вязать джемпер. Парни с метлами на коленях беспечно забивали в козла и ждали, когда начнут ломать двери.

В таком напряжении прожили три дня. Берестов за себя не боялся. Он боялся за Светлану. Он даже по ночам просыпался и заглядывал в правое крыло, чтобы убедиться, что она на месте. Парень по несколько раз на дню напоминал ей, чтобы она без него не выходила за пределы школьного двора. Однако на четвертый день она не послушалась и, никого не уведомив, отправилась в магазин за печеньем.

Ребята в это время наяривали в домино. Их было четверо. Креончик с утра укатил в город печатать фотографии, пообещав вернуться к вечеру. Неожиданно в открытом окне возникла рыжая Пашкина голова. Она испуганно прокричала:

— Мужшины! Вашу Светку архаровцы затаскивают на мотоцикл. Она кричит.

Берестова словно оглушили из-за угла. Он вытаращил глаза, но недолго пребывал в оцепенении. Через секунду он выскочил из-за стола и словно парашютист выбросился в окно. Упав на землю плашмя, Леонид тут же вскочил на ноги и помчался со всех ног к магазинам «Машка», «Рожай». За ним, немного погодя, сорвались Малахаев с Австралией, а следом — Толик со своей гитарой.

За ребятами помчалась Луиза, требуя немедленного возвращения. За Луизой последовал Пашка, умоляя ее не вмешиваться в это неженское дело.

Над площадью висела гарь от мотоциклов, а посреди площади стоял бычок. Видимо, сцена, которую он наблюдал из своей лужи, так его поразила, что он решил выйти на сушу. Берестов остановился в аккурат перед его носом. Бычок не шелохнулся.

Парень растерянно осмотрелся и заметил сизую дорожку дыма, убегающую через поле в лес. Не долго думая, он оторвал от крыльца гнилую доску и, что было сил, рванул на выхлопной ориентир. За ним, не снижая скорости, побежали остальные.

Сердце парня сумасшедше колотилось, и воображение накручивало такое, что это огромное бесхозное поле он пересек за какие-то три минуты. Еще через пару минут он вбежал в лес. Товарищи его безнадежно отстали.

Громкие удары в груди мешали сосредоточиться и заглушали внешние звуки. Но все равно из глубины чащи он слышал, точнее, почувствовал кожей, едва уловимые звуки. Берестов побежал на них, не разбирая дороги. Через некоторое время впереди обозначилась поляна, а на ней гогочущие люди. Когда деревья закончились, Леня увидел семерых оглоедов, которые грубо и бессовестно лапали Светлану. У девушки уже не было сил сопротив-

ляться. Она только затравлено прикрывала грудь сжатыми кулачками и беззвучно плакала. Ее взгляд был мутным и немного сумасшедшим. Двое из них стаскивали с плеч кофточку, остальные гоготали. Невдалеке на мотоцикле с жалобной физиономией сидел восьмой и умолял:

— Мужики, хорош! Попугали и будя!

Но его товарищи, словно оглохли, а Федька Сапожников вообще был не-вменяем.

— Ну чё вы копаетесь, — прохрипел он и разорвал на Светлане блузку.

Другой белобрысый бугай вытащил из кармана нож и подставил лезвие к лямке бюстгальтера. Вот в эту минуту с налитыми кровью глазами Берестов и влетел на поляну.

От неожиданности архаровцы опешили. Один из них выставил вперед нож, другой потянулся к гаечному ключу. Видимо, доска, которую Леня сжимал в руках, немного впечатляла.

Берестов знал, что его, запыхавшегося и обессиленного беготней, можно уложить одним ударом. Поэтому, оценив обстановку, он рассудил, что за ним может быть только один удар. Но этот удар должен быть смертельным. Лучше всего — по черепной коробке. После этого, они, конечно, бросятся его забивать и на минуту забудут про Светлану. Вот в эту минуту, возможно, ей и удастся убежать.

Леня выбрал белобрысого, который был с ножом. Со свистом вздохнув и еще более свирепо сжав доску, парень пошел на него. Белобрысый трусливо попятился, а потом вообще позорно спрятался за спины товарищей. Воодушевленный его трусостью Берестов увлекся преследованием и не заметил, как сзади зашел головолом с гаечным ключом. Головолом с размаха ударил его по затылку, и бедняга выронил доску. В глазах потемнело. «Только бы не упасть», — смутно мелькнуло в голове.

В то же мгновение на поляну с победными воплями вылетели Малахаев с Австралией и Толик с гитарой. Добежав до середины, ребята остановились перевести дух. Затем, сжав кулаки и гитару, самоотверженно пошли на врага. В их глазах читалось, что терять им нечего. Местные немного опешили.

Сверкнуло еще два ножа. Но Сапожников не растерялся. На его физиономии по-прежнему сияла злобная насмешка.

— Давно я городских не вырубал, — сипло прохрипел он в предчувствии удовольствия.

В следующую минуту, в боевую гладиаторскую паузу, совершенно с противоположной стороны на поляну выскочила Луиза. Ни секунды не раздумывая и не взвешивая обстановки, она с отчаянным визгом вцепилась в вихры тому самому парню, который умолял отпустить Светлану. Вот тут архаровцы дрогнули.

— Ну, их на хрен! Они психи! — произнес Сапожников и первым запрыгнул на мотоцикл.

За ним попрыгали остальные. Архаровцы укатили, оставив после себя выхлопную синеву и растрепанную тревогу. Берестов молча стянул с себя олимпийку и прикрыл ей голые плечи Светланы. Светлана заплакала и уткнулась ему в грудь.

Через минуту появился Пашка. Увидев плачущую Светлану в мужской олимпийке и вокруг нее парней с победным блеском в глазах, он почесал затылок и восхищенно произнес:

— Ну, вы даете, мужшины.

16

Светлану возвратили в школу. Затылок Лени перевязали кухонным полотенцем. Едва Луиза заикнулась, что так больше продолжаться не может и нужно вызвать милицию, Пашка моментально испарился. Испарился тихо, по-английски, как истинный джентльмен. А ведь только он мог вызвать милицию и «скорую помощь».

— Какой все-таки гад! — разозлилась полудева. — Когда он нужен, его никогда нет.

— Пойми, он не может вызвать милицию! — объяснил Малахаев. — Это будет приравняться к тому, что он заложил своих. За это убивают.

— Господи! Семьдесят лет советской власти. А живем по зековским законам, — всплеснула руками Луиза. — Остается только одно — взломать дверь Правления и позвонить оттуда.

Немного подумав, столь сомнительную акцию решили отложить до утра. Может быть, завтра утром удастся узнать про второй телефон у поваров в столовой. Взлом все-таки — деяние уголовное, а за шефами и так много числилось.

Светлану напоили валерьянкой, укутали тремя одеялами и уложили в кровать. Полудева в комнате парней созвала совет.

— Я здесь отвечаю не только за организацию работы, но и за вашу безопасность, — произнесла она строго. — Если завтра не удастся дозвониться до милиции, собираемся и уезжаем.

— Ура! — завизжали девчонки и побежали собирать чемоданы.

Ребята взглянули на Луизу уважительно. После чего призадумались. В те времена это было непростым решением. Побег из колхоза раньше срока приравнивалось к саботажу и умышленному срыву госплана. За это могли не только уволить с завода, но и отдать под суд. Агрессия местного населения заводским начальством во внимание не бралась и на суде смягчающим обстоятельством не являлась. Так что ситуация действительно была не простой.

Вот в эту задумчивую паузу и влез в окно возвратившийся из города Креончик. Илюха появился как знамение конца света, настолько он был возбужден. Его глаза горели, голос срывался и от него било током, словно от высоковольтной подстанции. Было нетрудно догадаться, что он раскопал нечто такое, отчего современная наука окончательно уйдет в небытие. Однако, увидев на кровати перевязанного друга, настроение Ильи изменилось.

— Опять местные? — нахмурился он. — И опять из-за Светки? Да она просто притягивает несчастья на твою голову.

— На этот раз притянула гаечный ключ, — уточнил Толик.

— Во как? — озаботился Креончик. — Неужели башку пробили? Дай посмотрю.

Креончик стащил с товарища полотенце и осторожно ощупал затылок. Затем усмехнулся и постучал ему пальцем по лбу.

— Пляши! Черепно-мозговой у тебя нет! Ты всегда был башковитым парнишей.

— Бронеголовым, — уточнил Толик.

Настроение заметно поднялось. Ребята начали отпускать шутки по поводу героизма полудевы. Только у Австралии настроение по-прежнему оставалось декадентским.

— Что это за страна? — плаксиво простонал он. — На работе пашем, как негры, после работы избивают, как собак.

Все замолчали и незаметно переглянулись. Уж кто-кто, а Австралия за весь срок пребывания в колхозе только один раз дошел до коровника и один раз побывал на морковном поле. Но с морковного поля он позорно бежал при первом же стрекоте «кукурузника».

— Больше не говори слова «негр», — произнес Креончик. — Не политкорректно. Сейчас можно говорить только «афроамериканец». Для негра слово «негр» в современном мире звучит оскорбительно.

— Чего же тут оскорбительного? — удивился Толик. — Это означает рабчий.

— Потому и оскорбительно! Где ты видел, чтобы негр работал?

— Ну, да, — покачал головой Шурик. — Если так дело пойдет, то скоро и еврея нельзя будет назвать евреем.

— Совершенно верно, кивнул головой Креончик. Еврея мы скоро будем звать еврепипл.

— Вряд ли! — усомнился Малахаев. — Европейски Союз не позволит. Я читал, что скоро Европа перейдет на единую валюту, и она будет называться «евро».

— Тогда мы будем называть еврея «шекельпипл», — сказал Креончик и хитро подмигнул Берестову.

Берестов понимал, что Креончику не терпится рассказать другу о том, чего он раскопал. Но дело было секретное, и делиться секретами не располагает

ли обстоятельства. Понимал это и Креончик. Единственно, что он мог сообщить полупонамеком, что послезавтра полная луна, и они с Леонидом будут наблюдать то, что впоследствии потрясет мир.

— Не выйдет, — вздохнул Берестов. — Завтра мы, возможно, возвратимся на завод.

— Как? — вытаращил глаза Креончик. — А я не согласен! Я хочу остаться. Хотя бы до послезавтра. Послезавтра — момент истины!

17

Креончик накаркал. На следующий день ни в какой город шефы не поехали. Наутро Луиза узнала, где находится второй телефон. Оказывается в магазине «Машка». Она позвонила в милицию, рассказав о том, как деревенские бездельники пытались похитить городскую девушку. Это сообщение на том конце провода вызвало саркастический смех.

— Девушка на месте? На месте. Цела и невредима? Невредима. То есть, преступления не произошло. Когда произойдет тогда и звоните.

На том конце бросили трубку. Разозлившись, Луиза дозвонилась до начальника районной милиции и пригрозила пожаловаться в обком. Угрозы возымели воздействия. Он сказал, что пришлет участкового.

К обеду из района прибыл тот же участковый, худенький молоденький сержантик, практически мальчишка, только что окончивший школу. Он опять стал уговаривать заводчан не писать заявления в милицию.

— Если Сапожников узнает, что вы на него заявили в милицию, вам — хана, — произнес участковый, покосившись по сторонам. — Ведь он совершенно не управляемый.

Сержант для наглядности постучал себя кулаком по лбу и пообещал, что сделает все необходимое, чтобы Федька снова ушел в запой.

— Кстати, кто его вывел из запоя? — подозрительно сощурился страж. — С этим надо серьезно разобраться.

На этот раз участковый не обманул. Он хоть и сильно трусил, но сразу после беседы с шефами направился к дому Сапожникова. Хотя нет, не сразу.

Сначала он заглянул к бабке Оксане с целью взятия ее за жабры. Все в округе знали, что бабка Оксана гонит самогон. Однако милиция ее не трогала, поскольку периодически пользовалась ее продуктом. С этой же целью участковый и зашел к ней.

Разжившись двумя литровыми бутылками, милиционер направился к Сапожникову. Когда он переступил порог его избы, под сердцем немного дрогнуло. Опасаться было чего. Сапожников сидел за столом мрачнее тучи. Он уплетал дымящуюся картошку в мундире и зверски хрустел огурцом. Рядом с половником суетилась его пышногрудая супружница Галина. Федька остановил свой тяжелый взгляд на госте и перестал жевать.

Поздоровавшись, участковый присел напротив.

— Выпьем? — сразу предложил милиционер и поставил перед Федькой бутылку.

Жена испуганно встрепенулась. Она хотела возразить, но не посмела. На красной физиономии хозяина не отразилось ни единой эмоции. Он молча пододвинул себе граненый стакан, налил до краев и неторопливо выпил.

— А батюшки! — всплеснула руками Галина и присела на лавку.

Хозяин немного подобрел, хотя внешне оставался таким же мрачным. Но в эту минуту с ним можно было хотя бы завести разговор.

— Как ты, Федя? — участливо спросил участковый.

— Плохо! — тряхнул дремучей головой страдалец и налил себе второй стакан.

Все шло как надо. Через некоторое время Федька уже начал что-то мурлыкать из панк-рока своим утробным голосом. Еще через десять минут он откинулся на кровать отдохнуть, после чего благополучно отрубился. На столе осталась стоять почти пустая литровая бутылка.

— Зачем ты его напоил, Алексеич? — вскричала Галина. — Теперь он еще месяц не будет просыхать.

— Тише! — осадил милиционер. — Ты хочешь, чтобы он попал за решетку? Он вчера проломил башку заводскому шефу и чуть не изнасиловал подшефную?

— Что? — вытаращила глаза женщина.

И ретиво схватив скалку, принялась дубасить храпевшего мужа. Однако Федьке это было вроде щекотки. Он только мычал, да недовольно ворочался, не открывал глаз.

— Ах ты кабель проклятый! — кричала женщина. — Алексеич, пойдём! Покажи мне эту сучку, которая соблазнила моего Феденьку.

Участковый принялся оттаскивать разъяренную женщину от храпевшего муженька, пытаясь отнять у нее скалку. В процессе потасовки, милиционер отметил, что жар пышных грудей Галины как-то очень волнующе проникает под форму. Дышать стало тяжело. Это заметила и женщина. Галина замолчала, сняла с себя казенные руки и серьезно посмотрела в глаза:

— Ведь убьет же, — шепнула она, кивнув на мужа.

Участковый отшатнулся и произнес деловым тоном.

— В общем так, Галина. Дело серьезное. Политическое, можно сказать, дело. Учти, чтобы он не выходил из запоя до отъезда шефов! Иначе, такое начнется...

Милиционер метнул вороватый взгляд на грудь хозяйки и тут же потупил взор. Он достал из портфеля вторую бутылку самогона и поставил на стол.

— Ну, я пошел.

Дойдя до порога, милиционер обернулся.

— Скажи, а кто его вывел из запоя?

— Федька сам вышел, — обиженно ответила Галина. — Он вспомнил, где видел корреспондента, который их объегорил.

— И где же? — поинтересовался следователь.

— По-моему... — поморщилась женщина, — в гробу!

— Тьфу ты! — с досадой сплюнул участковый и хлопнул дверью.

— А еще он вспомнил, что в Москве одолжил семьсот рублей Семену Петровичу, парторгу из Коромысловки, — крикнула вслед женщина, но участковый уже не услышал.

В тот же вечер в школу с двумя бутылками самогона явились остальные участники похищения девушки. Они всемером просили прощения и дейст-

вительно выглядели виноватыми. Признались, что насчет девушки их дезинформировали. Но в чем заключалась дезинформация, не уточнили.

Словом, с местными парнями снова установился мир. Более того, архаровцы пообещали расквитаться с коромысловскими за народного поэта Леонида Берестова.

Сразу же после них из Правления притащилась бухгалтерша. Она заявила, что председатель вернулся из командировки и в порядке исключения великодушно разрешил городским парням проживать с девушками в одной школе. И еще она сказала, что завтра с утра на площадь снова будет подаваться машина для доставки шефов на морковное поле.

18

Вечером заводчане снова отправились в клуб. Местные вели себя очень корректно. Даже ни разу не изматерились при девушках. Когда на мотоциклах прикатили коромысловские, кузоватовские все до единого выбежали на улицу для разборки. Как они разобрались, осталось не ясным. Но через некоторое время коромысловские укатили, а местные возвратились в клуб с победным блеском в глазах. У некоторых, впрочем, были даже синяки и ссадины. Пашка подмигнул Берестову:

— Ты отомщен!

Вдобавок в этот вечер у Леонида наладились отношения и со Светланой. Недомолвки исчезли. Все было расставлено по своим местам. А перед тем, как отправиться спать, Светлана впервые подставила губы для прощального поцелуя, а не спрятала их по обыкновению. В ту ночь Леня засыпал в необычайно романтическом настроении. Однако после первого сна он почувствовал, как его бесцеремонно стаскивают с кровати.

— В чем дело? — сонно пробормотал Берестов и открыл глаза.

Разумеется, это был Креончик. «Явился, не запылится», — недовольно подумал Леня, поскольку его друг весь вечер где-то пропадал, и когда все ложились спать, он еще не появлялся.

— Ты от Иринки что ли?

Креончик приложил палец к губам и покосился на спящих ребят.

— Дуй за мной и ни слова!

Очень хотелось спать. Но любопытство взяло верх. Ребята выпрыгнули в окно и побежали через поле в сторону леса. Сияла полная луна. Было так светло, что под ногами можно было разглядеть каждую букашку.

— Ты откуда такой резвый? — допытывался по пути Леня. — С Иринкой гулял?

— Тише! — прикладывая палец к губам Креончик. — Я не был у Иринки. Я был в засаде.

Через пару минут Креончик сообразил, что они напрямик направляются к дому с мертвыми душами. В раненом затылке тоскливо заныло. Берестов приложил ладонь к голове и поморщился.

— Куда ты меня тащишь?

Креончик в очередной раз приложил палец к губам и прошептал:

— Нас не должны заметить! Обойдем дом с огорода.

Креончик был взволнован, а значит, дело было нешуточным. Временами его даже колотило. Волнение передалось и Лене, хотя он ни черта не понимал.

Ребята, пригнувшись, обогнули дом. Затем по-пластунски подползли к фасаду и замерли. Причем, замерли довольно надолго. Креончик уставился на входную дверь, а Берестов вопросительно поглядывал на него.

— И долго нам лежать? — прошептал Леня.

— Пока не выйдет...

— Кто?

Креончик промолчал. Прождали еще некоторое время. Берестову стало это надоедать.

— Кто оттуда должен выйти?

— Таня, — прошептал Креончик.

— Она туда зашла? — удивился Леня.

— Да! На моих глазах. Я выследил.

— Одна? — подозрительно сощурился Берестов.

Креончик не ответил. Берестов встал и направился к двери. Он взошел на крыльцо и рванул входную дверь. Внезапно из темноты выскочила черная собака. Она с рычаньем вцепилась в штанину. Леня с криком слетел с крыльца и рванул прочь, но по пути споткнулся об оглоблю, валявшуюся под ногами. Парень поднял ее и оглянулся. Собака злобно рычала в проеме двери, скаля белые зубы. Казалось, она защищает вход в этот жуткий дом. Леня с оглоблей наперевес пошел на нее.

— Не бей, — истошно закричал Креончик. — Она ведь человек.

Берестов вздрогнул, с удивлением отметив, что раньше за другом не наблюдалось сочувствия к Гринпису. Креончик подбежал, вырвал у Лени оглоблю и крикнул в открытую дверь:

— Таня!

Собака с ужасом взвизгнула, спрыгнула с крыльца и, обдав ребят ветром, унеслась в сторону деревни. Друзья переглянулись, зажгли фонарик и зашли в дом. Ребята миновали пыльную прихожую, толкнули дверь горницы. В ней было все как в прошлый раз. Стол, диван, шкаф, холодильник, на окнах задвинутые занавески. За пыльной шторой кухня. Даже не обшаривая лучом углов можно было определить, что в доме никого нет.

— Ну и где же Таня? — спросил Берестов и вдруг увидел на пыльном диване знакомую одежду.

Друзья приблизились. Берестов узнал Танино платье и Танины босоножки, стоявшие на полу. Леня ошеломленно посмотрел на друга. Креончик был чрезвычайно серьезен. Он достал из кармана фотографию и сунул товарищу в нос. От этой фотографии Берестов шарахнулся как черт от ладана. На ней отвратительно пьяный Леня похабно обнимал сидящую на лавочке Светлану. А рядом на корточках сидела Таня. Она была совершенно голой.

— Что это значит? — прошептал Берестов.

— Это значит, что она оборотень, — ответил Креончик.

Берестову вспомнилась вспышка в тот злосчастный вечер, а перед этим — черная собака, без конца путавшаяся под ногами. Стены качнулись. Сначала

в одну, потом в другую сторону. Затем перед глазами стал расплываться Креончик.

Когда Леня снова пришел в себя, он вырвал из рук Креончика фото и разорвал его в клочья. Креончик пожал плечами:

— Зачем? Все равно негатив у меня.

19

Обратно друзья шли молча. Берестов был потрясен. Он поминутно косился на свои прокусанные штаны и глаза его периодически стекленели. Креончик шел в полушаге и с беспокойством поглядывал на друга. «Зря я так сразу, — думал он. — Нужно было сначала подготовить?»

Также молча, ребята влезли в окно и легли на свои кровати. Школа спала. Вскоре засопел и Креончик, однако к Берестову сон ни шел. «Как же так? — бессвязно роилась в голове. — Нежная Танечка, и вдруг собака?»

Берестов перевернулся на живот и закрыл руками голову. Луна шпарила как люминесцентная лампа, а на окнах не было занавесок.

«А может, Креончик разыграл? — явилась спасительная мысль. — Подкинул ее одежду, загнал в дом собаку. Но фото... Хотя можно сделать и фотомонтаж. Однако для этого нужно снять Таню обнаженной».

Берестов понимал, что Креончик его не разыграл. И не потому, что сложно достать одежду Танечки и снять ее обнаженной, а потому что такими вещами не шутят.

Леонид забылся только на утро. Когда скомандовали подъем, он с готовностью поднялся первым. Леня сбегал умылся, оделся и сказал, что на завтрак не пойдет.

— Ты к Тане? — тихо спросил Креончик.

Надо отдать должное проницательности друга. Берестов не хотел отвечать. Но затем раздумал и едва заметно кивнул. Креончик оживился.

— Уговори ее пройти исследование в НИИ.

— Да какое исследование! — психанул Леня, показав на свою прокусанную штанину. — Какая дура на это согласится?

Он выпрыгнул в окно и направился к Таниному дому. Леня знал, что в такой час ее мама на ферме и Таня сейчас одна. Подойдя к ее дому, Берестов не стал как обычно бросать камни в ставни и высвистывать невесту на улицу. Он распахнул калитку и бесстрашно ступил во двор. Из конуры, звеня цепью, вылезла кавказская овчарка. Ее вид не был гостеприимным. Но Берестова это не остановило.

Он решительно проследовал по двору мимо разбросанных поленьев, грязных кур и громадной морды овчарки с красными глазами. Леня смело перескочил через все ступени крыльца, зашел в сени, затем резко распахнул дверь избы. Он сразу увидел Таню. Она грустно сидела у окна и вздрогнула при его появлении. Девушка была в цветном, вылинявшем халате и в шлепанцах на босу ногу.

В доме у нее было обычно: посередине круглый стол, у стены сервант с телевизором, за печкой диван, на полу вязанные дорожки. Чистенько и уютно. Даже не скажешь, что тут обитают оборотни.

Берестов молча подошел к Тане и достал из пакета платье с босоножками. Она закусил губу и отвернулась. Стало так тихо, что было слышно, как рычит во дворе овчарка, злясь на муравьев, да бьется о стекло муха. Наконец, когда молчание сделалось невмоготу, Леня набрался духу и выдавил из себя:

— Как ты это делаешь?

Таня сжалась, как котенок, потом произнесла еле слышно.

— Очень просто. Иду в дом Федьки дурачка, раздеваюсь, сажусь на пятки и представляю себя собакой.

— И все? — ужаснулся Леня.

— Все, — выдохнула Таня. — Только редко получается.

— Но зачем ты это делаешь? — с жаром спросил Леня.

Таня опустила ресницы, и по ее щекам покатались слезы.

— Иногда бывает так одиноко, что хочется выть, — ответила она. — Особенно невмоготу в полнолуние. Мама говорит, что это от тоски по предкам...

— Это, которые из Атлантиды? — проявил осведомленность Леня.

Таня подняла на него заплаканные глаза и улыбнулась, как дитю.

— Не знаю, — покачала она головой.

Возникла пауза. Берестов протянул к окну руку и вдавил жужжащую муху в стекло. Таня грустно скосила глаза.

— И давно это у тебя? — спросил Леня.

— Нет, — покачала головой Таня. — Это началось два года назад.

— А мать у тебя тоже превращается в... ну... в кого-нибудь?

Таня отрицательно покачала головой.

— Нет. Мама этим не занимается. Она как все.

— А ты не как все? — опешил Берестов.

— Я другая.

Возникла новая пауза. На этот раз недоуменная. После затянувшегося раздумья Леня спросил, сглотнув слюну:

— А в кого ты такая... другая...

— В бабу, наверное, — просто ответила Таня, затем, немного помолчав, добавила: — Если вопросов больше нет, то уже иди. Сейчас должна вернуться мама.

Таня отвернулась к окну, а Берестов повернулся и пошел на выход. Отворив дверь, он обернулся:

— А почему ты это делаешь в доме Федьки дурачка?

Таня оторвалась от окна, немного помолчала и ответила:

— Потому что там дух моего дяди...

Часть четвертая

Никто не хотел замечать

1

В середине августа в центральную усадьбу Кузоватова снова приехал следователь Шерафутдинов. На этот раз с более точным фотороботом. Часть коромысловских мужиков уже вышла из запоя, но от них по-прежнему не было толку. Все, как один, пожимали плечами и говорили одно и то же:

— Вроде похож.

Ни один из них не вспомнил уточняющих деталей. Что касается парторга, то он единственный, кто добавил в характеристику преступника кое-что любопытное. Внимательно взглядевшись в рисованный портрет, Семен Петрович произнес, впрочем, не совсем уверенно:

— Похоже, что это он. Хотя на сто процентов утверждать не могу...

— Почему? — нахмурился следователь.

— Говорил же я вам, как только начинаю вспоминать его лицо, перед глазами возникает одно сплошное коричневое пятно. Вот и сейчас гляжу на портрет, а закрываю глаза — не могу воспроизвести его в памяти.

— У вас плохая зрительная память? — спросил Шерафутдинов.

— Напротив, у меня хорошая зрительная память. Но конкретно этого типа я почему-то вспомнить не могу.

Следователь скосился на портрет и подумал, что это, скорее всего, говорит о том, что фоторобот близок к оригиналу.

— Что ж, спасибо хотя бы на этом, — вздохнул Шерафутдинов и, положив фоторобот в портфель, поднялся.

— Подождите, Ренат Абдурахманович, — хитро сощурился Куроедов. — Сядьте! Помните, я вам говорил, что этот журналист возможно уроженец нашей области?

Следователь заинтересованно опустил на стул.

— После этого я много размышлял и припомнил, что манеры у него не нашенькие. То, что он ульяновский каравай любит, это серьезный аргумент в пользу того, что он наш. Но у нас народ поглубже и попроще. Он же — тактичный, я бы даже сказал, тонкий. При разговоре никогда не перебивает, собеседнику улыбается, ни о ком не говорит дурно, все у него прекрасные люди, а главное — никогда не спорит. И самое удивительное: за все время он ни разу не изматерился.

— Ну, может это особенность характера? — улыбнулся следователь. — Мошенники, как правило, — люди обаятельные.

— Нет! — энергично тряхнул волосами Куроедов. — Особенность характера — это возможно. Но и регион накладывает отпечаток на характер. По-

смотрите на наших мужиков — грубые, упрямые, угрюмые. Без мата двух слов не свяжут. Они минуты не продержатся, чтоб кого-нибудь не оплевать. Я наших Ленинских земляков, извиняюсь за выражение, узнаю в любом конце страны.

Следователь задумчиво сдвинул брови, не понимая, к чему клонит идеолог.

— У вас есть какие-то соображения на счет преступника? — спросил он.

— Да, есть соображения! — сверкнул глазами Куроедов. — Он не наш уроженец. Он приезжий. Но живет в нашем регионе уже несколько лет.

Шерафутдинов подумал, что, пожалуй, идеолог прав. Ему и самому приходила такая мысль, но зашла она с другого конца. Дело в том, что в Ульяновской области нет предприятий космической направленности. Значит, мошенник, если он действительно из Ульяновска, уроженец другого региона.

То, что два человека независимо друг от друга пришли к одним и тем же догадкам, это, безусловно, плюс. Но дело в том, что такого факта недостаточно, чтобы начать тотальную проверку всех приезжих. Ведь никому неизвестно откуда он приехал в Ульяновскую область и когда. Может, десять лет назад. А может, двадцать. Перерыть все паспортные архивы за двадцать лет не реально. Да и не факт, что мошенник действительно живет в Ульяновске.

Шерафутдинов снова поднялся с места.

— Спасибо. Вы мне очень помогли.

Но парторг снова остановил следователя.

— Подождите! Скажите пожалуйста, какая сумма ущерба числится за Федором Сапожниковым.

Следователь достал из портфеля папку, раскрыл на нужной странице и зачитал:

— Сапожником Ф.А. — заявлено тысяча четыреста рублей.

Идеолог счастливо улыбнулся.

— А какая сумма ущерба по протоколу числится за мной? — спросил он хитро.

— Никакая? — удивленно поднял глаза Шерафутдинов. — Вы же не сдавали мошеннику денег на обмен валюты. Но вы тоже считаетесь пострадавшим и в случае поимки преступника имеете право потребовать компенсацию по моральному ущербу.

— Да-да, я знаю! — радостно затряс головой Куроедов, и Шерафутдинов не вполне понял причину его радости.

Он попрощался и ушел немного обескураженным. А Куроедов, после его ухода, показал в окно две фиги.

— Вот тебе, Федька, а не семьсот рублей! А то пришел, разбушевался, ты взял у меня займы, теперь обязан отдать! А кукишь с маслом не хочешь?

Следователь приехал в Кузоватово около полудня. Он был уверен, что опрос Кузоватовских мужиков ничего не даст. Их надо было опросить исключительно для очистки совести. Точнее, из формальности. Без особого энтузиазма правоохранитель обошел дома пострадавших. «Таких бестолочей еще нужно поискать, — досадовал про себя Шерафутдинов. — Разве можно так не просыхать! А ведь для них стараюсь...»

Словом, не в лучшем настроении садился следователь в «Волгу», чтобы отправиться в Ульяновск. Но тут увидел идущих на обед шефов. Следователь подождал их. Когда они приблизились, он достал из портфеля фоторобот и вышел из машины.

— Ребята, может, кто-нибудь случайно видел этого человека?

Все посмотрели и отрицательно покачали головами. Последним портрет в руки взял Креончик. Взглянув на него, он радостно засмеялся:

— Видел, видел!

— Где? — встрепенулся Шерафутдинов.

— Сейчас вспомню! — задумался Креончик. — Черт! Ведь совсем недавно где-то видел. Буквально на днях!

— Может, участковый показывал ориентировку? — подсказал Ренат Абдурахманович, недоумевая, как фоторобот, только вчера разосланный во все отделения милиции, уже мог дойти до этой дыры.

— Нет! — затряс головой Креончик. — Участковый ничего не показывал. Я видел в другом месте. Но где же?

Чем усерднее чесал затылок Креончик, тем более унылым становилось настроение следователя. «Каждый раз одно и то же», — подумал он и спрятал ориентировку в портфель.

— Если вспомните, позвоните мне по телефону, — без энтузиазма произнес правоохранитель, и, вырвав из блокнота листок, записал на нем свой номер. — Ваши все посмотрели?

Парнишка покрутил головой.

— Еще Ленька со Светкой не видели. Вон они тащатся самые последние!

Креончик показал на две фигуры вдалеке и следователь, не став их дожидаться, завел машину и рванул с места.

2

После того, как Леонид вышел из Таниного дома, непонятная тоска охватила его. Впечатление от разговора осталось тяжелым. По пути ему так стало жалко девушку, что он развернулся и пошел обратно. Но вскоре остановился, заметив, что с фермы возвращается мать. Пришлось вернуться в школу. Заводчане уже выходили с пришкольного участка. Леня в плохом настроении поплелся за всеми. Креончик тоже отстал от остальных.

— Как? Поговорил с ней? — спросил он.

— Поговорил! — уныло ответил Берестов.

— Она призналась, что по ночам превращается в собаку?

— Призналась.

— Сразу? — удивился Креончик.

Леня не ответил. Креончик внимательно пригляделся к другу и тоже замолчал. Некоторое время шли молча, думая каждый о своем. Леня все никак не мог избавиться от этого пожирающего чувства жалости, и наблюдавший за ним Креончик сопереживал. Берестов тяжело вздохнул и нарушил молчание:

— Ты на моем месте, что бы сделал?

— Женился, — не моргнув, ответил Креончик.

— Чтобы изучать?

— Нет. Как честный человек.

Леня посмотрел на друга очень внимательно. Не шутит ли? Но Креончик был серьезен и невозмутим.

— Ну, если на то пошло, ты, как честный человек, должен жениться на Иринке.

— Почему бы нет? — пожал плечами Креончик, не переменявшись в лице.

Друзья рассмеялись. По пути Леня рассказал о своем разговоре с Таней. Креончик выслушал жадно.

— А что это значит, дух дяди? — замедлил шаг Креончик. — Федька дурачок ее родственник?

— Я тоже не понял, — скривил губы Берестов.

Илья остановился в раздумьях.

— В общем так, на завтрак я не иду! Встретимся в коровнике!

— Но я сегодня хотел поехать со Светкой на морковное поле, — возразил Берестов.

Однако Креончик уже не слышал. Он уже чесал через изгороди к дому бабки Оксаны.

Бабульку Илья застал на огороде. Она сидела на грядке и полола лук. Приход Креончика ее несколько не удивил, который, по обыкновению, перемахнул через забор и предстал перед ней, как лист перед божьим одуванчиком. Старушка подняла голову и хитро улыбнулась беззубым ртом.

— Баба Оксана, — прохрипел задохнувшийся от беготни Креончик. — Скажите, Федька дурачок приходился Таньке Цветковой родственником?

— Типун тебя за язык! — прошамкала бабка. — Чай, у Федьки сроду не было родственников. Да и упаси нас, Господи, от таких родственников! Была у Федьки мамка, да померла.

— Я так и думал, — нахмурился Креончик. — Значит, у Тани никакого дяди не было?

Старушка рассмеялась довольно коварно и неожиданно прошамкала, сощутив хитрые глаза на гостя:

— Почему, чай, не было? Был у нее дядька. А потом незнай куда делся.

Креончик насторожился:

— Что за дядька? Он жил здесь, в деревне?

— Не здесь, и не в деревне, — ответила старушка со смеющимися глазами. — В лесу он, чай, жил.

— В лесу? — нахмурился Креончик, заподозрив, что над ним потешаются, как над пацаном.

— В лесу, в лесу! — подтвердила бабка. — В том самом блиндаже, в который провалился твой друг.

Глаза Креончика сделались круглыми. «Она что, удобрений нанюхалась? — пришла первая мысль. Затем последовала вторая: — «Значит это правда, что Берестов провалился в блиндаж?»»

Больше ничего вразумительного от бабки Оксаны добиться не удалось. Креончик развернулся и пошел на площадь. Его товарищи уже позавтракали и выходили нестройной толпой из столовой. Девчонки по очереди взбирались на кузов машины, чтобы ехать на морковное поле. За ними увязался и Берестов. Пришлось тоже взобраться в кузов, хотя появляться на поле Илья сегодня не планировал. Во время прополки Креончик выбрал минуту, когда Светлана отошла, и спросил:

— Так ты в тот раз действительно провалился в блиндаж?

Глаза Берестова сделались колючими.

— А ты думал, шутка?

— Честно говоря, да, — признался Креончик. — А почему сразу не рассказал?

— Это я-то не рассказал? — вскипел Берестов. — Ха! Ну, ты и осел! А чего ты вспомнил?

Креончик пересказал свой разговор с бабушкой Оксаной. Лицо Берестова вытянулось в недоумении.

— Час от часа не легче!

Вечером друзья отправились в лес разыскивать блиндаж. Берестов не хотел идти из опасения заблудиться, но Креончик настаивал. По его убеждению, блиндаж был ключом к разгадке Таниной тайны.

— Но я не вижу в Тане никакой тайны, — противился Берестов. — Девчонка как девчонка. Только иногда превращается в собаку.

— Не фигу себе! — удивился Креончик. — А вдруг она во время первой брачной ночи превратится в собаку. Тогда страстным укусом в штанину ты не отделаешься, потому что штанов на тебе не будет.

По лесу блуждали долго и бестолково. Устали, обозлились, ободрались о кусты, но никаких следов землянки не обнаружили. Под конец, как и предполагал Леня, заблудились. Уже прилично стемнело, но ребята все шли и шли. А куда? Не знали. Неожиданно Креончик остановился.

— Слышишь? Вроде собаки лают.

Берестов прислушался, но ничего не услышал. Пошли на предполагаемый лай и вышли на просеку ЛЭП. По просеки дойти до деревни уже не представляло большого труда. Весь вопрос в том, в какую сторону пойти. Решили кинуть монету. Монета показала, что нужно идти влево. И она не обманула.

Друзья возвратились в деревню в два часа ночи. Несмотря на то, что их постигла неудача, они были счастливы тем, что можно было бросить уставшие кости на проваленные кровати.

3

Проснувшись наутро, Берестов внезапно понял, что не может жить без Танечки. Тоска по ней не прошла и не притупилась. Она торчала в сердце как ядовитый шип, и жалость к ней не отпускала ни на секунду. Ночью она снилась ему такой грустной, такой трогательной. Танечка печально сидела у окна, глядела в пространство, а на стекле жужжала раздавленная муха. Сначала Леня подумал, что его в Танином доме нет, что он наблюдает за ней, как невидимый зритель откуда-то сверху. Но внезапно Танечка оторвала взор от

пустоты и взглянула Леониду прямо в глаза. Оказывается, он все время находился рядом, у входной двери, рядом с рукомойником.

— Если я не такая, как все, то меня нельзя полюбить? — спросила она тихим голосом.

— Я так не говорил! — хотел вскрикнуть Леня и проснулся.

С минуту он лежал тихо, сожалея о том, что не успел ответить Танечке во сне, затем пинком сбросил с себя одеяло. Пацаны еще спали. Леня встал, перелез через подоконник и по задворкам чужих огородов отправился к Таниному дому. Он чувствовал, что если сейчас ее не увидит, то его сердце разорвется на куски.

Также как и в первый раз, он толкнул калитку, бесстрашно прошел мимо зубастой морды овчарки и шагнул в сени. В сенях на полу лежали два раскрытых чемодана, а рядом куча наваленной одежды.

Леня толкнул дверь избы, и его сердце провалилось в бездну. В избе никого не было. Леня демонстративно постучал кулаком о косяк, затем прошел в комнату и заглянул за печь, где стоял диван — никого. Он вышел во двор, прошел в сад, с надеждой, что Таня где-то в саду. Но и там ее не было. Ничего не оставалось, как поплестись на выход.

Когда Берестов вышел из калитки, то увидел Танину маму, возвращающуюся с фермы. Он подождал, когда она подойдет.

— А где Таня, Мария Ивановна? — спросил Леня.

— Таня уехала, — ответила женщина и, укоризненно, как показалось ему, посмотрела на расстроенного кавалера.

— А куда? — переменялся в лице юноша.

— К родственникам, — ответила женщина, и Леня сник еще больше.

— Надолго, Мария Ивановна?

— Надолго, — вздохнула женщина.

Берестов подумал, что если и есть еще у Тани родственники, то они живут в Хохловке, то есть, в колхозе имени Гимова, если она, конечно, не подалась к родственнику из леса.

— А вы мне можете дать адрес родственников?

— Не могу, — ответила женщина. Она не велела давать.

Мария Ивановна скрылась за калиткой, а Леня уныло поплелся в школу. Возвратившись, он упал на кровать и не шевелился до ухода ребят на работу.

Креончик пытался растормошить приятеля, но усилия не увенчались успехом. От парня, в конце концов, отстали. Таким образом Леня впервые за все время пребывания в колхозе не вышел на работу. «Вечером спрошу у Креончика, где в Майнском районе колхоз имени Гимова, и завтра утром поеду разыскивать Таню», — решил про себя Берестов.

Однако Креончик появился в школе только в одиннадцать ночи. По его лицу было видно, что он опять докопался до чего-то сенсационного. Подмигнув другу, который лежал на кровати в той же позе, что и утром, он выманил его в коридор.

— Оказывается, лесной человек действительно существовал, — шепотом произнес Берестов. — Многие из деревни видели его в лесу, а некоторые мужики даже водили с ним дружбу.

— Особенно пьяницы, — скептически добавил Берестов.

— Не только! — поднял палец Креончик. — Возможно, блиндаж, в который ты провалился, это и было жилище лесного человека. И, возможно, он до сих пор там живет.

— Это вряд ли, — усомнился Берестов. — Там давно никто не живет. Даже мыши. Там я даже котелка не видел. Только — солдатскую каску. А от кого ты все это узнал?

— От мужиков с автомата витаминной муки.

— Все понятно, — невесело рассмеялся Берестов. — Кто же еще мог тебе рассказать. Они же там не просыхают.

— Еще Федька Сапожников может рассказать, — закусил губу Креончик. — Он тоже, говорят, видел лесного человека. Два года назад на автомате витаминной муки он был бригадиром.

— Господи! — нервно рассмеялся Леня. — Какому дураку взбрело в голову назначить его бригадиром.

— Совершенно верно, — согласился Креончик. — Мужики говорят, что он появился там только два раза. Первый раз на пьянке, по случаю его назначения, а второй раз, когда он разбил башкой конвейер. После этого его сняли.

В этот вечер Креончик отговорил Берестова от поездки в поселок имени Гимова, уверив, что никаких родственников у Тани там нет.

4

После отъезда Танечки на душе у Берестова стало совсем пусто. Если бы не Светлана, вообще можно было бы удавиться. Когда у Леонида зарождались отношения со Светланой, Таню он также не видел по нескольку дней, но такой собачей тоски не было. А теперь, когда ее не стало в деревне, тоска просто вцепилась в горло. Заводчане молча наблюдали за страданиями товарища и, вопреки себе, старались не выставлять их на смех. Только один раз Розка с шаловливой ухмылкой подмигнула Малахаеву на морковном поле:

— Вы Вёртера читали? «Страдания мутного Бертера».

— «Страдание юного Вертера» написал вообще-то Гете, а не Вольтер, — поправил Малахаев и отвернулся.

Словом, Розку не поддержали. Во второй раз она подняла эту тему уже более деликатно. Однажды в левом крыле, проводив взглядом в коридор унылую фигуру страдальца, Розка демонстративно вздохнула и жеманно спросила у Австралии.

— Сашик, а ты также безмерно тоскуешь из-за разлуки с любимой супругой?

— Чего? — возмутился Шурик-Австралия. — Ты спятила? Я с ужасом жду того дня, когда возвращусь домой!

Ребята за столом бросили карты и наострили уши. Откровений от Австралии еще никто не слышал.

— Почему? — задумчиво вытаращила глаза Розка. — Ты ее разлюбил?

— Какая к черту любовь? — сплюнул в сердцах Австралия. — Только одни претензии. Жена пилит, спиногрыз орет, кругом пеленки...

Шурик зажмурился и застонал. Парни переглянулись.

— А зачем тогда женился, если не любил, — поинтересовалась Розка.

— А что мне оставалось делать? — с горечью ответил Шурик. — Либо жениться, либо восемнадцать лет платить алименты...

Парни опять переглянулись и дружно вздохнули.

— Ситуация чисто советская, — изрек Малахаев.

— Типичная ловушка для дураков, — добавила Розка.

Наступила неловкая пауза. Всем почему-то сделалось стыдно. Пацаны начали прятать глаза и коситься в окно. Толик собрал со стола карты и принялся перемешивать колоду.

— Теперь, по крайней мере, ясно, почему тебя так тянет в Австралию, — подала голос Аня.

— Баба ему нужна другая, а не Австралия! — рубанула правду-матку Розка.

И все согласно кивнули.

Берестов в это время выходил из школы под ручку со Светланой. Они облазили уже все местные достопримечательности, обошли все окрестности и сегодня не знали, куда им податься.

— Пойдем к колхозному пруду, — предложил Берестов, и внутри у него защемило. — Ведь именно на пруду Танечка впервые позволила разгуляться его рукам.

— Нет, не хочу, — поморщилась Светлана. — Там столько коровьих лепешек. Может, пойдем в рощу, которая за автоматом витаминной муки?

Берестов согласился. Собственно, было безразлично, куда идти. Лишь бы идти вдвоем, локоток к локотку и разговаривать обо всем на свете. Ведь со Светланой можно говорить на любые темы.

Сегодня ночью Леониду впервые приснилась Светлана. Приснилась какой-то странной, задумчивой, чужой. Она стояла на краю огромного волжского обрыва и смотрела вдаль. Парню было страшно за нее. «Сейчас обвалится этот песчаный обрыв, и поминай, как звали», — подумал во сне Леня и, осторожно подойдя сзади, взял девушку за руку.

— Уйдем отсюда! Здесь опасно! — произнес он.

Светлана и не подумала шелохнуться. Леня настойчиво дернул за руку. Девушка медленно повернулась и пронзила Леню своими ангельскими глазами, в которых, впрочем, сверкнуло что-то сатанинское. Затем произнесла чужим загробным голосом:

— Когда меня похоронили, меня перестали замечать люди и узнавать знакомые...

Ужас объял Леню от ее непонятных слов. Он хотел спросить, что за настроение нашло на нее, но в тот же миг проснулся. «Приснитися же? — подумал Берестов, утирая на лбу холодный пот. — Утром ее спрошу, что это значит».

Но утром Леня не вспомнил ни фрагмента из этого сна. Конечно, он помнил, что ему снилось что-то неприятное, связанное со Светланой, но что именно — как отрезало.

Вечерело. Травы лежали на полях после знойного дня. Лучи солнца окрасили листья берез. Было красиво. Пара миновала длинный забор, за которым располагалось летнее предприятие по производству витаминной муки, и зашла в березовую рощу.

— Расскажи что-нибудь интересное, — попросила Светлана. — У тебя хорошо получается.

— Я вроде все уже о себе рассказал, — задумался Берестов. — Да что мы все обо мне, да обо мне. Расскажи что-нибудь о себе. Кто мама, кто папа, и что ты думаешь о семье, частной собственности и государстве.

Светлана засмеялась.

— Мама у меня врач. А отец был летчиком испытателем. Он погиб во время испытания самолета.

«Типичная заготовка дочери матери одиночки», — отметил про себя Берестов. А вслух спросил:

— И давно он погиб?

— Когда я еще была маленькой.

— То есть, вы с мамой живете вдвоем?

— Не совсем, — сконфузилась Светлана. — С нами живет еще один товарищ.

— Товарищ? — недоуменно вскинул бровь Берестов.

— Ну, как тебе сказать? Мамин друг, — пояснила Светлана.

— Так ты живешь с отчимом?

— Вроде того, — скороговоркой ответила девушка и всем видом показала, что тема закрыта.

Некоторое время шли молча. Роща начала редеть и за ней неожиданно открылось местное кладбище, окруженное деревянным частоколом.

— Ой, куда это мы пришли? — воскликнула Светлана. — Давай поворачивать.

Берестов мстительно засмеялся.

— Боишься покойников?

— Ничего я не боюсь, — ответила Светлана. — Если хочешь, давай посмотрим, кто здесь похоронен?

Предложение было неожиданным. Честно говоря, Берестов не собирался заходить на местное кладбище. Есть любители, которые обожают разгуливать среди могил и разглядывать фотографии усопших. Леня к таким не относился. Однако отступить было поздно. Отворив покосившуюся калитку, пара вошла на кладбище.

— Только не пугай меня, — попросила Светлана, крепко вцепившись в руку.

Они пошли вдоль могил, вглядываясь в портреты умерших и читая под ними надписи. У одной ограды Леня почувствовал, как Светлана вздрогнула, и как ее ногти больно вцепились ему в локоть. Парень удивленно повернулся к ней и испугался. На побледневшей девушке не было лица. В глазах отражался неистовый ужас.

— Ты чего? — изумился Берестов и перевел взгляд на портрет покойника, от которого не могла оторваться Светлана.

С фотографии на Берестова смотрел улыбающийся белозубый шатен с вьющимися волосами. Под ним вензелями выгравирована надпись: «Антон Глебович Кудрявцев, 1940 — 1985 гг.»

Берестов снова перевел взгляд на Светлану. Она словно была в ступоре.

— Ты чего? — потянул за рукав Леня. — Это отец Иринки, с которой крутит Креончик. О черт! А ведь это его расчленил Федька дурачок!

Девушка очнулась и прошептала, давя в себе ужас.

— Быстро уходим отсюда...

5

Светлана молчала всю дорогу. Она не отвечала на вопросы, не реагировала на прикосновения и не замечала, что рядом переживающий за нее кавалер. Плотнo сжав губы, девушка напряженно смотрела в пустоту и прибавляла шаг. Берестов шел в полушаге и умолял объяснить, что ее так напугало. Светлана в ответ не произносила ни слова.

Возвратившись в школу, девушка сразу проследовала в свою комнату. Берестов застрял на пороге. Точнее, дальше его не пустили, поскольку девчонки готовились ко сну и облачались в рабоче-крестьянские пеньюары. Леня увидел, что Светлана сразу направилась к кровати Луизы.

В полном недоумении парень потопал в левое крыло. В коридоре ему встретился Креончик. Рассказ Берестова о странном инциденте на кладбище товарища удивил.

— Действительно, чего это она? — пожал плечами Илья. — Ладно, завтра разберемся.

Из-за этого Берестова снова мучила бессонница. Только под утро, когда он впал в легкую дрему, ему неожиданно вспомнился сон про Светлану. «Утром, все выясню», — была последняя здравая мысль. И Леня провалился в бездну.

Светлана тоже не спала. Она всю ночь смотрела в потолок, прислушивалась к шорохам за окном и сопению подруг. Когда начало светать, девушка тихо поднялась с кровати, подошла к окну и прошептала еле слышно:

— Когда меня похоронили, меня перестали замечать люди и узнавать знакомые...

Наутро протрубили подъем. Но Светланы уже не было. Она поднялась чуть свет и с первым проходящим автобусом укатила в город. Больше всего поразило Леню, что она уехала, не попрощавшись с ним. Не менее удивленная общественность потребовала объяснений у комиссарши.

— Она уехала по семейным обстоятельствам, — пояснила Луиза.

Семейные обстоятельства Светланы возмутили девчонок.

— Какие у нее могут быть семейные обстоятельства? У нее ни мужа, ни детей!

— Ну, хорошо, — поправилась Луиза, — по здоровью она отпросилась. Успокойтесь! Осталось пять дней! Скоро все уедем.

Берестов был убит неожиданным отъездом Светланы. Он пытался расспросить у полудевы о подлинных причинах ее отъезда, но Луиза наплела что-то про ухудшение здоровья по женской части.

— Так, может, она еще вернется, — с надеждой спросил Леонид.

— Вряд ли! Уже смысла нет. Осталось-то совсем ничего...

Креончик искренне переживал за друга.

— Ладно, черт с ним! — махнул он рукой. — Веди меня на кладбище. Может, я чего-то соображу.

Друзья сходили на кладбище. Но Креончик так ничего и не сообразил. Могила, как могила. Фото, как фото.

— Может, ее поразила сам факт, что жизнерадостный симпатичный мужчина стал жертвой такой нелепой смерти? — предположил Берестов.

— Вряд ли? — пожал плечами Креончик. — Не такая уж она и чувственная штучка, как прикидывается...

Теперь у Берестова не было ни Тани, ни Светланы. Такого двойного удара от судьбы Леня не ожидал. «Ну все, мечты разбиты, жизнь не удалась!», — подумал он и, упав на кровать, начал ждать, когда пройдут эти последние дни в колхозе.

Креончик взглянул на друга и подумал, что Шурик-Австралия, по сравнению с ним, неубиваемый оптимист. Пока Илья собирался с мыслями, чтобы сказать Лене что-нибудь утешительное, в окно влетел камешек и звонко стукнулся о его макушку. Креончик поежился, потер голову и выглянул из окна. Из кустов донесся сдержанный смех Ирины. «Легка на помине», — подумал Креончик и выпрыгнул в палисадник. Он раздвинул кусты, за которыми пряталась трясущаяся от смеха девушка, и укоризненно покачал головой.

— Ты мне голову пробила!

Ирина постучала ему по лбу своими костяшками.

— Это не голова, а противотанковый дзот!

Слушая со своей кровати их шутливые препирательства, Берестов с завистью думал, что даже у Креончика, этого «материалистического подоплетчика», все сложилось благополучно на любовном фронте, а у него, несчастного романтика, полный провал в блиндаж.

Голоса в кустах вскоре затихли. Креончик с Ириной перелезли через школьный палисадник и побрели в поле. Как оказалось, Ирина пришла попрощаться. Завтра она уезжала в Москву на экзамены в университет Дружбы народов.

— Но почему так поздно? — удивился Креончик. — Экзамены уже давно сдали?

— А я сдаю только один экзамен, на выбор, — объяснила Ирина. — У меня красный диплом.

Как бы там ни было, но и Креончику сделалось грустно. «Завтра она уедет, и останется еще пять дней колхозной ссылки, — подумал он. — Это невыносимо». Ирина заметила, что ее кавалер загрустил. Честно говоря, это было ей приятно.

— Ты меня будешь ждать? — спросила она, прижав его голову к своим пышным персям.

— Когда ты провалишься, или когда окончишь университет? — попытался состричь Креончик.

Получилось не смешно. Ирина вздохнула. Она погладила Креончика по голове, потом взяла за руку и потянула за собой.

— Пойдем ко мне! Мама ушла на дойку.

Полчаса спустя, когда Креончик усталый и расслабленный лежал с Ириной на диване, а по полу беспорядочно валялась сброшенная наспех одежда, мысли снова вернулись к странному отъезду Светланы. «Сказать, или не сказать Ирине, что мы сегодня с Леной были на могиле ее отца, — подумал Креончик. — Нет, наверное, не стоит».

— А ты знаешь, что сегодня утром Светлана уехала, — произнес Креончик.

— Это кто? — зевнула Ирина.

— Ну та, которую ваши пацаны увезли в лес, а мы ее отбили.

— Ах, вот кто! И что?

— Ничего. Просто, Леня страдает.

Ирина перевернулась на бок и, подперев кулачком щеку, строго нахмурила лоб.

— Страдает, видите ли, он! А Таня не страдает? Испортил девчонку и в кусты.

— Ничего он не в кусты, — вступился за друга Креончик. — Она сама куда-то исчезла. А у Леонида по поводу нее были, между прочим, весьма серьезные намерения.

— Были, да сплыли! — хмыкнула Ирина и, поднявшись с постели, начала одеваться. — А Таня никуда не исчезла. Она поехала в Пензу поступать в Педагогический.

Креончик радостно встрепенулся. «Ну, хоть этим обрадую Леню», — подумал он и нехотя сполз с дивана. Он обнял Ирину сзади, но та пшикнула, чтобы он поторопился. Через десять минут вернется мама. Креончик лениво поднял один носок и подошел к фотографиям на стене. Он широко зевнул и вдруг застыл.

— Ты чего? — прошептала Ирина, почувствовав неладное.

Креончик не ответил. Ирина подошла к нему и потрясла за руку.

— Эй, ты жив?

Парнишка перевел остекленевшие глаза на Ирину, затем снова на фото.

— Я только сейчас заметил, как здорово твой отец, царство ему небесное, похож на Гагарина, — произнес Креончик.

— Ты об этом? — облегченно вздохнула девушка. — Фу ты! Напугал. Это правда! Особенно сильно он был похож на Гагарина в молодости. Когда в апреле 1961 года запустили первого космонавта, папе исполнился двадцать один год. Дело было в Ташкенте. Он возвращался из института домой. И вдруг ему навстречу высыпала толпа. Она подхватила его и давай качать в полной уверенности, что это Гагарин. Об этом случае писали все Ташкентские газеты.

— По-моему, я об этом читал, — задумчиво пробормотал Креончик. — Вот уже не думал, что буду крутить лямуры с дочкой двойника Гагарина.

— Ах, значит, только лямуры? — хлопнула Ирина пуховой подушкой.

Креончик ушел от подружки весьма задумчивым. Девушка его задумчивость приняла за печаль разлуки. Печаль разлуки, конечно, присутствовала. Это бесспорно. Но поразило Креончика отнюдь не печаль разлуки и не сходство ее покойного отца с первым космонавтом, а то, что он сказать Ирине не решился.

6

В тот вечер настроение у следователя было отвратительным. Вызывал на ковер главный и снова спрашивал, как продвигается расследование. Шерафутдинов доложил, что на данный момент следствие обладает более точными ориентировками преступника, и что эти ориентировки разостланы во все отделения милиции страны.

— Этого мало, — отрезал начальник. — Ориентировками мы располагали и до этого, и они также имелись во всех отделениях. Мы практически топчемся на месте. А между тем, сегодня снова звонили из Министерства.

«Не забыл министр», — с тоской подумал Шерафутдинов и начал рассказывать генералу, с какими трудностями сталкиваются свидетели при воспоминании об этом авантюристе.

— Что за бред вы несете, Ренат Абдурахманович! — не дослушал глава Управления. — Не сваливайте ваши недочеты в работе на мистику!

Стало обидно. Тем более что работа действительно произведена гигантская. Не надо было главному рассказывать о незапоминающемся лице мошенника и о том, что он, возможно, обладает гипнозом. Генерал расщипал, обругал и пригрозил, что если через неделю дело не сдвинется с мертвой точки, то Шерафутдинова с позором отстранят от следствия. А сдвинуть с мертвой точки, по его разумению, — это предоставить фамилию, имя и отчество преступника, а также его домашний адрес. Разве это реально?

«Ради бога! Пусть отстраняют, — воскликнул про себя следователь и вышел из кабинета. — Им сверху хорошо командовать. А обещанной реальной помощи так никто и не предоставил...»

Когда Шерафутдинов совершенно ни в духе возвратился в свой кабинет, на столе раздался телефонный звонок. Ренат Абдурахманович снял трубку и, к своему удивлению, услышал голос того самого заводского паренька, который отработывал в колхозе в качестве шефа. Кажется, его зовут Ильей.

— Может, я зря вам звоню, потому что это бред, — произнес Илья, — но вы сами попросили позвонить, если я вспомню, где видел человека, похожего на ваш фоторобот.

«Не много ли на сегодня бреда?» — с раздражением подумал следователь, а вслух произнес:

— Я весь во внимании!

— В общем, я сразу не смог вспомнить, а сейчас вспомнил. Я видел его на фото у Ирины Кудрявцевой. Ваш фоторобот — копия ее отца.

Следователь оживился. «Вот уже действительно не знаешь, откуда придет помощь», — подумал он.

— Ирина Кудрявцева — это ваша заводская девушка, или местная? — спросил следователь, отмечая, что где-то слышал эту фамилию.

— Местная! — ответил Креончик.

— Ее отца вы видели только по фото?

— Разумеется, — ухмыльнулся Креончик. — Живьем, к сожалению, его теперь могут увидеть только медиумы.

— Так он умер что ли? — нахмурился следователь.

— Его расчленили. Еще два года назад.

Шерафутдинов вспомнил, где слышал эту фамилию. «Кудрявцев фигурировал в качестве пострадавшего в деле о Кузоватовском людоеде. Вот не везет, так не везет!»

— Спасибо, что позвонили, — поблагодарил следователь с плохо скрываемой досадой.

Креончик почувствовал, что информация правоохранителя не заинтересовала. Собственно, он так и думал, и честно говоря, не хотел звонить. Но просто, что называется, дернул черт.

— Понимаю, что ничего ценного в моих сведениях нет, — засмеялся Креончик, — но я просто так, на всякий случай.

— Нет, вы правильно сделали, что позвонили, — горячо поддержал следователь. — В этом деле лучше перебор, чем недобор. Так что... вот так... А что, покойный здорово похож на фоторобот?

— Здорово? — воскликнул Креончик. — Особенно на одной фотографии, которая висит у них дома на стене. Вот на могиле — не похож. Хотя, конечно, тоже похож, только не очень выразительно.

— На могиле, — механически пробормотал следователь. — Ах да, его же там, в Кузоватово, и похоронили...

Положив трубку, следователь засобирался домой.

Уже стемнело. Вечерний город плыл за окнами автомобиля. «Вот и лета, как ни бывало, — мелькнуло в голове. — Только вчера был май, а сегодня уже по бульварам разбросаны желтые листья...»

Да-да! Именно такие отвлеченные мысли роились в голове у следователя, когда он возвращался на служебном автомобиле домой. И ничто его не сму-

щало, не тяготило, не точило, хотя звонок Ильи Креонова оставил впечатление.

Уже дома, после того, как Шерафутдинов, съел тарелку магазинных пельменей и с чашкой чая сел у телевизора, перед глазами неожиданно возникла лохматая голова Федьки Сапожникова.

— В гробу я его видел, — зло хрипел он, глядя на фоторобот.

«Но стоп! Потом он, кажется, поправился, — начал соображать Шерафутдинов, ругая себя за то, что не записал его показаний дословно. — Он сказал потом, что гроб был заколочен, но все равно он видел его на собственной могиле».

Шерафутдинов начал вспоминать, с каким выражением произнес это Сапожников. Со злобным, это само собой. Но злоба была наполнена какой-то реальной конкретикой. За это следователь мог поручиться.

Ренат Абдурахманович встал, выключил мешавший думать телевизор и принялся расхаживать по комнате взад вперед. Бывает, что люди похожи. Но почему ни один из опрошенных не рассказал, что мошенник напоминал погибшего два года назад местного жителя? Вот это действительно странно. А может, местный житель был приезжим?

Шерафутдинов начал припоминать дело Кузоватовского людоеда. Конечно, в деталях он его припомнить не смог, потому что дело вела прокуратура. Но тут всплыла одна любопытная деталь — один из расчлененных был беженцем из Азии. Кто именно, следовать не помнил. Но почему-то был уверен, что именно Кудрявцев.

Далее мысли поползли лавиной. Мошенник, скорее всего, — житель Ульяновска, но связан с космосом. В Ульяновске нет космических предприятий, а в Азии — есть. От волнения Шерафутдинов вышел на балкон.

Пахнула свежестью и августовской листвой. Налетевший ветер пошевелил на голове волосы. Ренат Абдурахманович с удивлением отметил, что в Кузоватовском районе он опросил только потерпевших, а с местными жителями не разговаривал вообще. Выходит прав генерал. Нужно больше работать, и меньше пенять на мистику.

«Завтра утром качу в центральную усадьбу, — решил про себя Шерафудинов. — Я был там трижды, но, похоже, крупно не доработал...»

7

Утро следующего дня было далеко не радужным. На работу, кроме Шурика-Австралии, не поднялись еще и два закадычных друга — Берестов с Креоновым. Сначала Луиза решила, что Креончик валяет дурака из солидарности с Леной, но, взглянув в его глаза, женщина поняла, что он тоже тоскует.

— Поцапался с Иринкой? — спросила она.

— Нет, — ответил Илья. — Просто она сегодня уезжает в Москву.

— Ах, вот оно что! — усмехнулась полудева. — Что же ты валяешься, как теленок? Почему не бежишь с цветами провожать?

— Она уже уехала, — вздохнул Креончик. — Первым автобусом.

— Эх, тоже мне джентльмен! — покачала головой Луиза. — Не смог проснуться к первому автобусу.

Но Креончик ошибался. Ирина не уехала первым автобусом. Она сидела дома и успокаивала трясущуюся, словно в лихорадке, мать. Ирина то обнимала ее, то гладила по голове, но Елена Ильинична никак не могла успокоиться. Она стучала зубами и причитала, что ей невыносимо страшно, и что оставлять ее одну в таком состоянии — это все равно, что младенца в лесу.

Собранный чемодан сиротливо стоял у порога, а мать с дочкой все никак не могли оторваться друг от друга.

— Был бы Алешка. Да он сейчас в мореходке, — всхлипывала Ильинична. — Ладно, дочка, беги. А то опоздаешь и на второй автобус.

— Как же я тебя брошу, мама? — всхлипывала Ирина, тайком поглядывая на часики.

— Ладно, беги. Я почти успокоилась.

Зубы Елена Ильиничны продолжали выбивать дробь, что свидетельствовало о противоположном. Сердце Ирины продолжала разрываться между матерью и остановкой.

А причина нервного срыва Елены Ильиничны была все та же. Сегодня утром, собрав дочку в дорогу и сунув ей в карман последние пятьдесят рублей, женщина вышла из дома, чтобы сбегать на утреннюю дойку. Вышла несколько озабоченной, с мыслью перехватить у кого-нибудь рубликов сто. Письмо из столичного университета пришло как всегда неожиданно, и Ильинична не подготовилась к отправке дочери. Она знала, что Ирина ждет вызов на экзамены, но экзамены давно начались, а вызова все не было. Вот и подумала мать, что вызов уже не пришлют. И она потратила все деньги из предыдущего кошелька на стройматериалы для капитального ремонта дома. Однако вызов прислали. И нужно было срочно отправлять единственную помощницу в столицу. А на что?

Не успела женщина сделать и двух шагов от калитки, как остановилась, словно вкопанная. В траве лежал кошелек. А может, и портмоне. Женщина поклялась, что больше никогда в жизни не поднимет чужого кошелька. Но она все равно нагнулась и открыла его. Открыла исключительно из любопытства. А вдруг в кошельке окажутся какие-нибудь ориентировки владельца, больничная справка, например, с именем и фамилией, или платежка за квартплату.

Но увы, никаких ориентировок не было. В кошельке новенькими сотенными купюрами лежала изуверская сумма. Две с половиной тысячи рублей. Женщина охнула и принялась испуганно осматриваться по сторонам. И тут ей показалось, что за соседским сараем мелькнула тень. Она пригляделась. Несомненно, из-за дровяного сарая за ней внимательно наблюдали.

— Эй, кто там за сараем? — грозно крикнула Ильинична. — Выходи, я тебя вижу!

Только никто не вышел. Несмотря на то, что женщину уже колотило от страха, она храбро направилась к дровнику, и когда подошла к нему, снова почувствовала какое-то движение. Ильинична заглянула за угол. Никого. Она обошла сооружение по окружности, но вовнутрь войти побоялась. Кажется, история повторялась. Деньги найдены. Хозяев нет.

Ильинична возвратилась домой бледная, как махровое полотенце. Дочь все поняла без слов.

— Снова кошелек с деньгами? — спросила она.

Ильинична кивнула и протянула дочери портмоне. Ирина открыла его, пересчитала и присвистнула. Количество денег ничуть не напугало девушку. Ее напугало состояние матери.

— Ой, дочка, боюсь! — горячо зашептала мать. — Ой, чувствую, что это нечистые деньги...

На третьем часу причитаний, когда до автобуса оставалось десять минут, Ирина поднялась с места взяла со стола кошелек и положила себе в карман.

— Ладно, мам! Я побегу! А про эти деньги забудь и живи спокойно.

— А куда же ты их денешь? — удивилась Ильинична.

— Пойду, подкину соседям...

— Ты с ума сошла! — воскликнула женщина. — Хочешь, чтобы по отпечаткам пальцам установили, что это наш кошелек? Нет уж, если нам выпало нести этот крест, то нечего его переваливать на соседей. Дай сюда кошелек!

Ирина улыбнулась и передала портмоне матери.

— Вот так бы давно, мама! Можно я оттуда возьму сто рублей?

— Нет, нельзя! — строго произнесла Ильинична, деловито доставая из портмоне несколько купюр. — Вот тебе триста. Ни в чем себе не отказывай. Я потом заработаю, положу на место.

Женщины обнялись и пустили по новому ручью слез. После чего Ирина, схватив чемодан, галопом понеслась на автобусную остановку. Девушка успела секунду в секунду. Когда она запрыгнула на верхнюю ступень автобуса, закрывшаяся дверь прищемила подол ее воздушного платья.

8

Через час после отъезда Ирины, в деревню на черной «Волге» въехал Ше-рафутдинов. Он заехал в Правлении колхоза спросить, где живут Кудрявцевы? В Правлении находился председатель. Глава рассказал, что два года на-

зад взял Антона Кудрявцева на работу вместо ушедшего в запой Селедкина. Бригадиром тогда был Федька Сапожников.

— Сапожников? Бригадиром? — удивился следователь. — Значит, Кудрявцева он хорошо знал. Во всяком случае, видел.

— Только в гробу, — произнес без тени юмора Эльдар Александрович.

Пояснил, что Селедкин в то лето ушел в запой вместе с Федькой Сапожниковым и Гришкой Анохиным. Гришку Анохина удалось откачать и вернуть на автомат витаминной муки. Предполагалось в скором времени вернуть в мастерские и бригадира. Что касается Селедкина, тот с ним был случай безнадежен. Его нужно было отправлять на лечение. Поэтому вместо него пришлось пригласить из Нaleyка почти непьющего беженца из Узбекистана Антона Кудрявцева.

«Значит, все-таки, беженца из Узбекистана, — отметил про себя Шерафутдинов. — Так-так, становится интересно...»

По словам председателя, Федьке Сапожникову так и не довелось увидеть нового работника АВМ в лицо. Только к похоронам бригадир частично вышел из запоя и даже помог тащить гроб Григория Анохина.

— Так что даже в гробу Федька не мог видеть Кудрявцева, — вздохнул Эльдар Александрович, — потому что колхозников хоронили в закрытых гробах. Он видел только фото Кудрявцева на могильном камне.

Шерафутдинов немедленно достал из портфеля фоторобот и показал председателю.

— Посмотрите внимательно, Эльдар Александрович, — попросил он. — Вот этот тип похож на Кудрявцева?

— Похож, — не раздумывая, ответил председатель. — Я бы даже сказал, что это он и есть.

«Как же так? — стонал себя следователь, выйдя из Правления. — Опросил всех в центральной усадьбе, а про председателя забыл. Вот, олух! А ларчик-то, оказывается, просто открывался».

Когда Шерафутдинов вошел в избу к Кудрявцевым и предъявил удостоверение, вдова почему-то побледнела. «Что это с ней?» — удивился следователь.

Женщина посадила гостя за стол, а сама, скрестив за спиной руки, обреченно встала у печи в ожидании вопросов. «Словно приготовилась к расстрелу», — подумал Шерафутдинов.

— Скажите, Елена Ильинична, как давно вы переехали из Узбекистана в Россию? — спросил Ренат Абдурахманович.

— Два с половиной года назад, — сухо ответила вдова, не поинтересовавшись, почему следователя, расследующего дело о мошенничестве, интересуют подробности гибели ее мужа.

Взгляд гостя упал на фотографии, висячие на стене между шифоньером и старинным буфетом. Он поднялся и приблизился к ним.

— Это ваш покойный супруг? — спросила Шерафутдинов.

Вдова кивнула и виновато опустила голову. И следователя опять удивило, что у хозяйки такой виноватый вид.

Ренат Абдурахманович разглядывал фотографии и все больше возбуждался. «Боже, как он похож на Гагарина!» Теперь понятно, почему именно журналист Станислав Сергеев! Оборонное предприятие здесь ни при чем. Когда запустили в космос первого космонавта, Антон Кудрявцев не мог не вырезать этой заметки из «Известий», потому что у него с Гагариным — одно лицо. Эту статейку с портретом космонавта он наверняка прилепил на стену, чтобы показывать друзьям. Как пить дать, эта вырезка провисела у него на стене не один десяток лет, пожелтела, свернулась в трубочку, на все равно продолжала висеть. Он выучил наизусть весь текст вплоть до фамилии корреспондента, написавшего его. Да может, кроме этой заметки, он больше и ничего не читал в «Известиях».

Чем внимательнее следователь всматривался в фотографии на стене, тем больше удивлялся стройности своих мыслей. Ему внезапно стало ясно, почему мошенника не могут описать свидетели? Все очень просто! Гипноз здесь ни при чем. Это такой тип лица! Ну, как же? Об этом читали лекции в

университете. Как ни странно, но именно Гагаринский тип лица самый незапоминающийся. Все, кто хотел описать, лицо Гагарина, сбивались на его улыбке. Они видели только его лучезарную улыбку. Она словно солнце ослепляла собеседника, оставляя в тени остальные черты лица.

Шерафутдинов вышел из дома Кудрявцевых словно прозревший. Вся неожиданно встало на свои места, все нестыковки и противоречия этого мутного дела.

Строилось все. И то, что он приезжий. И то, что он подсел на вкус местного хлеба. И то, что он еще не успел набраться этой местной мужицкой грубости, а, следовательно, из него не успела выветриться тонкая восточная дипломатичность, о которой упоминал парторг Коромысловки.

Но всерьез рассматривать эту версию не давала одна незначительная деталь — Кудрявцева уже два года, как нет в живых. Мистика, да и только! В самом деле, не выходит же он из могилы, чтобы совершать свои блестящие мошенничества?

Когда следователь ушел, Елена Ильинична без сил опустилась на табурет. «Что это значит?» — не поняла она. Женщина была уверена, что милиционер приходил по поводу найденных ею кошельков. Если бы гость заикнулся о них, она бы с готовностью во всем призналась. Но правоохранитель только посмотрел фотографии на стене и расспросил о покойном муже: какой институт он закончил, кем работал в Ташкенте и о прочих пустяках. Еще зачем-то спрашивал про родителей Антона. Но больше всего удивило Ильиничну, когда следователь спросил, выписывал ли его отец газету «Известия». «И причем здесь газета?» — пожала плечами женщина.

9

Бродя в раздумьях по центральной усадьбе и не зная, что делать с полученной информацией, следователь неожиданно подумал: «А не встретиться ли с заводским шефом по имени Илья?» Честно говоря, правоохранитель не знал, о чем он будет говорить с Ильей и какую информацию хочет от него получить. Но Шерафутдинов размышлял так, что если этот парнишка, сам

того не ведая, навел его на такой любопытный след, то он может также невзначай подсказать путь и к дальнейшим действиям?

Илью он нашел в школе на кровати, в весьма не радужном настроении. На соседней койке с еще более убитым видом лежал его товарищ Леонид Берестов.

— Видать, сильно измотала вас колхозная жизнь, — рассмеялся следовательно, войдя в комнату парней.

Ребята удивленно поднялись на локтях, и вдруг обоим сделалось стыдно. Два молодых здоровых лося в будничное время валяются на кроватях, симулируя болезненное состояние на почве несчастья в личной жизни, тогда как более слабые и менее здоровые девушки пахнут на морковном поле. Даже Австралия сегодня отправился на прополку.

— Да нет, ничего нас не измотало, — виновато пробормотал Креончик, поднимаясь с кровати. — Сейчас мы пойдем дочищать коровник.

— Мы сегодня планируем закончить, а завтра начать новый объект, — подхватил Берестов, вставая вслед за другом.

«Раз ребятам совестно, значит, они еще не совсем потеряны, — с удовлетворением подумал следовательно, а вслух спросил с сочувствием в голосе:

— Что, скучно вам, в колхозе?

— Скучно, — вздохнул Берестов. — Так бы ничего, да вот моя девушка уехала в Пензу поступать в институт.

— А моя уехала в Москву поступать в университет, — подхватил Креончик.

— Тогда ваше настроение понятно, — иронично произнес следовательно.

— Да нет, нормальное у нас настроение! — тряхнул волосами Креончик, словно вытряхивая из головы этот позорный для советского гражданина дух декадентства. — Сегодня мы даже планировали после работы снова пойти на поиски блиндажа.

— Какого блиндажа? — без всякого интереса спросил следовательно, думая о том, как перевести разговор на Кудрявцева.

Но когда Креончик рассказал, как его друг три недели назад при попытке обнять девушку совершил блистательный провал в блиндаж, Шерафутдинова точно кольнули иглой. «Вот оно! — встрепенулось внутри. — Вот ради чего его ноги интуитивно притащили сюда».

— Ну и чья это, по-вашему, землянка? — спросил он.

— Лесного человека, — не моргнув, ответил Креончик.

— Существует местная легенда, что в лесу жил леший, — вмешался Берестов. — Его многие видели. А некоторые даже водили с ним дружбу. В основном, алкаши с автомата витаминной муки. Потому что предприятие стоит практически в лесу...

— Не только алкаши! — перебил Креончик. — Танина мама, Мария Ивановна, тоже с ними дружила. Она что, по-твоему, алкашка?

— Стоп! — оборвал следователь. — Танина мама — это кто?

Друзья переглянулись. В глазах у одного читался вопрос: «Рассказать?» У второго ответ: «Рискни!»

Креончик приблизился к следователю и, снизив голос до полусшепота, рассказал про Таню все. На том месте, где ребята подглядели, как девушка в доме Федьки дурачка, превратилась в собаку, следователь чуть не расхохотался. И хорошо, что сдержался. Потому что после этого он услышал очень важную для следствия информацию. Танино упоминание о том, что в доме Федьки дурачка ей помогает превращаться в животное дух ее дяди.

— И кто же, по-вашему, ее дядя? — спросил Шерафутдинов.

Ребята пожали плечами.

— Насколько мы знаем, у Тани нет дяди, — ответил Берестов. — У ее матери, Марии Ивановны, есть дядя — Потап Кудрявцев.

— В последний раз его видели в поселке имени Гимова летом 1944 года, — проявил осведомленность Креончик.

— Здесь его тоже видели, — покатился от смеха Берестов. — Но об этом вам лучше расскажет баба Оксана, его бывшая жена. Он утек от нее среди ночи в одних кальсонах...

Шерафутдинов слушал друзей со снисходительной улыбкой. Также со снисходительной улыбкой он ушел от них, взяв адрес бабы Оксаны и Марии Ивановны Цветковой, Таниной мамы. Пока он еще не знал, как относиться к столь нестандартным показаниям этих симпатичных ребят, которые, после завершения разговора, действительно отправились в коровник.

Не буду описывать встречу следователя с бабой Оксаной. Скажу коротко, что сначала она прикидывалась глуховатой, потому не совсем понимающей, потом не вполне адекватной, но, в конце концов, не выдержала и рассказала товарищу из города о возвращении Потапа с войны то же самое, что и заводским шефам, причем, слово в слово и с той же интонацией. Следователь уходил от нее с полной уверенностью, что бабка выжила из ума. «Если здесь все такие, то место психбольницы имени Карамзина в Кузоватово, а не в Ульяновске», — с досадой подумал он.

Однако Танина мама произвела на следователя довольно благоприятное впечатление. Она показалась гостю вполне адекватной. Вот только откровенничать с товарищем из ГУВД не захотела.

— Моя личная жизнь никого не касается, — жестко отрезала она.

— Но причем здесь ваша личная жизнь? — удивился следователь. — Я расследую дело о мошенничестве в крупных размерах.

— Но какое отношение к мошенничеству имеет мой покойный дядя Потап Матвеевич?

— Так все-таки покойный? — подловил женщину следователь. — Значит, вы знаете, когда он погиб?

— В 1943 году, — ответила женщина. — При форсировании Днепра. У меня до сих пор хранится его похоронка. Могу показать.

— Но почему она хранится у вас, а не у его вдовы? — поинтересовался Шерафутдинов.

Глаза женщины яростно вспыхнули.

— А вы знаете, что когда он вернулся к ней живым и здоровым, она выгнала его из страха, что пойдет с ним по этапу за его дезертирство...

Женщина осеклась и закрыла ладонями рот. Следователь доброжелательно улыбнулся.

— Раз начали, договаривайте, — подбодрил он. — Не бойтесь! У нас разговор без протокола.

— А собственно, все, — опустила глаза Мария Ивановна.

— Но потом он пришел к вам, как к родственнице, — не унимался Шерафутдинов.

— А что ему еще оставалось, — вздохнула женщина. — Он поселился в лесу. Вырыл землянку. Я ему туда носила еду. Он жил в ней тихо, никому не мешал. Жил там зимой, и летом. И никто об этом не знал.

— Даже ваша дочь?

Женщина посмотрела на следователя настороженно.

— Я рассказывала Тане, что у нее в лесу живет дядя. Но где именно живет, она не знала. Кстати, ходят слухи, что Танечка родилась от него. Это ложь! Ее отец — один водитель из города, который работал у нас на строительстве школы.

— Это ваши личные дела, — перебил следователь. — Меня интересует другое. Где ваш родственник находится сейчас?

— Не знаю, — пожала плечами женщина. — Может, перебрался в другое место.

— Вы сказали, что он умер.

— Сказала, — вздохнула Мария Ивановна. — Но трупа его я не видела...

10

Все смешалось в голове Шерафутдинова. Мошенник, с ориентировками покойного Антона Кудрявцева, баба Оксана, выгнавшая своего убитого мужа, местная девушка Таня Цветкова, превращающаяся в доме Федьки дурачка в собаку, лесной человек, более сорока лет обитавший в кузоватовском лесу.

«Нет, не найдут сегодня ребяташки блиндаж, — качал головой следователь, трясясь в своей казенной «волге». — Его вообще невозможно найти. Не

для этого он строился, чтобы на него натыкались случайные люди. Только Танины ноги могли интуитивно привести к нему, потому что она связана кровными узами с лесным человеком. Они и привели. И это закончилось провалом Берестова в блиндаж... Тьфу ты! О чем я думаю?» — встrepенулся следователь.

Если все сумасшедшие в своем счастье похожи друг на друга, то каждый сходящий с ума несчастен по-своему. Шерафутдинов громко расхохотался, представив, как все эти факты он внесет в материалы уголовного дела и принесет на прочтение генералу.

«А что! Возьму и внесу. Ради смеха. Интересно, генерала сразу хватит инсульт, или перед этим он успеет упечь меня в Карамзинку? А вдруг он проникнется? — продолжал дергаться от смеха следователь, объезжая песчаные ямы. — И он вызовет в кабинет и, строго нахмурив брови, спросит: «А вы установили, Ренат Абдурахманович, почему у Цветковой Татьяны это началось именно два года назад? Вы не подумали, что это может быть связано с исчезновением его родственника из леса, который ориентировочно был оборотнем? Кстати, что у нас было два года назад?»

По прибытию в город Шерафутдинов сразу направился в областную прокуратуру. Он встретился со старшим следователем Павлом Климентьевым, который вел дело Кузоватовского людоеда. Павел Федорович был немало удивлен тому, что это нашумевшее расследование под грифом «секретно» снова всплыло. Но уже по делу о мошенничестве с кузоватовскими колхозниками.

— Так что вас интересует конкретно, Ренат Абдурхманович, — с недоумением спросил Климентьев.

— Сколько фактических жертв было у Федора Баранова?

— Двое, — пожал плечами Павел Федорович. — И фактических и по заключению экспертизы. Это — Григорий Анохин и Антон Кудрявцев.

— Меня интересует Кудрявцев. Был ли его труп опознан родственниками?

— Да бог с вами, Ренат Абдурахманович, — рассмеялся прокурорский работник, — вы не вполне представляете, что стало с их трупами. Скажу ко-

ротко, опознание тел было невозможно, потому что, тел, как таковых, не сохранилось. Пострадавших опознали по одежде, обнаруженной на месте происшествия.

— А генная экспертиза проводилась? — спросил Шерафутдинов.

— Генная? — удивился Климентьев. — Конечно, нет. Какая в ней необходимость, если жертвы опознаны родственниками. Хоть и по одежде.

— Я так и думал, — задумался Шерафутдинов. — А не была ли с места происшествия изъята какая-нибудь бесхозная одежда, не принадлежавшая ни Анохину, ни Кудрявцеву.

— По-моему, нет, — неуверенно ответил Климентьев. — Хотя точно не помню. Нужно полистать материалы. Можете полистать сами. Могу дать копию обвинительного заключения.

— Будьте так добры, — обрадовался Шерафутдинов.

Вернувшись в ГУВД и закрывшись в своем кабинете, следователь раскрыл пухлую папку и провалился, словно Берестов в блиндаж. «С места происшествия изъято, две спецовки предполагаемых жертв, две пары сапог, две тельняшки...» — прочел Шерафутдинов в протоколе и поднял глаза к потолку. Но это казенные вещи, а где же личные? Ага, вот и личные: «Четыре пары носков, трусы, майка, пара кальсон...»

Стоп! Какие еще кальсоны? Кто в наше время носит кальсоны? Чем больше Шерафутдинов вчитывался в дело, тем больше убеждался в том, что процедура опознания носила формальный характер, и эксперты написали заключение практически на автомате.

В этот же день Шерафутдинов оформил запрос на эксгумацию жертв кузоватовкого людоеда для проведения генетической экспертизы.

11

Все на свете кончается. Так и для заводских шефов закончился срок колхозной ссылки. С утра заводчан на площади уже поджидал дребезжащий ПАЗик для доставки их на завод. Настроение у всех было восторженное! Малахаев на радостях разродился новой поэмой, что, конечно, немного под-

портило праздник. Однако прочесть шедевр ему не дали в связи с нехваткой времени. Берестов с Креончиком также чувствовали прилив каких-то новых необузданных сил.

— А я бы еще здесь остался, — неожиданно признался Креончик. — До полнолуния. А в полнолуние отправился бы в дом Федьки дурачка, сел на пятки и вообразил бы себя собакой.

— Ну, ты и осел! А меня здесь больше ничего не держит! — заносчиво воскликнул Берестов.

Под ложечкой засосало. Ему вспомнилась Танечка, ее кроткий взгляд, влажные губы и сплетенные на шее руки. «Нет! — затряс головой упрямец. — Больше никаких Тань. К черту все, к лешему, лучше повешусь я!»

С этой минуты перед глазами нашего героя начал рисоваться новый образ. Точнее, напрочь забытый старый. Это образ Алочки, у которой невинный взор и губки бантиком.

На площадь явились местная братва. Она встала кругом неподалеку от крыльца, дружно закурила и начала уныло поглядывать на садящихся в автобус девчонок. Внезапно на площади появился Пашка. Он был с громадным букетом полевых цветов. При виде этого подсолнуха с букетом девчонки издали полувосторженный, полуиздевательский вой. Впрочем, в их вредном завывании нельзя было не уловить и некоторой доли зависти. Глаза местных пацанов мстительно заблестели и губы исказились в презрительной усмешке. Однако надо отдать должное железной выдержке первого друга шефов. Он абсолютно бесстрашно подошел к Луизе, вручил ей букет и поцеловал руку.

— Вот, я понимаю, кавалер! — воскликнула Анюта.

— Джентльмен! — добавил Толик.

— Рыцарь печального образа! — уточнил Малахаев.

— Пецарь рычального борзова! — сморозила Розка, но ее не поддержали.

А напротив, все заплодировали неожиданному кавалеру. Луиза смущенно понюхала букет, скромно улыбнулась, затем борзо скомандовала, спрятав глаза от жениха:

— Быстро садимся в автобус! Через пять минут отъезжаем!

К отъезжающим подошел председатель.

— Дорогие товарищи шефы, — произнес Эльдар Александрович. — Мы всегда рады приветствовать вас на нашей родимой земле. Приезжайте еще. Помощи от вас, конечно, как от козлов капуста, но с вами, по крайней мере, не соскрючишься.

Вольная речь председателя вызвала смех. Ему тоже зааплодировали. Парторг так и не показался. И слава Богу! Все сели в автобус. Пашка на прощание скрестил над головой руки и воскликнул:

— Мото-мопасаран!

— Авто-мото-мопасаран! — дружно ответили ему.

— Авиа-авто-мото-мопасаран, — добавила Розка.

И автобус тронулся с места. И снова под ложечкой у Берестова засосало. Он закрыл глаза и как-то не по-мужски хлюпнул носом.

— Ты чего? — ткнул его в бок Креончик.

— Да вспомнил, как кошку хоронил, — вздохнул Берестов и перевел взгляд на прокусанную штанину.

Креончик, перехватив его взгляд, понимающе улыбнулся.

— И что тебя вместе с этой кошкой не похоронили! — сварливо воскликнул он, затем дружески похлопал по спине: — Не дрейфь! Придут другие, еще лиричнее.

Не одному Берестову было грустно. Креончика тоже грызла тоска по Ирине. Только он этого не показывал. Кстати, и Луиза, положив Пашкин букет на колени, задумчиво уставилась в окно.

За окном простирались пожелтевшие поля. Когда они сюда ехали, поля еще были зелеными. Глядя на эти поля, загрустил и Малахаев.

— Эх, — произнес он с тяжелым вздохом. — Сейчас бы выпить!

Луиза оторвалась от окна и произнесла меланхолично:

— Там у меня в сумке есть. Достань!

Солнце расстегнуло лежащую под ногами сумку и, издав вопль торжествующего ирокеза, извлекло литровую бутылку с самогоном.

— Ай да Пашка, ай да сукин сын! — воскликнул Малахаев. — Как такого не вспомнить добрым словом?

Наличие бутылки с веселой водой вызвал в автобусе небывалый подъем. Было прикольно разливать по трясущимся кружкам самогон, махом выпивать под улюлюканье товарищей и занюхивать семечками и фантиками от карамели.

Возвращались настолько весело, что даже не заметили, как въехали в город. Около полудня раздолбанный автобус подкатил к проходной электронного завода «Искра».

12

К концу сентября были готовы результаты генетической экспертизы жертв. Неожиданно выяснилось, что Григорий Анохин действительно был расчленен двадцатисемилетним уроженцем Кузоватовского района Федором Барановым, а Антон Кудрявцев — нет. Фрагменты предполагаемого тела Кудрявцева принадлежали отнюдь не ему. Они принадлежали некоему третьему лицу, о котором ничего не было известно следствию. Кто же был этот третий, и каким образом Ирениному отцу удалось избежать участи своих товарищей?

На эти вопросы у следователя Шерафутдинова уже были ответы в сентябре 1987 года. Однако озвучить их начальству он не решился, настолько они были фантастичными. Он потребовал провести еще одну генетическую экспертизу. И тут, в подтверждение его догадке, выяснилось, что этот некто третий, расчлененный Федькой дурачком вместо Кудрявцева, являлся родственником Марии Ивановны Цветковой, а следовательно и Таниным родственником.

Не будем делать сенсацию вокруг открытия Ульяновского следователя. Читатель, давно уже догадался, что этот некто — Потап Матвеевич Кармишин, который с 1944 года по 1985 годы скрывался в лесу, опасаясь наказания за дезертирство. Официально он числился убитым, поэтому его никто не разыскивал. Многие из кузоватовских слышали о нем, а некоторые даже встре-

чались. Особенно старик Потап дружил с мужиками автомата витаминной муки. Он часто приходил к ним обедать и выпивать. Мужики знали, что это не просто старик из леса, а сын знаменитой колдуньи из Хохловки, но относились к этому с английским спокойствием. Каким же образом такие разные судьбы Антона Кудрявцева и Потапа Кармишина так замысловато переплелись?

Все очень просто! Видно, вправду умирать такой жуткой смертью безобидному беженцу из Узбекистана не было уготовано судьбой. Не заслужил он такой смерти! В моем распоряжении имеется протокол с показаниями самого Антона Глебовича Кудрявцева, который был составлен через двадцать четыре года после этих событий.

«28 августа 1985 года, — цитирую документ, — около полудня мы с Григорием Анохиным отключили автомат витаминной муки, потому что у нас закончилась трава, и пошли обедать к Федору Баранову. Когда мы вошли к нему в дом, то увидели, что у него находится дед Потап. С дедом Потапом я был знаком до этого. Он приходил к нам в мастерские, и мы с ним несколько раз выпивали...»

— Здорово, дед, — приветливо улыбнулся Кудрявцев и протянул Федькиному гостю руку.

Здоровенный детина с длинной седой бородой и дремучими бровями был почему-то не в настроении. Он пожал протянутую руку не очень охотно, а Гришке вообще не подал руки. Потап шмыгнул носом и молча достал из кармана полулитровую бутылку самогона. Федька дурачок радостно засмеялся и по-детски потер ладошки. Из рта у него потекла нежная струйка слюней.

— Да утри свои слюни, Федька! — грубовато произнес Григорий. — И давай сюда стаканы.

Федор встрепенулся, сорвал с гвоздя вафельное полотенце и принялся старательно вытирать им рот. Зачем смачно высморкался и повесил полотенце обратно.

— Фу, Федьк! — поморщился Гришка. — А мы этим полотенцем морды потом вытираем. Ладно, тащи скорее стаканы.

Федька кинулся к буфету, извлек четыре граненых стакана, а дед Потап почему-то тяжело вздохнул.

— Сегодня с утра прошелся по дальнему лесу, — произнес он угрюмо. — Набрал две корзины белых грибов.

— И где же они, дед? — оживился Гришка. — Почему мы опять будем закусывать дохлой килькой в томате, а не большой сковородкой с шипящими грибами.

Глаза деда Потапа сверкнули довольно злобно.

— А чего бы сейчас ты пил, воду что ли?

— Так ты выменял две корзины на эту бутылку? — поморщился Гришка. — Ну, ты совок! Одной корзины хватило бы за глаза.

Потап обиженно отвернулся. А Федька, поставив на стол стаканы, засмеялся. Это почему-то еще больше обидела старика. Он дремуче сдвинул брови и засопел как жеребец. Кудрявцев давно заметил, что дед из леса чрезмерно вспыльчив и крайне обидчив. Антон знал, что их лесной друг был контужен на войне, и от этого он немного со странностями. Также Кудрявцева изумляло, что в деревне очень спокойно относились к тому, что один из их жителей живет в лесу.

— Я слышал, что на вас приходила похоронка с фронта, — вежливо спросил Кудрявцев, повернувшись к деду Потапу.

Спросил чисто для того, чтобы разрядить нервную обстановку. Дед метнул строгий взгляд из-под бровей в малознакомого собутыльника и хрипло произнес:

— Меня убило, когда я плыл в лодке.

— Убило его, — захихикал на стуле Гришка. — Такого убьешь.

— Да убило! — повысил голос дед Потап, и рванул на себе спецовку. — Прошло насквозь пулеметной пулей.

Перед взором собутыльников на правой стороне груди товарища предстал внушительный шрам в виде воронки. Анохин присвистнул и притих.

— Я помню, как потом меня вытащили из лодки, — продолжал рассказывать дед Потап. — И помню, как врач в медсомбате сказал: «Готов». И еще помню, как меня положили рядом с убитыми бойцами, накрыли брезентом и приготовили к захоронению в братской могиле. А потом ночью вышла луна, и я почувствовал, что могу шевелиться...

В эту минуту снова некстати расхохотался Федька дурачок. Дед Потап насутился, и стал зубами выдергивать пластиковую пробку из бутылки.

— Ну, а дальше? — спросил Кудрявцев.

— А дальше я не помню, — промычал дед и вытащил, наконец, пробку.

Его руки почему-то дрожали. То ли от нахлынувших воспоминаний, то ли от Федькиного смеха. Дед начал неторопливо разливать по стаканам, и налил почему-то в три стакана. Когда Федька нетерпеливо потянулся к одному из них, дед Потап зло хлестнул его по рукам. От неожиданности Федька вскрикнул и испуганно засунул ладонь в рот. Мужики от неожиданной выходки старика вздрогнули. Кудрявцев с Анохиным переглянулись.

— Куда лезешь? — злобно прохрипел дед. — А ну сядь вон там, на диване. И чтобы не звука.

Напуганный Федька попятился к дивану и послушно сел, положив на колени руки, словно нашкодивший школьник. Выпивали молча, без тостов. Атмосфера была тяжелой. Кудрявцеву это не нравилось. Ему хотелось вернуться в мастерские, подстелить под себя фуфайку и заснуть в траве среди букашек.

Но через пару минут выяснилось, что выпивки категорически не хватает. Работнички витаминной муки принялись шарить по карманам и извлекать по монете свои закладки. Кое-как наскребли на бутылку водки, и Кудрявцев вызвался сам сходить в магазин.

Когда он вышел из-за стола, то заметил, каким завистливым взглядом провожает его сидящий на диване Федька. Кудрявцеву стало его жалко. Он подмигнул парнишке, и плаксивая физиономия Федьки расплылся в дурашливой улыбке. «Если останется сдача, куплю ему конфет», — мелькнула благородная мысль.

У порога Кудрявцев снова обернулся и заметил, как Федька с хитрым видом косится на воткнутый в дубовый табурет топор. Тогда, конечно, Антон не придавал этому значения. Но потом этот эпизод он будет ни раз вспоминать ночами, просыпаясь от кровавых кошмаров. Ведь стоило ему вернуться, вытащить топор из табуретки и кинуть во дворе на поленницу, с товарищами ничего бы не произошло...

Когда через полчаса Кудрявцев возвратился в избу с бутылкой водки в кармане и кулечком карамелей в руках, в нос из сеней шибанул терпкий запах свежей крови. Антон прошел на кухню и застыл, как статуя. За столом в луже собственной крови полулежали его собутыльники. А их головы с нашкодившим видом держал в руках Федька дурачок.

Выйдя из оцепенения, Кудрявцев издал дикий вопль и, не помня себя, рванул в поле. Там он упал носом в траву и не шевелился до темноты. Рассудок отказывался верить, что это кошмар произошел в действительности, а не во сне.

Потом он видел из травы, как из Федькиной трубы валил черный дым, и понимал, что деревенский дурачок, не будь дураком, таким образом избавляется от улик. Кудрявцев также видел, как к Федькиному дому подошла соседка, которая долго принюхивалась и прислушивалась, а потом перелезла через палисадник и заглянула в окно. Непонятно, что она там увидела, но после этого женщина рысцой побежала в сторону магазина, по всей видимости, звонить в милицию.

Когда к Федькиному дому подъехал милицейский УАЗик, а затем прибежал председатель, Эльдар Александрович, Кудрявцев поднялся и пошел к ним, чтобы рассказать о том, что произошло. Уже стемнело. Антон приблизился к дому в тот момент, когда милиционеры, покачиваясь от увиденного, выходили на улицу, глотнуть свежего воздуха.

— Кого он расчленил? — спросил один из них.

— Двух рабочих с АВМ, — ответил второй. — Вон их спецовки валяются на диване.

Кудрявцев хотел внести ясность, рассказать, что второй покойник — не рабочий автомата витаминной муки, а дед Потап из леса. Просто в спецовку его приодели товарищи. Но тут он услышал, как председатель четко произнес его фамилию.

Кудрявцев вздрогнул. «Нет-нет, я жив!» — хотел воскликнуть он, но язык словно онемел. Непонятно, в ту ли минуту ему пришла мысль пополнить список погибших, или чуть позже. Потому что еще более десяти минут он стоял на углу дома в трех шагах от крыльца, и его никто не хотел замечать.

Но мысль уже сработала в этом направлении, и мозги кипели, подсчитывая преимущества его пребывания в царстве мертвых. «Во-первых, жена уже не сможет взыскивать алименты, — тикало в висках, — а значит, я снова могу считать себя мужчиной. Как известно, клеймо алиментщика равноценно клейму неудачника. С ним мужчина не может считаться полноценным. Во-вторых, я снова стану свободным, как в двадцать лет. И на шее не будет никакого ярма: ни жены, ни семьи, ни забот, ни обязанностей. В-третьих, появилась возможность заново начать жизнь с чистого листа...»

13

Прибыв на завод, Берестов первым делом поднялся в плановый отдел к Светлане. Внезапное появление ухажера на шестом этаже планирования почему-то не обрадовало девушку. То ли она стеснялась находившихся рядом сотрудниц, то ли действительно была завалена работой. Слегка подвыпившего гостя Светлана встретила довольно прохладно. Она вежливо улыбнулась и спросила полуофициальным тоном:

— Уже вернулись? Молодцы.

Берестов порывисто схватил ее руку, но она, покосившись на коллег, нервно выдернула ее и нахмурилась.

— Только долго меня не задерживай, — озабоченно произнесла она. — Мне до обеда нужно сдать отчет.

Обескураженный не гостеприимным тоном, Берестов скромно присел на стул:

— Я, собственно, только узнать, почему ты так внезапно уехала? Даже не попрощалась! Что случилось?

Светлана снова зыркнула на сотрудниц, которые с умным видом впились в свои бумаги, а на самом деле чутко ловили каждое слово молодой сотрудницы, и неопределенно ответила:

— Все нормально. Просто, дела...

Леня нахмурился. Ответ ему не понравился. Он покачал головой и напомнил:

— Луиза сказала, что ты уехала по семейным обстоятельствам. А потом сказала, что твой отъезд связан со здоровьем...

— Боже мой! — неестественно расхохоталась Светлана: — Чего только не придумают! Я уехала, потому что мне там надоело! Еще вопросы будут?

Леня чутко уловил, что его выпроваживают. Он взглянул Светлане в глаза и, больше не произнеся ни слова, поднялся со стула и вышел вон. Светлана посмотрела ему вслед с сожалением и очень пожалела, что так не по-людски с ним поговорила. А как еще говорить? Когда кругом бабы, и у них такие острые языки...

— Этот придурок и есть твой спаситель? — с насмешкой произнесла одна из коллег, едва дверь за парнем закрылась. — Ну и чувачок!

— Не забудь, что теперь, как честная девушка, ты должна выйти за него замуж, — вставила три копейки другая сотрудница.

Все ехидно захихикали. Светлана промолчала. Она немного посидела за столом, покусала губы, затем, не выдержав насмешек, поднялась и вышла в коридор. Она ругала себя за то, что поддалась этим бабским штучкам и не смогла противостоять. «Нужно было сразу поставить их на место», — подумала она и заплакала.

А все дело в том, что слухи о похищении красивой девушки деревенскими парнями, которую геройски отбили заводские ребята, долетели до завода раньше возвращения шефов. Сотрудницы Светланы из зависти, что из-за нее в колхозе кипели такие страсти, принялись над ней насмешничать. В частности, напирала на то, что ей, такой красавице, такой тонкой и возвышенной

натуре, придется в знак благодарности выйти замуж за этого грубого неотесанного Леню Берестова из двенадцатого цеха. Сначала Светлана горячо защищала друга, пытаясь доказать, что он такой же тонкий и возвышенный, как она, но это только подливало масла в огонь. Словом, как это бывает, благодаря стараниям подруг, ее романтическая дружба с Леной была опошлена, растоптана и превращена в руины.

Наш герой вошел в свой родной двенадцатый цех с опущенной головой и с тяжелым сердцем. «Уехала, потому что надоело... — удивлялся он. — Странно. Таких капризов раньше за Светланой не наблюдалось...»

Парень не мог не заметить, что вся женская половина этажа подняла головы на его приход. Слухи о его подвигах дошли и до двенадцатого цеха. К возвратившемуся работнику подошел начальник Александр Григорьевич и сердечно тряхнул руку.

— Молодец, Леонид! Ты — истинный гусар. Горжусь тобой!

За большим конвейером раздались аплодисменты. Леня удивленно оглядел цех. Все смотрели на него с живейшим интересом: женщины — с любовью, мужчины — с уважением. И тогда Берестов понял, что еще не время унывать. И снова шальная радость охватила его.

В тот день работа двенадцатого цеха практически была парализована. Работали только женщины. Мужчины, набившись в курилку, слушали сказки о колхозной жизни, которые поочередно рассказывали возвратившиеся из ссылки ребята. Хохот стоял такой, что на потолке вздрагивали светильники. Еще никогда ранее курилка не слышала столько восторженного вранья о боевых и амурных подвигах работников калькуляторного цеха.

— Был, конечно, у нас и некий провал в блиндаж, — хитро подмигнул мужикам Малахаев, — но в основном все заканчивалось блестящими победами.

Это вызвало новую волну патриотического подъема в курилке. Многие изъявили желание добровольно отправиться в колхоз. Пришел мастер. Послушал разговоры. Покачал головой и ушел. Через минуту возвратился с

двумя литровыми бутылками спирта. Словом, более приятного времяпрепровождения, чем тогда в курилке, Берестов на заводе и припомнить не мог.

А дома героя ждал очередной приятный сюрприз. Родители сообщили, что ему чуть ли каждый день звонила некая Аллочка, которая сильно интересовалась, когда Ленчик возвратится из колхоза.

«Уж если начинает фартить, так уж фартит», — подумал Леня и позвонил Аллочке. Как она обрадовалась! Леня почувствовал это еще до того, как она вымолвила первое слово, обдав его ухо горячим дыханием. Встретиться договорились через полчаса, в кафетерии на улице Гончарова.

Когда Берестов подходил к кафе, то увидел, что Аллочка уже ждет у стеклянных дверей, нетерпеливо крутя головой. «Она впервые в жизни не опоздала? — удивился Леня. — Что-то с нашей страной становится...»

При виде труженика полей девушка с прозрачным взором не стала по обыкновению скрывать радости. Объятия были крепкими, поцелуи сладкими, однако не столь продолжительными, сколь требовалось соскучившейся душе. Аллочка слегка оттолкнула парня и указала пальцем на дорогу. Берестов оглянулся и вздрогнул. На них, оскалив зубы, смотрела большая черная собака. Леня почувствовал, как волосы на голове предательски зашевелились. Он схватил девушку за руку и затащил за стеклянные двери кафетерия. Аллочка удивленно вытаращила глаза:

— Это разве не твоя собака?

— Почему ты решила, что моя? — в свою очередь удивился Берестов.

— Но она же пришла с тобой...

— Со мной?

Берестов снова взглянул на то место, где неподалеку от чугунной урны стояла собака. Но ее уже не было.

— То есть, как со мной? Я не видел.

14

Антон Кудрявцев был объявлен в федеральный розыск в октябре того же года. Следователь собрал доказательства и убедил начальство в том, что

предполагаемый мошенник, совершивший ряд блестящих авантюр в средне-волжском регионе, — никто иной, как беженец из Узбекистана, числящийся погибшим в августе 1985 года.

Теперь в распоряжении сыскной милиции были все его данные. Практически все свидетели при виде его фото подтверждали, что это и есть мошенник, обманувший их. Но были и такие, которые продолжали сомневаться, и пожимали плечами, когда показывали фотографию Кудрявцева: «Вроде похож, но стопроцентной уверенности нет».

Куда же делся сорокасемилетний Антон Кудрявцев после жуткого двойного убийства в доме Федора Баранова? Если сказать, что после этого он канул словно в воду, это было бы вопиющей неправдой.

Как видим из материалов дела, Антон Глебович и не думал скрываться. С 6 сентября 1985 года по 19 августа 1987 года он проживал в качестве гражданского мужа у жительницы Ульяновска Галины Николаевны Дырочкиной. Причем, проживал в самом центре Ульяновска, на улице Карла Маркса, ни от кого не прячась. Кстати, Галина Николаевна — мама Светланы.

Как уже упоминалось, наша очаровательная героиня росла без отца. В их доме с матерью не ступала нога ни одного мужчины до совершеннолетия дочери. Где мама познакомилась с дядей Антоном, после того, как девушке исполнилось восемнадцать, дочь не знает до сих пор. Просто в один прекрасный день, родительница привела его в дом и коротко сказала дочери, что отныне этот человек будет жить с ними.

Мужчина был общительным и симпатичным. Но девушку он настораживал. Во-первых, тем, что нигде не работал. Светлана у него спрашивала, кто он по специальности, и почему он не работает? Дядя Антон в первый раз отшутился, а во второй раз сказал, что он по специальности журналист, а работает в специальном отделе КГБ. Мама поверила, а дочь нет. Галина Николаевна была ослеплена свалившимся на голову счастьем, а Светлана остро чувствовала, что дядя чего мутит.

Настораживала девушку и то, что у безработного дяди Антона водились деньги. И деньги немалые. Однажды Светлана, узнав от матери, что та ни ра-

зу не видела его паспорт, залезла в карманы его пиджака, в надежде найти документ, и извлекла на свет толстую пачку сторублевых купюр. «Десять тысяч, не меньше», — встревожилась Светлана, не найдя в карманах документа.

Когда она рассказала об этом матери, то получила от нее подзатыльник за то, что лазила по чужим карманам.

— Деньги у Антона Глебовича казенные, — шепотом объяснила мама. — Их выдали ему под расписку для выполнения секретного государственного задания.

Однажды Светлана приехала из Крыма на два дня раньше, чем планировала. Мать, как всегда, была на работе. Отчим, как всегда, спал на маминой кровати. Девушка зашла в спальню за косметичкой, и вдруг увидела на столике раскрытую тетрадку с записями. Это были какие-то записки дяди Антона. Светлана скользнула взглядом по верхней строчке и вздрогнула. Там было записано следующее: «Когда меня похоронили, то я с удивлением заметил, что меня перестали замечать люди и узнавать знакомые ...»

Испуганная девушка выскочила из спальни, заперлась у себя в комнате и прощелкала зубами до прихода матери. Она хотела все рассказать родительнице, но потом раздумала. Мать не поймет ее тревоги и снова начнет упрекать, что она шарила в вещах ее сожителя. Словом, с появлением в доме незнакомого дяденьки, девушка потеряла покой и сон.

Впрочем, были мгновения, когда Светлане казалось, что все ее подозрения надуманы. Надуманы по причине дочерней ревности. Такое бывает. В целом же дядя Антон был ничего. Веселым, живым, заводным. Он рассказывал много занимательных историй. Однажды рассказал про человека, которого убили на войне. Но поскольку этот человек был оборотнем, то он не умер. Человек вернулся домой, но жена его выгнала. Бедняге ничего не оставалось, как вырыть землянку и поселиться в лесу. С тех пор у него было только одна мечта — умереть, чтобы избавиться от страданий. Но чтобы умереть, ему нужно выстрелить себе в сердце серебряной пулей, либо живьем сгореть на костре, либо расчленив себя на мелкие кусочки и разбросать по свету.

— Но и это еще не все! — хитро подмигнул дядя Антон. — Перед смертью он должен передать свои колдовские знания ученику, в противном случае, он не имеет права на смерть.

— Неужели и на смерть нужно иметь право? — удивилась похолодевшая от ужаса Светлана. — Ну и как? Он передал знания?

— Не знаю, — рассмеялся дядя Антон. — Мне он сказал, что может передать свои знания и после смерти. И он уже выбрал, кому их передаст. Главное теперь ему — успешно умереть.

— Говорил тебе? — перекрестилась мама. — Может, хватит, Антош, страшилки рассказывать? Посмотри на Светку! Она ведь верит.

Дядя Антон рассмеялся и не закончил своей байки. Впрочем, на этом никто и не настаивал.

Светлана откуда-то знала, что этот человек с улицы — не мамина судьба, и они рано, или поздно расстанутся. Но девушке и в голову не приходило, что причиной их расставания послужит она. И вот наступила развязка. При чем наступила в колхозе.

Забредя в тот роковой вечер с Берестовым на Кузоватоское кладбище, Светлана внезапно увидела могилу дяди Антона. Хватит ли слов, чтобы описать тот ужас, который охватил девушку при виде ритуального портрета мамино сожителя, который смотрел на нее с надгробного камня как живой. «Так он оказывается мертвый и похоронен два года назад, — пронзило бедняжку. — Так вот что он имел в виду в своем дневнике. Значит он сам оборотень, и рассказывал о себе! А может, он вампир? Конечно вампир! Иначе откуда у него столько денег?»

Сколько еще ужасных мыслей пролетело через голову испуганной девушки. Самое прискорбное, что этими ужасами она ни с кем не могла поделиться. Ни с кем, кроме мамы.

В тот вечер Светлана знала только одно: ее мама в опасности. Нужно срочно возвращаться в город, если уже не поздно. Если он уже не высосал из бедной мамочки всю ее голубую кровь...

Когда на следующий день Светлана приехала в город, то сразу побежала на работу к маме. Та внимательно выслушала дочь и, вопреки ожидаемому, сильно встревожилась. Мама отпросилась с работы, и они вместе отправились домой.

Войдя в квартиру, Светлана первой проследовала в спальню, разбудила дядю Антона и потребовала объяснений. Услышав, что падчерица видела его могилу на Кузоватовском кладбище, мужчина заметно встревожился. Если бы он рассмеялся, или предположил, что в Кузоватовском районе похоронен кто-то похожий, то это развеяло бы страхи. Но дядя Антон ушел в себя и молчал несколько минут. Было видно, как он мучительно обдумывает, чтобы такое соврать.

— Хорошо, — наконец со свистом выдохнул он. — Открою вам государственную тайну. Так нужно было для дела. Ну, будто меня нет в живых. Это для того, чтобы сбить с панталыку врагов из-за океана.

Светлана презрительно скривила губы, Галина Николаевна укоризненно покачала головой. В такую грубую ложь не поверила даже мама.

— Говорите, кто вы такой? И что вам от нас надо? — строго потребовала Галина Николаевна, неожиданно перейдя на «вы»? — Или мне вызвать милицию?

Дядя Антон вздрогнул. Он окинул женщин растерянным взглядом и залепетал:

— Не надо милицию! Иначе меня турнут из органов. Я не должен раскрываться. Я... сейчас уйду. Клянусь, вы меня больше никогда не увидите...

Мужчина быстро оделся. Молниеносно покидал в чемодан свои вещи, звонко щелкнул замками и поспешно вышел из квартиры, не обернувшись на прощание. Дышать стало легче. Во всяком случае, Светлане. А у мамы по щекам покатались слезы.

— Он вернется? — спросила она у дочери.

— Пусть только попробует, — сжала кулаки Светлана.

Мама заплакала. Было двенадцати часов дня. На календаре 19 августа 1987 года.

Он действительно больше не вернулся, и Галина Николаевна со своей дочерью Светланой больше никогда его не видели. С того дня в Поволжье прекратились подобные мошенничества.

Месяц спустя, а точнее, 28 сентября того же года в Вешкаймском районе Ульяновской области на частной квартире прописался некий сорокадвухлетний приезжий из Ташкента по фамилии Кондратьев. В паспортном столе он рассказал, что его семья погибла во время волнений в Узбекистане.

Беженец из Ташкента был бородат, выглядел интеллигентно, разговаривал деликатно, и намерения на новом месте поселения, судя по всему, имел серьезные. По его словам, вредных привычек за ним не водилось: он не пил, не курил и с женским полом никакого легкомыслия себе не позволял.

На второй день после приезда он устроился грузчиком в продовольственный магазин. Через год он сделался заведующим магазином. Еще через год женился на местной красавице двадцати четырех лет и купил собственный особняк. У него родились двое детей — мальчик и девочка.

Это было счастливая и благополучная семья. Если хрестоматийно проследить за нашим приезжим из Узбекистана по фамилии Кондратьев, то можно увидеть, что жизнь его год от года складывалась все благополучнее, несмотря на то, что страна испытывала кризис за кризисом. Однако наш незнакомец и сам был работягой и своим подчиненным спуску не давал. А такие, как известно, всегда процветают, независимо от экономической обстановке в государстве.

Впоследствии дети бывшего беженца выросли, и у них тоже все сложилось благополучно. Они закончили университеты, обзавелись семьями, нарожали внуков.

Семью Кондратьевых в Вешкаймском районе уважали. Вячеслава Глебовича неоднократно избирали в местное самоуправление, и предлагали работать в администрации, но он скромно отказывался. А собственно, зачем ему работать в администрации, когда его бизнес и без того процветал. К началу

двухтысячного года он уже владел в Поволжье довольно крупной сетью продовольственных магазинов.

Внезапно в 2009 году вешкаймский бизнесмен сбрил бороду и явился в ГУВД Ульяновской области с повинной. Мужчина заявил, что он — Антон Глебович Кудрявцев, которого объявили в федеральный розыск двадцать два назад.

О том, что преступник, столько лет проживал под чужой фамилией и, был, в конце концов, пойман, писали все Российские СМИ. Об этом даже показывали передачу на НТВ. Когда телевизионный корреспондент спросил задержанного, что же его заставило прийти в милицию с повинной, Кондратьев, он же Кудрявцев, заявил, что его замучила совесть.

16

Антон Кудрявцев по натуре был весельчаком и гулякой. Он был любимчиком родителей, любимчиком учителей, любимчиком уличных компаний, а потом и любимчиком курса текстильного института, в котором учился. Он был любимцем женщин, и баловнем судьбы. То, что он как две капли воды походил на Юрия Гагарина, приносило ему дополнительную любовь. В его доме на стене висели фотографии космонавта вперемежку с его личными фотографиями, и гости не понимали, где космонавт, и где их радушный хозяин.

— А вот еще заметка про меня, — шутил Антон и показывал заметку из «Известий» со своим лицом про запуск первого космонавта в космос.

— Но здесь уже точно не ты, — смеялись друзья. — Тут уже нас не обманешь.

Чем взрослее становился Антон, тем меньше любви стало перепадать ему. Да и откуда ее было черпать? Семья, работа, быт, скука... К тому же, супруга отвадила всех друзей.

На первом же допросе Кудрявцев признался следователю, что мошенничать начал из любопытства.

— Когда я пришел на кладбище и увидел собственную могилу, то испытал невероятное потрясение, — рассказал под протокол Кудрявцев. — Как же так? Вот он я! Живой, здоровый, мыслящий, и вот я — похороненный. Я думал, у меня сердце разорвется от печали. А тут еще стало вечереть. Откуда-то принесло тучи. Потом начал накрапывать дождь. И вдруг я увидел, что к кладбищу подходят двое...

Это была чета Сапожниковых. Федор только что вышел из запоя, и был мрачен. Его жена, Галина, напротив имела жизнерадостный вид. Наконец она уговорила мужа пойти на кладбище, чтобы подправить могилу родителей.

При виде супругов Кудрявцев хотел броситься наутек. Но потрясение от вида собственной могилы с фотографией на камне было столь сильным, что он остался стоять у ограды. Сапожниковы подошли и поздоровались. Галина принялась детскими грабельками рыхлить на соседней могиле землю, а Федька достал папиросы и подошел к Антону. Кивнув на могильный холмик Кудрявцева, Сапожников сипло пробасил:

— Мой работник был, царство ему небесное! Федька дурачок его порубал.

Кудрявцев был поражен, что Сапожников видит его фото на надгробии, но в упор не видит его самого. Но если это еще можно было объяснить его похмельным состоянием, то как объяснить, что его супружница также не узнавала Антона, хотя смотрела ему прямо в лицо. Она вышла из родительской оградки, подошла к мужикам и, кивнув на могилу Кудрявцева, встряла в разговор:

— Двое детей осталось у него. Царствие ему небесное! — шумно вздохнула она. — Хороший, говорят, мужик был. Почти не пил!

Они перекрестились и ушли. Кудрявцев остался в недоумении. Он пошел к своему дому, но по пути встретил еще двух женщин: продавщицу из магазина и бухгалтершу из Правления колхоза. Обе поздоровались с ним, но также его не узнали. Это было видно по их глазам. Они смотрели не на него, а как будто сквозь него.

«Что за черт? — удивился Кудрявцев. — А может, меня уже вправду нет в живых?» Он взгляделся в отражение в луже, и понял, что он еще живой.

В собственный дом, в который после похорон переехали из Налеяка его жена и дети, Кудрявцев войти не решился. Ведь напугаются и умрут от разрыва сердце. «Но даже если не напугаются, как им объяснить, почему я живой...»

Бедняга всю ночь ходил под дождем вокруг дома и думал, какой же он мерзавец — придумать такое, чтобы не платить алименты. А ведь детей он всегда любил. Да и жену тоже. «Нужно что-то придумать, чтобы объяснить свое воскрешение!»

Однако проходил день за днем, и воскреснуть становилось все сложнее. Он корил себя за то, что не набрался мужества прийти с повинной к семье в первый же вечер. Сейчас бы он снова считался живым.

Кудрявцев ночевал на Ульяновском железнодорожном вокзале. Кормился объедками из столовой. Он честно искал работу. Но кто возьмет его без паспорта?

Однажды, проходя мимо кинотеатра «Рассвет», где стояла огромная очередь за билетами, в его рукав вцепился какой-то незнакомый мужчина. Он сунул ему рубль и попросил:

— Слышь, Коль, возьми два билета! Сегодня твоя кассирша работает.

Кудрявцев пожал плечами и хотел ответить, что мужчина обознался, но тут налетели еще человек десять. Каждый сунул по рублю и попросил купить билет. Сдачу разрешили оставить себе. Кудрявцев повторно пожал плечами и отправился к дверям администрации. «Может, выгорит, — подумал он. — Тогда на сдачу куплю себе батон...»

Не выгорело! Наглеца вытолкнули обратно практически сразу, едва он открыл рот. Антон вернулся к толпе поджидающих, чтобы вернуть деньги, но услышал странный разговор:

— Колян достанет, не переживай. Но где же он? Собрал деньги и смылся.

Люди смотрели сквозь него, совсем его замечая. Кудрявцеву стало интересно. Он просочился сквозь толпу и встал посередине на всеобщее обозре-

ние. Но граждане по-прежнему продолжали крутить головами и высматривать кого-то на ступенях кинотеатра. Прибежал мужчина и закричал:

— В кассу никто не заходил? Где твой Колян?

Все заволновались. Становилось все интереснее. «Да заметит меня, кто-нибудь, или нет?» — засмеялся Кудрявцев.

Увы, никто его не заметил. Зато толпа заметила проходившего мимо милиционера. Стража обступили и начали ему жаловаться, как какой-то проходимец собрал с них деньги на билеты и исчез. Когда стали описывать внешность проходимца, Кудрявцев не выдержал и захохотал. Не совпала ни одна черточка на его лице. Для чистоты эксперимента он снова вклинился в толпу пострадавших, но его опять никто не захотел увидеть.

Кудрявцев пошел по улице весьма задумчивым. «Если меня не замечают, почему бы этим не воспользоваться, тем более что на работу не берут...»

— Словом, не корысти ради я начал этим заниматься, — улыбнулся следователю подследственный, — а ради научного эксперимента. А кошелки я подкидывал семье, потому что понял, что люблю детей, и что мне нужна семья...

Эпилог

На этом нашу историю можно закончить. Сдавшийся милиции житель Вешкаймского района не понес никакого наказания. Несмотря на то, что уголовное дело было возобновлено и доведено до конца, суд не принял его к рассмотрению в связи с давностью лет. Кондратьев по сей день живет с семьей в Вешкайме, но только уже под своей фамилией Кудрявцев.

Его дочь Ирина и сын Алексей, узнав из телевизионных новостей, что отец жив, в тот же день отправились к нему. Было много слез, рыданий и упреков, но закончилось все хорошо. Дети были рады, что их отец воскрес, и что у них появились еще брат с сестрой и четыре племянника. Что касается безутешной вдовы, Елены Ильиничны, то она обрадовалась меньше, особенно, когда узнала, что супруг все это время припеваючи жил с молодой женой в трехэтажном коттедже с зимним садом.

Леня больше никогда не видел Таню, и весьма сдержанно поддерживал отношения со Светланой. Через неделю после возвращения из колхоза он разругался с Аллочкой и внезапно сорвался в Москву. Там он неожиданно поступил в МГУ на заочный факультет журналистики. В последствии Берестов стал известным московским журналистом.

Илья Креонов в середине девяностых перебрался в США. Он по сей день читает лекции в Нью-Йоркских университетах. Илья поддерживает высокие отношения с Ириной, и она трижды прилетала к нему в Нью-Йорк со своим мужем и двумя детьми. Сам же Илья Александрович женился на мексиканке, и воспитывает троих детей.

Толик в девяностых иммигрировал в Германию. Он работает в каких-то коммунальных сферах. По-прежнему ли он не расстается с гитарой, неизвестно.

Малахаев остался верен Родине и своей поэзии. Его стихи сегодня можно найти на всех поэтических сайтах.

Луиза вышла замуж за Пашку. У них трое детей. Живут они в Ульяновске, и имеют собственный бизнес по поставкам сельскохозяйственной техники.

Шурик-Австралия до сих пор работает на электронном заводе «Искра». Об Австралии он больше не мечтает и даже о ней не заикается. Через месяц после возвращения из колхоза, он подал на развод. После чего, ушел жить к Анюте. Говорят, с Анютой они живут душа в душу.

Светлана вышла замуж за инженера с завода, который старше ее на двадцать восемь лет. Детей у них нет. Ходят слухи, что Светлана не очень довольна браком. Однако о разводе помышлять не в их семейной традиции.

О судьбе Розки ничего не известно. С завода она уволилась и куда-то уехала. По слухам, во Владивосток.

О судьбе Танечки Цветковой знают многие. Она закончила факультет психологии Пензенского государственного университета. После чего переехала в Москву. Сейчас она столичный житель. Имеет свой магический салон, и довольно часто мелькает на телевидении. У нее все сложилось: карье-

ра, известность, ученый муж, двое детей. Недавно я звонил ей с поздравлениями. Она стала победительницей в передаче «Битва экстрасенсов».